

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОЛОГОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК
ВОЛОГОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в январе 2016 г.

№ 2 (33) / 2024

Серия: Исторические и филологические науки

ВОЛОГДА
2024

№ 2 (33) / 2024 / ИЮНЬ. Выходит 4 раза в год.

Рецензируемый научный журнал «Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки» предназначен для ознакомления российской и зарубежной научной общественности, аспирантов и студентов с новыми научными результатами, имеющими значение в области фундаментальной и прикладной науки. С 2016 года включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ). С 21.02.2022 включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук (№ 2329). Полнотекстовые версии выпусков научного журнала размещены в свободном доступе на сайте Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru).

Реестровая запись от 13 июня 2019 г. серии ПИ № ФС77-75973. Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Серия: Исторические и филологические науки.

Специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки), 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки), 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки), 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки), 5.9.3. Теория литературы (филологические науки), 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки), 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (германские языки) (филологические науки), 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки).

Главный редактор *В.А. Саблин*, доктор исторических наук, доцент, зав. кафедрой всеобщей истории и мировой политики ВоГУ.

Заместитель главного редактора *Л.В. Егорова*, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка ВоГУ.

Секретарь *А.С. Столетова*, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории ВоГУ, доцент кафедры философии и истории Вологодской ГМХА им. Н.В. Верещагина, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Северо-Западного института (филиала) Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

Члены редколлегии:

С.Ю. Баранов, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой литературы ВоГУ,

О.А. Бурсина, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка ВоГУ,

Л.О. Володина, доктор педагогических наук, доцент, директор ВолНЦ РАО, профессор кафедры психологии, педагогики и социальной работы ВоГУ,

С.Х. Головкина, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ,

Л.В. Изюмова, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории ВоГУ,

В.А. Квашинин, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры юриспруденции ВоГУ,

И.Е. Колесова, кандидат филологических наук, ученый секретарь ВОУНБ им. И.В. Бабушкина,

Г.Н. Кочешков, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой отечественной истории ЯГПУ им. К.Д. Ушинского,

Р.Л. Красильников, доктор филологических наук, преподаватель общеобразовательной школы Центра педагогического мастерства,

С.А. Мызников, доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Центра ареальной лингвистики Исл РАН,

О.В. Никитин, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры славистики, общего языкознания и культуры коммуникации ГУП,

Ж.И. Подоляк, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой английского языка ВоГУ,

Я.В. Сарычев, доктор филологических наук, доцент, заместитель директора Института филологии по научной работе, профессор кафедры русского языка и литературы ЛГПУ им. П.П. Семенова-Тян-Шанского,

Г.В. Судаков, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ,

В.А. Черкасов, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, педагогики и методики начального образования и изобразительного искусства БелГУ.

Переводчик *О.А. Бурсина*.

Редакторы *О.М. Ванчугова, Н.Н. Постникова*.

Оригинал-макет *С.В. Кудрявцев*.

Адрес редакции: 160000, Российская Федерация, Вологодская область, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15, каб. 212. Тел.: 8 (8172) 72-52-00, e-mail: vestnik@vogu35.ru. Сайт: <http://vestnik.vogu35.ru>.

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», 160000, Российская Федерация, Вологодская область, город Вологда, улица Ленина, дом 15.

Отпечатано: ООО «Издательство «Сад-огород», 160000, Российская Федерация, Вологодская область, г. Вологда, ул. Текстильщиков, 20а, тел. 8 (8172) 73-12-22; e-mail: vologdapost@yandex.ru.

Подписано в печать 31.05.2024 г. Выпуск в свет 28.06.2024 г. Формат А4 (60 x 84/8).

Уч.-изд. л. 14,5. Усл. печ. л. 15,0. Тираж 30 экз. Заказ № 788. Цена свободная.

ISSN 2658-7254

© ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», 2024

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«VOLOGDA STATE UNIVERSITY»

BULLETIN OF VOLOGDA STATE UNIVERSITY

SCIENCE JOURNAL

First published in 2016

No. 2 (33) / 2024

Series: History and Philology

VOLOGDA
2024

No. 2 (33) / 2024 / June. 4 issues a year.

'Bulletin of Vologda State University' is a peer-reviewed scholarly journal published by Vologda State University. It is issued four times a year and is aimed at Russian and international researchers, post-graduate and undergraduate students who wish to familiarize themselves with new fundamental and applied research. 'Bulletin of Vologda State University. Series History and Philology' has been fully indexed by Russian Science Citation Index since 2016. 'Bulletin of Vologda State University. Series History and Philology' is included in the List of peer-reviewed scientific journals approved for publication of the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Science, for the degree of Doctor of Science since (№ 2329) February 21, 2022. Full-size versions of the issue can be found in free access at Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru).

Registration Certificate ПИ № ФС77-75973 of June 13, 2019. It's registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor).

Series: History and Philology.

Academic areas: 5.6.1. National History (Historical Sciences), 5.6.2. Global History (Historical Sciences), 5.9.1. Russian Literature and Literature of the Peoples of the Russian Federation (Philological Sciences), 5.9.2. World Literature (Philological Sciences), 5.9.3. Literature Theory (Philological Sciences), 5.9.5. Russian. Languages of the Peoples of the Russian Federation (Philological Sciences), 5.9.6. Foreign Languages (Germanic Languages), (Philological Sciences), 5.9.8. Theoretical, Applied and Comparative Linguistics (Philological Sciences).

Editor-in-Chief *Vasily A. Sablin*, Doctor of History, Associate Professor, Head of the Department of World History and International Politics, Vologda State University.

Deputy Chief Editor *Ludmila V. Egorova*, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of English, Vologda State University.

Executive Secretary *Anna S. Stoletova*, Candidate of History, Associate Professor of the Department of National History, Vologda State University, Associate Professor of the Department of Philosophy and History, Vologda State Dairy Farming Academy named after N.V. Vereshchagin, Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines, the North-Western Institute, Kutafin Moscow State Law University.

Editorial Board:

Sergey Yu. Baranov, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Literature, Vologda State University,

Olga A. Bursina, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of English, Vologda State University,

Larisa O. Volodina, Doctor of Pedagogy, Head of the Vologda Research Center of the Russian Academy of Education, Associate Professor, Professor of the Department of Pedagogy and Psychology, Vologda State University,

Svetlana Kh. Golovkina, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian, Theory of Communication and Journalism, Vologda State University,

Larisa V. Izyumova, Candidate of History, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian History, Vologda State University,

Vladimir A. Kvashnin, Doctor of History, Associate Professor, Professor of the Department of Jurisprudence, Vologda State University,

Irina Ye. Kolesova, Candidate of Philology, Academic Secretary of Vologda Regional Research Academic Library named after I.V. Babushkin,

Gennady N. Kocheshkov, Doctor of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky,

Roman L. Krasilnikov, Doctor of Philology, Lecturer, Comprehensive School of the Center for Pedagogical Excellence,

Sergey A. Myznikov, Doctor of Philology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Chief Research Fellow of the Centre of Areal Linguistics, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences,

Oleg V. Nikitin, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Slavic and General Linguistics and Culture of Communication, State University of Education,

Zhanna I. Podolyak, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of English, Vologda State University,

Yaroslav V. Sarychev, Doctor of Philology, Assistant Professor, Deputy Director for Research at the Philological Institute, Professor of the Department of Russian Language and Literature, Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semyonov-Tyan-Shanskiy,

Gury V. Sudakov, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian, Theory of Communication and Journalism, Vologda State University,

Valery A. Cherkasov, Doctor of Philology, Professor of the Department of Theory, Pedagogy and Methods of Primary Education and Fine Arts, Belgorod State National Research University.

Editor of English Texts *O.A. Bursina*.

Editors, proofreaders *O.M. Vanchugova, N.N. Postnikova*.

Making up and technical editing *S.V. Kudryavtsev*.

Address of the Editorial Office: Office 212, Lenin Street, 15, Vologda, Vologda region, Russian Federation, 160000. Tel.: 8 (8172) 72-52-00, e-mail: vestnik@vogu35.ru. Bulletin website: <http://vestnik.vogu35.ru>.

Founder and Publisher: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Vologda State University», Lenin Street, 15, Vologda, Vologda region, Russian Federation, 160000.

Address of the Printing House: «Publishing House Sad-Ogorod», LLC, Tekstilshchikov Street, 20a, Vologda, Vologda region, Russian Federation, 160000. Tel. (8172) 73-12-22, e-mail: vologdapost@yandex.ru.

Passed for printing 31.05.2024. Date of Publication 28.06.2024. Format A4 (60 x 84/8).

Conventional printed sheets 14,5. Published pages 15,0. Number of copies 30. Order 788. Open price.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Саблин В.А.</i> КРЫМ В 2014 ГОДУ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЫБОР.....	7
--	---

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Блинова С.В.</i> ВЫПУСКНИКИ МУЗЫКАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ВГПИ/ВГПУ 1980–1990-Х ГОДОВ – ПРЕПОДАВАТЕЛИ ВУЗОВ И КОЛЛЕДЖЕЙ	8
<i>Квашнин В.А.</i> НОРМЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА В ЗАКОНАХ XII ТАБЛИЦ?	14
<i>Кочешков Г.Н.</i> КРЕСТЬЯНСКИЙ ДВОР В 1917 ГОДУ (ПО СТАТИСТИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ).....	18
<i>Наумов А.Н.</i> АРГУНОВСКАЯ ТРАГЕДИЯ 1918 Г.	23
<i>Новиков М.В.</i> СОВЕТСКИЕ АВИАТОРЫ В КИТАЙСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ В 1937–1940 ГГ. (ПО МАТЕРИАЛАМ ВОСПОМИНАНИЙ).....	28
<i>Плиев Р.И.</i> ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОРИЕНТАЛИСТСКОГО ВОСПРИЯТИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА	37
<i>Пушкаренко Е.А.</i> НЕМЕЦКАЯ ПРОПАГАНДА НА ТЕРРИТОРИИ ГЕНЕРАЛЬНОГО ОКРУГА БЕЛАРУСЬ: ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ И ЦЕННОСТНЫЙ АСПЕКТЫ.....	41

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Дунников В.В.</i> СЮЖЕТНЫЙ АБСУРД В ПЬЕСЕ ДМИТРИЯ ДАНИЛОВА «СЕРЕЖА ОЧЕНЬ ТУПОЙ»	45
<i>Игнатъева А.А.</i> ИСТОРИЯ КАК ИГРА В ДРАМЕ ФРИДРИХА ШИЛЛЕРА «ЗАГОВОР ФИЕСКО В ГЕНУЕ».....	51
<i>Папилова Е.В.</i> ВЗАИМОВОСПРИЯТИЕ РУССКИХ И ИТАЛЬЯНЦЕВ В РОМАНЕ ВС.С. СОЛОВЬЕВА «ЦАРСКОЕ ПОСОЛЬСТВО».....	56
<i>Плотникова А.Г.</i> ЛЕОНИД АНДРЕЕВ И «ВЕЛИКИЙ КИНЕМО»	60
<i>Черкасов В.А.</i> ХОДАСЕВИЧ-ТЕАТРАЛ (БИОГРАФИЯ): ЗАМЕТКИ К ТЕМЕ	64

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Бузинова Л.М., Павлючук В.П.</i> О ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫХ ГРАНИЦАХ В НЕМЕЦКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ	70
<i>Бурсина О.А.</i> СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОКРАЩЕНИЙ-НЕОЛОГИЗМОВ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ.....	75
<i>Генералова Л.М.</i> СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В ЭПОХУ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)	80
<i>Иванова Е.Н.</i> СТРУКТУРНЫЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО ГНЕЗДА СЛОВ С ПРАСЛАВЯНСКИМ КОРНЕМ *PER-/POR- В РУССКОМ ЯЗЫКЕ	84
<i>Кургузова Е.В.</i> НАЗВАНИЯ ВОЕННЫХ ОПЕРАЦИЙ КАК ОБЪЕКТ ОНОМАСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ КОДОВЫХ НАЗВАНИЙ ВОЕННЫХ ОПЕРАЦИЙ КРАСНОЙ АРМИИ И ВЕРМАХТА ПЕРИОДА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ).....	87
<i>Румянцева А.С.</i> ОСОБЕННОСТИ МЕХАНИЗМА ВЫВЕДЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОГО ПРОТОТИПА.....	96
<i>Судаков Г.В.</i> ЭМОТИВНАЯ ЛЕКСИКА В ЯЗЫКЕ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ	102

НАУЧНЫЕ ОТЧЁТЫ, ОБЗОРЫ, ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Голдин В.И.</i> ОТ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ПРОХОДА К СЕВЕРНОМУ МОРСКОМУ ПУТИ: ИТОГИ МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНОГО ПРОЕКТА	108
<i>Егорова Л.В.</i> ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ В.А. ГРОССМАНА.....	111
<i>Якушева Л.А.</i> ФОН И ФИГУРА: ПРОБЛЕМНЫЙ И СЮЖЕТНЫЙ ОБЗОР ВСЕРОССИЙСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ.....	115
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	117

CONTENTS

<i>Sablin V.A.</i> CRIMEA IN 2014: HISTORICAL CHOICE	7
--	---

HISTORY

<i>Blinova S.V.</i> UNIVERSITY AND COLLEAGE TEACHERS - GRADUATES OF THE MUSIC AND PEDAGOGY FACULTY, VOLOGDA STATE PEDAGOGICAL INSTITUTE (UNIVERSITY) OF THE 1980S-1990S	8
<i>Kvashnin V.A.</i> THE NORMS OF CRIMINAL LAW IN THE LEGES XII TABULARUM?.....	14
<i>Kocheshkov G.N.</i> A PEASANT HOUSEHOLD IN 1917 (ACCORDING TO THE STATISTICAL MATERIALS OF THE YAROSLAVL PROVINCE).....	18
<i>Naumov A.N.</i> ARGUNOVO TRAGEDY OF 1918	23
<i>Novikov M.V.</i> SOVIET AVIATORS IN THE REPUBLIC OF CHINA IN 1937–1940 (BASED ON MEMOIRS)	28
<i>Pliev R.I.</i> THE MAIN FEATURES OF THE ORIENTALIST PERCEPTION OF THE NORTH CAUCASUS IN RUSSIAN LITERATURE OF THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY	37
<i>Pushkarenko E.A.</i> NAZI PROPAGANDA ON THE TERRITORY OF THE GENERAL DISTRICT OF BELARUS IN 1941–1944: IDEOLOGY AND VALUE ASPECTS	41

LITERATURE STUDY

<i>Dunnikov V.V.</i> THE PLOT ABSURDITY IN DMITRY DANILOV'S PLAY «SERYOZHA IS VERY STUPID».....	45
<i>Ignatyeva A.A.</i> HISTORY AS A GAME IN FRIEDRICH SCHILLER'S DRAMA «THE FIESCO CONSPIRACY IN GENOA»	51
<i>Papilova E.V.</i> MUTUAL PERCEPTION BETWEEN RUSSIANS AND ITALIANS IN VSEVOLOD SOLOVYOV'S HISTORICAL NOVEL «THE TSAR'S DELEGATION».....	56
<i>Plotnikova A.G.</i> LEONID ANDREEV AND «GREAT CINEMO».....	60
<i>Cherkasov V.A.</i> KHODASEVICH–THEATER LOVER (BIOGRAPHY): NOTES ON THE TOPIC	64

LINGUISTICS

<i>Buzinova L.M., Pavlyuchuk V.P.</i> SPACE-TIME BOUNDARIES IN GERMAN ARTISTIC DISCOURSE IN THE PANDEMIC PERIOD.....	70
<i>Bursina O.A.</i> STRUCTURAL SEMANTIC ANALYSIS OF NEW SHORTENED WORDS IN MODERN ENGLISH.....	75
<i>Generalova L.M.</i> STYLISTIC FEATURES OF POLITICAL COMMUNICATION IN THE AGE OF DIGITAL TECHNOLOGIES (ON THE MATERIAL OF THE GERMAN LANGUAGE)	80
<i>Ivanova E.N.</i> DERIVATIONAL AND SEMANTIC STRUCTURE OF THE HISTORICAL PARADIGMS WITH THE PROTO-SLAVIC ROOT *PER- / *POR- IN THE RUSSIAN LANGUAGE	84
<i>Kurguzova E.V.</i> NAMES OF MILITARY OPERATIONS AS AN OBJECT OF ONOMASTIC RESEARCH (BASED ON THE CODE NAMES OF MILITARY OPERATIONS RED ARMY AND WEHRMACHT DURING WORLD WAR II).....	87
<i>Rumyantseva A.S.</i> ON THE PROCESS OF MAKING LEXICAL PROTOTYPE.....	96
<i>Sudakov G.V.</i> EMOTIVE VOCABULARY IN THE LANGUAGE OF THE PETRINE ERA	102

SCIENTIFIC SURVEYS, RESEARCH REPORTS, COMMENTS AND REVIEWS

<i>Goldin V.I.</i> FROM NORTHEAST PASSAGE TO NORTHERN SEA ROUTE: THE RESULTS OF THE SCIENTIFIC PROJECT	108
<i>Egorova L.V.</i> SELECTED WORKS OF VICTOR AZRIELEVICH GROSSMAN.....	111
<i>Yakusheva L.A.</i> BACKGROUND AND FIGURE: A CRITICAL REVIEW OF THE ALL-RUSSIAN CONFERENCE WITH INTERNATIONAL PARTICIPATION	115
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	119

В.А. Саблин

*главный редактор научного журнала
«Вестник Вологодского государственного университета.
Серия: Исторические и филологические науки»,
доктор исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой всеобщей истории и мировой политики
Вологодского государственного университета*

КРЫМ В 2014 ГОДУ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЫБОР

«После тяжелого, длительного, изнурительного плавания Крым и Севастополь возвращаются в родную гавань, к родным берегам, в порт постоянной приписки, в Россию!» – заявил в свое время президент РФ Владимир Путин, выступая на торжественном митинге на Красной площади.

Десять лет назад в состав России вошли Крым и город Севастополь в качестве двух новых субъектов Федерации.

Как это было? Вглядимся в хронологию событий.

18 октября 1921 г. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР была образована Автономная Крымская социалистическая советская Республика.

25 июня 1946 г. указом Верховного Совета РСФСР вместо Крымской АССР создана Крымская область РСФСР.

29 октября 1948 г. Севастополь оформлен в город республиканского подчинения.

19 февраля 1954 г. состоялась передача Крымской области в состав УССР.

20 января 1991 г. – референдум о государственном и правовом статусе Крымской области. Большинство жителей полуострова поддержали воссоздание автономного статуса региона как субъекта Союза ССР и участника Союзного договора.

12 февраля 1991 г. Верховный Совет УССР восстановил Крымскую АССР.

В 1996 г. автономный статус республики был закреплен в Конституции Украины.

27 февраля 2014 г. Верховный Совет объявил о проведении республиканского референдума 25 мая 2014 г. о расширении статуса автономии.

1 марта 2014 г. депутаты городского совета города Севастополя проголосовали за неподчинение киевским властям и за поддержку проведения в Крыму референдума о расширении статуса автономии.

1 марта 2014 г. Премьер-министр Крыма Сергей Аксенов временно переподчинил себе все силовые структуры республики, заявил о переносе Всекрымского референдума на 30 марта в связи с обострением ситуации на полуострове и обратился к президенту Российской Федерации с просьбой об оказании содействия в обеспечении мира и спокойствия на территории Крыма.

2 марта 2014 г. Сергей Аксенов издал указ о подчинении себе, как Верховному главнокомандующему Республики Крым, всех воинских формирований Вооруженных сил Украины, дислоцированных на территории республики и города Севастополя.

6 марта 2014 г. Верховный Совет Крыма обратился к Президенту РФ с просьбой включить республику в состав России в качестве субъекта Российской Федерации и назначил на 16 марта 2014 года общекрымский референдум.

6 марта 2014 г. Севастопольский горсовет принял постановление «Об участии в проведении общекрымского референдума».

11 марта 2014 г. Верховный Совет Крыма и Севастопольский городской совет приняли Декларацию о независимости Автономной республики Крым и города Севастополя, Автономная республика переименовывалась в «Республику Крым».

15 марта 2014 г. Россия наложила в Совете Безопасности ООН вето на проект резолюции, называющей предстоящий в Крыму 16 марта референдум нелегитимным.

16 марта 2014 г. в Автономной Республике Крым и городе Севастополе состоялся общекрымский референдум. (За воссоединение с Россией на правах субъекта Российской Федерации проголосовали 96,77 % избирателей, за расширение автономии в составе Украины – 2,51 %. Явка избирателей составила 83,1% избирателей. В Севастополе за вхождение в состав России проголосовали 95,6 %, за автономию в составе Украины – 3,37 %. Явка избирателей в Севастополе достигла 89,5 %.)

17 марта Верховный Совет Республики Крым на внеочередном пленарном заседании принял постановление «О независимости Крыма». Согласно документу, Крым провозглашается независимым суверенным государством – Республикой Крым, в которой город Севастополь имеет особый статус.

17 марта Президент России подписал указ о признании Республики Крым суверенным и независимым государством. В указе говорилось: «учитывая волеизъявление народов Крыма на общекрымском референдуме, состоявшемся 16 марта 2014 г., признать Республику Крым, в которой город Севастополь имеет особый статус, в качестве суверенного и независимого государства».

18 марта 2014 г. Президент Российской Федерации Владимир Путин, председатель Госсовета Республики Крым Владимир Константинов, Премьер-министр Республики Сергей Аксенов и мэр Севастополя Алексей Чалый подписали межгосударственный договор о признании Республики Крым в Российскую Федерацию и образовании в ее составе новых субъектов.

11 апреля 2014 г. Государственным Советом Республики Крым была принята Конституция Республики Крым. С ее принятием был заложен фундамент правовой системы республики, и депутатский корпус парламента получил возможность приступить к наработке республиканского законодательства.

14 сентября 2014 г., в единый день голосования в Российской Федерации, состоялись выборы в Государственный Совет Республики Крым.

19 сентября 2014 г. состоялась первое заседание Государственного Совета Республики Крым первого созыва, на котором Председателем Государственного Совета был единогласно избран Владимир Андреевич Константинов.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 378:37

5.6.1. Отечественная история

С.В. Блинова

Вологодский государственный университет

ВЫПУСКНИКИ МУЗЫКАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ВГПИ/ВГПУ 1980–1990-Х ГОДОВ – ПРЕПОДАВАТЕЛИ ВУЗОВ И КОЛЛЕДЖЕЙ

В статье идет речь о выпускниках музыкально-педагогического факультета Вологодского государственного педагогического института/университета 1980–1990-х годов, основной сферой деятельности которых является преподавание высших и средних учебных заведениях.

ВГПИ, ВГПУ, музыкально-педагогический факультет, Вологодский государственный университет, кафедра музыкального искусства и образования.

Созданному в 1978 году музыкально-педагогическому факультету ВГПУ в 2023 году могло бы исполниться 45 лет (в 1976–1978 годах он существовал в качестве отделения музыки и пения при филологическом факультете ВГПИ).

В 2013 году факультет перестал существовать, сначала оказавшись частью факультета иностранных языков, культуры и искусств ВГПУ, затем – Института культуры и туризма Вологодского государственного университета (ВоГУ), наконец, после еще одной, очередной реорганизации, – Института педагогики, психологии и физического воспитания ВоГУ. В настоящее время от факультета осталась одна кафедра музыкального искусства и образования (МИиО).

Автор этих строк не раз обращался к освещению истории вологодского «музпеда» (как его обычно называли) (см.: [1–3]), однако ограниченный объем публикаций не позволял уделить достаточное внимание его выпускникам. А ведь именно подготовка кадров является главной целью любого учебного заведения!

В предлагаемой статье мы попытаемся рассказать о творческих достижениях лучших выпускников факультета. На наш взгляд, эти сведения могут быть интересны самим выпускникам, нынешним студентам, потенциальным абитуриентам, преподавателям и руководству университета.

В отличие от более узкой специализации студентов консерваторий, выпускники музпеда – музыканты широкого профиля. Их учили петь сольно и в хоре, дирижировать хором, играть на музыкальных инструментах (помимо основного инструмента, программой были предусмотрены и занятия на дополнительном инструменте – например, пианист осваивал еще и аккордеон, баянист – фортепиано), в ходе фольклорных экспедиций записывать народные песни от аутентичных исполнителей, знать теорию и историю музыки,

владеть методикой преподавания музыкальных дисциплин.

Столь же разнообразной оказалась и их дальнейшая профессиональная деятельность. Среди выпускников факультета: преподаватели ВоГУ и других вузов (в том числе кандидаты и два доктора наук), директора, завучи и педагоги общеобразовательных, детских музыкальных школ (далее – ДМШ) и детских школ искусств (ДШИ), музыкальные руководители детских садов, домов детского творчества и домов культуры, фольклорных центров, сотрудники музеев, библиотек, Вологодской картинной галереи, ТЮЗа, артисты и даже генеральный директор Вологодской областной филармонии, руководитель и артисты Хоровой академической капеллы Вологды и других хоровых коллективов города, регенты и певчие храмов, организаторы различных культурно-массовых мероприятий, самодельные композиторы, журналисты.

Многие из выпускников известны в городе, области и России, являются лауреатами всероссийских и международных исполнительских конкурсов, некоторые – обладателями благодарностей и почетных грамот разного уровня, в том числе Министерства образования и Министерства культуры, знаков «Отличник народного просвещения РСФСР», «Почетный работник общего образования РФ», «За заслуги в развитии образования города Вологды», медалей «Во имя детей» и медалей Русской Православной Церкви; среди них – несколько заслуженных работников культуры РФ и Вологодской области и заслуженный артист РФ А.В. Мишин.

Деятельность всех музыкантов, окончивших ВГПИ/ВГПУ/ВоГУ, разумеется, совершенно невозможно описать в одной статье, поэтому нам пришлось ограничиться выпускниками 1980–1990-х годов, которые преподают в высших и средних специальных

учебных заведениях. Анализ достижений учителей музыки общеобразовательных школ, педагогов ДМШ и ДШИ, а также музыкантов-исполнителей, руководителей творческих коллективов, композиторов, сотрудников музеев и библиотек, журналистов потребует отдельных статей.

До начала 2000-х годов студенческие курсы на музпед, по нынешним меркам, были огромными – на дневное отделение ежегодно набиралось 50 человек, на заочное – 25–30 (правда, не все поступившие доходили «до финала»)¹.

В первые два десятилетия своего существования факультет жил яркой, насыщенной жизнью. Трехэтажное здание на проспекте Победы, 71 было пронизано музыкой – случайный прохожий мог услышать звучащие в классах романсы и оперные арии, народные песни, раскаты фортепиано, звучание струнных или духовых инструментов. В те годы студентам и педагогам было разрешено заниматься в учебных аудиториях и в воскресенье, а библиотека – интеллектуальный центр факультета – была открыта пять дней в неделю с 8 до 17 часов (а не два часа в понедельник, как теперь).

Первый выпуск дневного отделения состоялся в 1980 году, заочного – в 1982 году. На наш взгляд, начать анализ достижений выпускников целесообразно с тех из них, которые стали педагогами и концертмейстерами в своей alma mater. Всего на четырех кафедрах – именно столько их было в период расцвета факультета – за годы его существования трудились около трех десятков его выпускников.

Преподаватели музыкально-педагогического факультета ВГПИ/ВГПУ и кафедры музыкального искусства и образования ВоГУ

В первые годы существования факультета его штат формировался из музыкантов, окончивших различные консерватории и педагогические институты. Сначала «молодой факультет привлек к работе некоторых преподавателей из музыкально-педагогического училища, а в качестве ведущих педагогов-музыкантов было приглашено несколько “варягов”, как правило, с консерваторским образованием. Немалую помощь кадрами в последующем оказали факультету и музыкальное училище с филармонией» [4, с. 4].

Но вскоре на факультете стали оставаться и его лучшие питомцы. В 1980–1990-е годы здесь работали (здесь и далее курсивом в выделены имена, отчества и фамилии выпускников музпед этих лет):

¹ Уже в первый год существования музыкального отделения, несмотря на многие возникшие трудности, удалось выполнить план и набрать 50 человек. В «Справке об итогах приема на I курс ВГПИ в 1976 году» отмечалось: «В организации нового дела мы даже встретили противодействие со стороны музыкально-педагогического училища. Так, из обещанных пяти преподавателей – для участия на вступительных экзаменах – был только один <...>. Руководство педагогического училища № 2 (музыкально-педагогического училища) обещало направить на учебу в институт более десятка выпускников. А фактически не было ни одного... И в то же время мы благодарны Областному управлению культуры (это даже другое ведомство), которое предоставило возможность двум выпускникам музыкального училища учиться в пединституте. А ОблОНО, наше непосредственное ведомство, не способствовало делу набора на музыкально-педагогический факультет» [5, л. 86].

- преподаватели дирижирования и хора *И.В. Субботина, Л.А. Марченко, И.В. Кузнецова, Э.В. Зауторова, Е.Л. Назимова*; преподаватели вокала *Г.Е. Зетилова, Е.В. Смирнова, Е.И. Ершова, М.В. Алексеева, В.А. Кузнецов*;

- преподаватели фортепиано *В.Л. Сигова, Г.А. Дмитриева, И.А. Кокина, Л.А. Смирнова, И.В. Мизинцева*; преподаватель баяна *Ю.В. Серов*;

- преподаватели фольклорных дисциплин *О.А. Федотовская, С.В. Балуевская, О.Я. Рейма*.

Несколько наиболее перспективных молодых музыкантов после окончания факультета продолжили совершенствовать свое профессиональное мастерство в консерватории.

Ирина Алексеевна Кокина окончила Петрозаводскую консерваторию и ассистентуру-стажировку Московской консерватории. Ныне она профессор кафедры МИиО, преподаватель ДМШ № 1 и ДШИ № 2 им. В.П. Трифонова; член Международной (Токио) и Общенациональной (Москва) ассоциаций фортепианных дуэтов, Ассоциации концертных деятелей России, известный исполнитель. В течение двух десятилетий (1993–2013) она выступала в фортепианном дуэте с Л.С. Андреевой (дуэт – лауреат конкурсов в России и Италии, дипломант – в Токио и Осло), в последние годы – в дуэте со своей ученицей О.Н. Селезневой; награждена медалью Московской консерватории им. П.И. Чайковского «За выдающиеся заслуги в деле развития дуэтного музицирования» (2008), дипломом Международного агентства рекордов и достижений «За выдающийся вклад в развитие фортепианно-дуэтного движения» (2010), Благодарностью Международного Благотворительного Фонда В.Т. Спивакова «За верное служение благородным идеалам искусства».

В.А. Кузнецов и *И.В. Кузнецова* также получили второе высшее образование в Петрозаводской консерватории и вернулись на музпед в качестве преподавателей. *Виктор Альбертович Кузнецов* был солистом Вологодской филармонии, Детского музыкального театра, пел партии в операх «Алеко» С.В. Рахманинова, «Ай, да Балда» В.В. Кравченко, «Золотой ключик» И.В. Морозова, стажировался в Милане и Вероне; в настоящее время он ведет класс вокала в Вологодском областном колледже искусств (ВОКИ) и Детском музыкальном театре и является солистом концертного оркестра духовых инструментов «Классик-модерн бэнд» им. В.Л. Кочнева.

И.В. Кузнецова (Маслова) после 10 лет работы на музпед (в том числе, в должности заместителя декана по воспитательной работе и заочному обучению) была заместителем начальника Управления культуры и историко-культурного наследия Департамента гуманитарной политики Администрации Вологды; с 2012 года она директор Городского дворца культуры.

Елена Львовна Назимова – после получения диплома ВГПУ – экстерном за год (!) окончила Петрозаводскую консерваторию и около 10 лет отдала преподаванию на факультете, а также в ВОКИ. В Вологде и России ее знают как художественного руководителя молодежного женского камерного хора «Кантилена» (лауреата Государственной молодежной премии Вологодской области по литературе и искусству) и Хоровой

академической капеллы города Вологды им. В.М. Сергеева. После возрождения в стране 2013 году Всероссийского хорового общества *Елена Львовна* была избрана директором его регионального отделения. Одновременно она преподает в ДШИ № 5 им. В.С. Белякова.

Концертмейстером обоих хоровых коллективов является *Ирина Владимировна Серова*, в составе названных хоров немало выпускников факультета.

Помимо *И.А. Кокиной*, в состав кафедры МИиО входят еще три выпускника музпеда – доценты *И.В. Субботина*, *В.Л. Сигова* и *О.Я. Рейма*. Уже имея огромный практический опыт, они занялись наукой и стали кандидатами педагогических наук.

Инна Витальевна Субботина работает на факультете более 40 лет, руководит педагогической практикой студентов, преподает дирижирование, методику и историю музыкального воспитания; читала лекции в Вологодском институте развития образования, возглавляла комиссию по аттестации учителей музыки и изобразительного искусства Вологды и области, была председателем ГАК в Вологодском педагогическом колледже, вела уроки музыки и МХК в общеобразовательных школах. Автор диссертации «Становление индивидуально-творческого стиля деятельности будущего учителя музыки в педагогической практике» (2007, научный руководитель – Ф.И. Кевля).

Вера Леонидовна Сигова связана с музпедом с 1980 года, ведет фортепиано, концертмейстерское мастерство, музыкально-исполнительский практикум и методологию музыкального образования; является концертмейстером ДШИ № 2 (ранее – в ДМШ № 1, 4, ДШИ № 5, музыкальным училище/колледже, Детском музыкальном театре); обучала игре на фортепиано студентов Вологодской духовной семинарии. Тема ее диссертации – «Развитие креативности будущих учителей музыки через ситуации выбора в учебной деятельности» (2014).

Преподаватель фольклорных дисциплин *Оксана Ярославовна Рейма* руководит созданной еще в ВГПУ в 2011 году Молодежной фольклорно-этнографической студией ВоГУ; является педагогом ВОКИ и проводит занятия Мастерской женского традиционного пения «Покров» в Центре ремесел г. Вологды. Все это предопределило тему ее диссертации «Патриотическое воспитание студентов на основе использования русского фольклора во внеучебной деятельности вуза» (2021).

Ольга Александровна Федотовская работала в ВГПИ с 1988 года, возглавляла Лабораторию по пропаганде и развитию фольклора в областном научно-методическом центре Управления культуры, была педагогом специализированных фольклорно-этнографических классов школы № 10. В 1999 году по инициативе *О.А. Федотовской* и заслуженного работника культуры Г.П. Парадовской фольклорно-этнографическое отделение было открыто и в ДМШ № 4, которым *Ольга Александровна* заведует и теперь. Одновременно она является педагогом ВОКИ и уже в течение нескольких лет преподает на кафедре народной художественной культуры Московского государственного института культуры.

Отрадно отметить, что среди 62 персоналий, портреты которых можно увидеть на Пушкинской

аллее Вологды на созданной в честь Года педагога и наставника (2023) фотовыставке «Учитель, мастер и творец: педагоги и наставники учреждений культуры Вологды» – 10 выпускников факультета, в том числе *О.Я. Рейма* и *О.А. Федотовская*.

Более 30 лет отдала музпеду *Светлана Владимировна Балувеская* – была научным сотрудником, методистом Централизованного фонда музыкально-этнографических материалов ВГПУ, преподавателем. С 2023 года она воспитывает юных музыкантов в ВОКИ, ДМШ № 4 и Школе традиционной народной культуры.

До 2011 года на факультете работала *Любовь Андреевна Марченко*. В настоящее время она доцент кафедры психологии, педагогики и социальной работы ВоГУ, регент любительского хора собора Рождества Пресвятой Богородицы, преподаватель церковного пения в приходской воскресной школе; награждена медалью Русской Православной Церкви преподобного Сергия Радонежского второй степени. С этой сферой деятельности связана и тема ее диссертации «Реализация педагогического потенциала православной воскресной школы» (2015, научный руководитель – Т.В. Лодкина).

Концертмейстерами музпеда в разные годы были *Н.Н. Котова*, *Л.А. Лебедева*, *И.В. Серова*, *О.А. Мальшиева*, *Н.С. Павлова*, *Л.Ю. Проскура*, *А.И. Дьячкова*, *Г.В. Пахомова*. Более 35 лет эту должность занимает *Любовь Александровна Мешкова*.

Преподаватели других высших учебных заведений

Некоторые выпускники факультета волею судьбы оказались в других высших учебных заведениях города, области и страны. Сначала – о двух музыкантах, которые, к сожалению, уже ушли из жизни.

Наиболее отдаленным от Вологды оказалось место работы *Оксаны Георгиевны Яковлевой* – получив диплом ВГПИ, она уехала в родную Якутию, окончила аспирантуру Якутского государственного университета им. М.К. Аммосова, защитила кандидатскую диссертацию «Формирование духовной культуры младших школьников средствами Якутского музыкального искусства» (1998), преподавала в Якутском педагогическом институте на кафедре педагогики дошкольного воспитания, была докторантом кафедры педагогики РГПУ им. А.И. Герцена, подготовила докторскую диссертацию. Увы, защитить ее она не успела – в 2012 году она скончалась.

Защита кандидатской диссертации «Управление профессиональным лицеем в условиях регионализации образования» *Екатерины Александровны Киуру* состоялась в 2000 году в Москве. *Е.А. Киуру* была доцентом ВИРО, депутатом Вологодской городской Думы IV созыва (2003–2009), преподавала в Народном университете бизнеса и народных технологий (ее деятельность была прервана из-за безвременной кончины в 2007 году).

В 1999–2012 годах методистом кабинета филологического и эстетического образования ВИРО была *Елена Владимировна Сидорова* – учитель музыки школы № 16, победитель первого областного конкурса «Учитель года» (1995) и всероссийского конкурса

«Учитель года России-1995», лауреат Премии Президента РФ. Для проведения занятий она приглашала в ВИРО других выпускников факультета – заведующего отделом традиционной народной культуры областного научно-методического центра культуры и повышения квалификации *Алексея Викторовича Кулёва*, вологодского композитора-любителя и педагога *Игоря Анатольевича Белкова*, певца *Николая Ивановича Обухова*.

Е.В. Сидорова преподавала методику музыкального воспитания и МХК на музпед и на кафедре теории и истории культуры и этнологии ВГПУ, была первым Президентом областной общественной организации Клуб «Учитель года» Вологодской области, в составе методических десантов побывала во всех уголках области и за ее пределами с открытыми уроками и мастер-классами; исполняла песни вологодских композиторов. Увлекается живописью, была участником выставки в Арт-галерее «Наш XXI век», где теперь хранятся некоторые ее произведения.

Удивительна творческая судьба *Эльвиры Викторовны Зауторовой* – поработав в двух школах и на музпед, она перешла в Вологодский институт права и экономики, написала и защитила кандидатскую диссертацию «Формирование нравственных ценностных ориентаций подростков средствами русской хоровой культуры» (2002) и докторскую диссертацию «Приобщение к искусству как средство педагогической коррекции ценностных ориентаций молодых осужденных» (2009). *Э.В. Зауорова* – доктор педагогических наук, профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, подполковник внутренней службы, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования, композитор и исполнитель песен. Еще одной гранью ее разнообразной деятельности стало научное руководство названными выше диссертациями *В.Л. Сиговой* и *О.Я. Рейма*.

Елена Адольфовна Воронина, автор кандидатской диссертации «Духовно-нравственное просвещение учащихся младших классов средствами музыки» (2002, научный руководитель – И.Д. Лушников), заведовала кафедрой воспитания, дополнительного образования и культурологии ВИРО. С 2014 года она доцент кафедры социально-педагогического образования Санкт-Петербургской Академии постдипломного педагогического образования.

В настоящее время методистом сектора гуманитарного и художественно-эстетического образования Центра непрерывного повышения профессионального мастерства педагогических работников ВИРО является учитель музыки и МХК школы № 16, победитель конкурсов лучших учителей и преподавателей Вологодской области (2010, 2012), Почетный работник общего образования РФ, лауреат премии им. П.А. Колесникова *Ирина Викторовна Колесникова*. Несколько лет она сотрудничает с кафедрой МИиО, являясь членом ГАК.

Маргарита Ивановна Петухова-Левецкая преподавала в Туле, была доцентом кафедры дошкольного и начального общего образования в Институте повышения квалификации и профессиональной подготовки работников образования Тульской области. Защитила

кандидатскую диссертацию «Формирование готовности будущего учителя музыки к проведению внеклассной работы по эстетическому воспитанию школьников» (2009); является членом региональной общественной организации «Объединение тульских композиторов». Последние три года педагог живет в Санкт-Петербурге и является педагогом ДМШ.

Алла Рейнгольдовна Вышкина преподавала в Новгородском государственном университете им. Ярослава Мудрого, в 2000 году защитила диссертацию «Формирование готовности студентов педагогического колледжа к работе на селе (на примере дисциплин музыкально-художественного цикла)».

Кафедра МИиО гордится и теми выпускниками, которые, окончив музыкальный факультет, в какой-то момент своей жизни, совершив крутой поворот, выбрали иные сферы деятельности.

Причудлива «линия жизни» *Евгения Алфеевича Маркова*, получившего три высших образования, – помимо ВГПИ, он окончил факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова и Российскую академию государственной службы при Президенте РФ; был редактором областной студии телевидения в Череповце, главным редактором регионального телеканала «Канал-12», специальным корреспондентом областной газеты «Русский Север» по Череповцу, депутатом Законодательного Собрания области по Северному избирательному округу № 7 г. Череповца, членом мандатной комиссии, ответственным за связи со средствами массовой информации и общественностью, заместителем председателя постоянного комитета Законодательного Собрания области по вопросам местного самоуправления. В 2003 году ученый защитил кандидатскую, в 2012 году – докторскую диссертацию. «Обе диссертации были посвящены теме трансформационных процессов во взаимодействии органов власти и СМИ в современной России. Это проблематика, которую Евгений Алфеевич знает, что называется, изнутри, поскольку обладает большим опытом работы в журналистике и в представительных органах власти» [6]. *Е.А. Марков* – профессор кафедры социальных коммуникаций и медиа Гуманитарного института Череповецкого государственного университета.

Светлана Анатольевна Тиханкина после получения музыкального образования обратилась к философии, защитила в Вологде диссертацию «Постнеклассический тип научной рациональности» (2006, руководитель – Г.Н. Оботурова); в настоящее время она научный сотрудник Международного образовательного центра истории Холокоста и геноцидов РГГУ (Москва), Почетный работник общего образования РФ, эксперт муниципального этапа всероссийской олимпиады школьников по обществознанию, член экспертной комиссии ЕГЭ.

Преподаватели средних специальных учебных заведений

Многие выпускники музпед трудятся в различных средних специальных учебных заведениях. Невозможно охарактеризовать их деятельность подробно, поэтому придется в основном ограничиться перечислением.

Вологодский областной колледж искусств – преподают: *Е.А. Бадалова, С.В. Попикова, В.А. Кузнецов, О.А. Федотовская, С.В. Балуевская, О.Я. Рейма*; преподавала: *Е.Л. Назимова*; были концертмейстерами: *В.Л. Сигова, И.А. Козлова, А.И. Дьячкова*. Заслуженный работник культуры Вологодской области *Наталья Викторовна Щербакова* ведет в колледже эстрадный вокал и методику его преподавания, является хормейстером Молодежного эстрадного хора – обладателя золотых и серебряных медалей Молодежных Дельфийских игр России и государственного гранта Вологодской области в сфере культуры 2022 года; ранее также обучала вокалу артистов Камерного драматического театра.

Вологодский педагогический (музыкально-педагогический) колледж (училище) – преподавали: *Любовь Николаевна Живодёрова, Л.А. Смирнова, Г.Е. Зетилова*. Выпускник училища, один из самых известных вологодских композиторов-любителей, автор более 170 песен *Игорь Анатольевич Белков* работал в колледже с 1999 года в течение 17 лет; руководил методическим объединением учителей музыки Вологодского района, читал лекции в ВИРО.

Вологодское областное культурно-просветительное училище в г. Кириллове (ныне – колледж культуры туризма) – преподавали: *В.Л. Сигова, Л.А. Марченко*. **Вологодская духовная семинария** – преподают: *Л.А. Марченко, И.А. Белков*, преподавали: *В.Л. Сигова, Г.Е. Зетилова*.

Одним из педагогов **Сыктывкарского гуманитарно-педагогического колледжа им. И.А. Куратова** является *Татьяна Юрьевна Усачева* (ранее она заведовала его музыкальным отделением). После окончания ВГПУ с 1998 года была педагогом Коми государственного педагогического института, с 2014 года – Сыктывкарского государственного университета (с 2015 года – университета им. Питирима Сорочкина). В Московском государственном открытом педагогическом университете им. М.А. Шолохова защитила кандидатскую диссертацию «Взаимодействие речевой и музыкальной интонаций в профессиональной подготовке учителя» (2003); вела курсы повышения квалификации для педагогов-музыкантов, была концертмейстером в хореографической школе.

Анастасия Викторовна Беляева 30 лет вела в названном колледже эстрадный вокал, фортепиано и синтезатор, с 2023 года живет в Ярославле, работает в ДШИ № 10; сочиняет музыку – издала диск с детскими песнями и сборник фортепианных циклов («Музыкальные пейзажи», «В лесу», «Играем танцы»).

Таким образом, несколько десятков выпускников музыкально-педагогического факультета ВГПИ/ВГПУ успешно преподают (преподавали) в высших и средних специальных учебных заведениях Вологды, Череповца, Кириллова, Сыктывкара, Якутска, Тулы, Великого Новгорода, Санкт-Петербурга и Москвы – воспитывают новые поколения музыкантов, занимаются музыкальной композицией и даже живописью. Тематика диссертационных исследований выпускников факультета весьма широка, но большинство из них посвящены формированию духовной культуры, нравственных ценностей, развитию креативности, патриотическому воспитанию детей и молодежи;

в качестве средств духовного развития рассматриваются русский фольклор, русская православная музыка и хоровая культура.

Констатируя славные достижения выпускников, разумеется, было бы неправомерно приписывать их исключительно учебе на музпед. Специфика музыкального образования – в его сложной трехступенчатой структуре: «музыкальная школа – музыкальное училище/колледж – вуз»; правда, второе (а иногда – первое) звено присутствует далеко не всегда. Часть абитуриентов (иногда – значительная часть) прочным фундаментом своего музыкального образования обязана замечательным педагогам музыкальных школ, училищ и колледжей.

И все-таки четыре или пять лет, проведенные на музыкально-педагогическом факультете ВГПИ/ВГПУ, не могли не внести важный вклад в становление личности музыкантов, развитие их способностей и талантов, сделав многих из них достойными, успешными и известными в городе, области и стране людьми, которые служили и продолжают служить прекрасному, доброму, вечному.

И даже если говорить о тех, кто после окончания факультета решил получить второе высшее образование в консерваториях и других учебных заведениях страны, как знать – может быть, именно общение с педагогами факультета побудило их к дальнейшему профессиональному совершенствованию?²

Литература

1. Блинова, С. В. Музыкально-педагогический факультет ВГПУ: этап становления (1976–1988) / С. В. Блинова // Вестник Вологодского государственного педагогического университета. – 2012. – № 4. – С. 72–77.

2. Блинова, С. В. Страницы истории музыкально-педагогического факультета Вологодского государственного педагогического университета / С. В. Блинова // Вестник Вологодского государственного университета. – 2018. – № 1 (8). – С. 92–96.

3. Блинова, С. В. Музыкально-педагогический факультет Вологодского государственного педагогического университета (1976–2013): ретроспективный взгляд / С. В. Блинова // Подготовка музыканта-педагога: исторический опыт, проблемы, перспективы : материалы международной научной конференции седьмой сессии Научного совета по проблемам истории музыкального образования. – Москва, 2019. – С. 86–95.

4. Бонфельд, М. Ш. Не только за партой / М. Ш. Бонфельд // Университетская газета [издание ВГПУ]. – 2001. – № 6. – С. 4.

5. ГАВО. Ф. 2076. Оп. 10. Д. 460. Л. 86.

6. Наука в лицах: доктор политических наук Евгений Марков. – URL: https://www.chsu.ru/nauka-i-innovatsii/nauka-v-litsakh/nauka-v-litsakh-doktor-politicheskikh-nauk-evgeniy-markov/?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения: 27.10.2023). – Текст : электронный.

² Автор статьи приносит свои извинения всем выпускникам ВГПИ/ВГПУ, которые не были упомянуты в статье или сведения о которых оказались недостаточно полными.

S.V. Blinova

UNIVERSITY AND COLLEAGE TEACHERS - GRADUATES OF THE MUSIC AND PEDAGOGY FACULTY, VOLOGDA STATE PEDAGOGICAL INSTITUTE (UNIVERSITY) OF THE 1980S-1990S

The article tells about the career paths of the graduates of the Music and Pedagogy Faculty of Vologda State Pedagogical Institute (later University) of the 1980s–1990s, who now teach themselves at higher and secondary educational institutions.

Vologda State Pedagogical Institute, Vologda State Pedagogical University, the Music and Pedagogy Faculty, Vologda State University, Department of Musical Art and Education.

В.А. Квашин
Вологодский государственный университет

НОРМЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА В ЗАКОНАХ XII ТАБЛИЦ?

Статья посвящена нормам уголовного права, присутствующим в сохранившихся нормах Законов XII таблиц. В ходе исследования были проанализированы данные античной традиции, что позволило прийти к ряду выводов о первом памятнике древнеримского писаного права. В центре внимания находится VIII таблица законов, содержащая нормы уголовного права. Анализ ее содержания показывает, что Законы XII таблиц содержат упоминания о преступлениях, которые условно можно свести в две большие группы: направленные против личности и направленные против собственности. В то же время в Законах XII таблиц отсутствует привычная для современного права система построения правового материала: нет деления на общую и особенную части, статьи не следуют друг за другом в зависимости от степени тяжести деяния, ряд статей не могут быть отнесены к уголовному праву в его нынешнем понимании. Проведенное исследование показывает, что уголовные нормы, содержащиеся в Законах XII таблиц, не могут считаться основным источником уголовного права Древнего Рима. Скорее можно говорить о том, что запись децемвирами соответствующих норм путем включения в свод ряда частных деликтов стала первой ступенью, заложившей основу римского уголовного права. Кроме того, необходимо учитывать, что в основе VIII таблицы находится сакральное право, что позволяет более адекватно воспринимать нормы Законов XII таблиц, рассматривая их в контексте римского общества архаического периода.

Римское право, уголовное право, сакральное право, Законы XII таблиц, структура и система построения, система преступлений и наказаний.

Хотя Законы XII таблиц получили широкое освещение как в научной, так и учебной литературе, нормы уголовного права, содержащиеся в них, редко привлекают внимание исследователей. Немногочисленные работы, посвященные этому вопросу, зачастую имеют невысокое качество, содержат неточности и просто фактические ошибки, в связи с чем изучение данного вопроса не потеряло своей актуальности [14, с. 40–41]. Как принято считать, основной массив уголовных норм содержит VIII таблица, что и обусловило использование ее в качестве основного источника [7, с. 109; 1, с. 17; 9, с. 17]. Более того, в литературе высказывалось мнение о том, что именно законы XII таблиц являются главным источником всего уголовного права Древнего Рима, что заставляет с особым вниманием отнестись к ее содержанию [4, с. 57].

Следует отметить, что данное утверждение вызывает сомнение, поскольку, как полагал еще Рудольф фон Иеринг, формирование уголовного права в качестве самостоятельной отрасли римского права произошло лишь в конце предклассического периода, не ранее II–I вв. до н. э. [3, с. 91]. Кроме того, как известно, имеющийся в нашем распоряжении текст Законов XII таблиц представляет собой позднейшую реконструкцию, созданную немецкими учеными XIX в. Морицем Фойгтом и Генрихом Дирксеном [15, с. 43; 7, с. 109–110]. Исходным материалом для нее

послужила компиляция цитат Законов XII таблиц и комментариев к ним, извлеченная из сочинений древних авторов. При этом прямые указания на расположение тех или иных норм в системе Законов XII таблиц крайне немногочисленны.

Стоит также учитывать, что при их систематизации и анализе историки и юристы Нового времени исходили из собственных представлений о раннем римском праве. В частности, это выразилось в стремлении исследователей того времени выдвинуть на первый план сферу частного права, отодвинув на второй план право публичное [12, с. 73–74]. Так, Мориц Фойгт был убежден в том, что Законы XII таблиц являлись древнейшим сводом частного права с включением правовых норм других отраслей, так или иначе с ним связанных [15, с. 55]. Все это позволяет согласиться с неоднократно звучавшим в литературе мнением о том, что существующая в настоящее время реконструкция системы Законов XII таблиц носит весьма условный характер [7, с. 109–110; 11, с. 88; 1, с. 22; 6, с. 28, 43]. В полной мере это относится к VIII таблице, что заставляет с особым вниманием отнестись к тем нормам, которые были включены в нее в ходе реконструкции первого римского свода писаного права.

Анализ ее содержания представлен в таблице 1 (номера статей приведены по изданию Законов XII таблиц 1996 г.) [2].

Таблица 1

Правонарушение	Статья по своду Законов XII таблиц	Источники
Клевета (?)	1, 4	Plin., N.H., 28, 2, 17; Fest., 190 L; Cic., de rep., 4, 10, 12 ap. Aug., de civ. Dei, 2, 9; Aug., de civ. Dei, 2, 12-14; Hor., ep., 2, 1, 152-155; Corn., Ad. Pers. Sat., 1, 123; Porph., ad Hor. Sat., 2, 1, 82-83; ad Her., 4, 25, 35; D., 47, 10, 15, 3; Cic., Tusc., 4, 2, 4; Arnob., adv. gent., 4, 34; Paul., Sent., 5, 4, 6; Cic., Brut., 217; D., 50, 16, 236, pr.
Членовредительство	2, 3	Fest., 496 L; Paul. Coll. 2, 5, 5; Gai. Inst., 3, 223.
Причинение ущерба имуществу	5, 6, 7, 9, 11	Plin., N.H., 17, 1, 7; 18, 3, 12; Fest., 246, 320 L; Ulp. D., 9, 1, 1, pr.; 19. 5. 14. 3; ; Paul. D., 47, 7, 11; Gai. Inst., 4, 11; Iust., Inst., 4, 9, pr.
Ворожба	8	Plin., N.H., 28, 2, 17; Serv., ad Verg., ecl., 8, 95-99; Plin., N.H., 18, 6, 41; Aug., de civ. Dei, 8, 19; Apul. apolog., 47; Tibul., 1, 8, 19; Senec., Natural. Quaest, 4, 7; Mart. Capella, 9 § 928; Serv., ad Verg., ecl., 8, 71.
Поджог	10	Fest., 430 L; D., 50, 16, 236; Callistr. D., 48, 19, 28, 12.
Кража	12, 13, 14, 15, 16, 17	Ulp., D., 26, 10, 1, pr. 2; Tryph., D., 26, 7, 55, 1; Cic., de off., 3, 15, 61; Donat., ad Ter. Eun., 515; Cic., de or., 1, 36, 167; Iust., Inst., 4, 10, pr.
Ростовщичество	18	Tac., Ann., 6, 16; Cato, Agr. praef. 1.
Лжесвидетельство	22-23	Gell., 20, 1, 53; Gell., 15, 13, 11; 7, 7, 2, 3; Iust., Inst., 2, 10, 6; D., 28, 1, 26; Porph., ad Hor. Sat., 2, 3, 181; Prisc., Inst. gramm., 8, 17.
Непредумышленное убийство и нанесение телесных повреждений	24	Cic., Tull., 21, 51; Cic., top., 17, 64; Cic., de or., 3, 39, 158; Aug., de lib. arb., 1, 4, 9; Fest., 470 L, 476 L.

Как можно видеть, в Законах XII таблиц содержится упоминание о целом ряде преступных деяний, которые условно можно свести в две группы. Первая содержит преступления, направленные против личности, к которым следует отнести: **непредумышленное убийство и нанесение телесных повреждений** (ст. 24), **членовредительство** (ст. 2-3), **клевета** (ст. 1, 4), **лжесвидетельство** (ст. 22-23), **ворожба** (ст. 8). К второй группе относятся преступления, направленные против собственности – **кража** (ст. 12-17), **причинение ущерба имуществу** (ст. 5-7, 9, 11), **поджог** (ст. 10). В VIII таблице упоминается также **ростовщичество**, которое не относится ни к одной из упомянутых групп и должно рассматриваться отдельно (ст. 18). Как можно заметить, в своей совокупности полученные данные мало что дают для понимания социально-экономических условий, в которых развивалось раннее римское общество архаического периода. К примеру, совершенно необъяснимым выглядит отсутствие упоминаний о таком виде уголовного преступления, как умышленное убийство, присутствующее практически во всех памятниках раннего права. Разумеется, это не говорит о том, что их не было в оригинальном тексте Законов XII таблиц, но еще раз напоминает о том, сколь отрывочными и неполными данными мы вынуждены пользоваться.

С другой стороны, обращает на себя внимание, что большая часть статей VIII таблицы посвящена преступлениям, связанным с покушениями на имущество частных лиц. При этом, однако, неправильным было бы делать вывод о развитии отношений собственности в римском обществе эпохи принятия Законов XII таблиц, поскольку они явно содержат нормы, относящиеся к пластам разного времени [7, с. 111-114; 13, с. 22]. На это указывает, прежде всего, отсутствие четкой системы наказаний, что видно из

данных, приведенных в таблице 2. В таблице VIII встречаются такие виды наказания, как **смертная казнь**, в том числе в виде **жертвоприношения** (ст. 1, 8-10, 12-13, 21, 23), **право талиона** (ст. 2), **телесные наказания** (ст. 9, 14), **штраф** как в натуральной, так и в денежной форме (ст. 3-5, 9, 11, 15-16), **умаление гражданской чести** (ст. 22), явно относящиеся к разным историческим эпохам. Преобладание таких видов наказания, как **смертная казнь** (упоминается в восьми статьях) и **штраф** (упоминается в семи статьях), на фоне полного отсутствия сведений об институте лишения свободы, базового для современной пенитенциарной системы, является надежным маркером архаичности и неразвитости социальных и государственных структур римского общества рассматриваемого периода. Наконец, не лишним будет упомянуть, что ряд статей VIII таблицы вообще не относятся к уголовному праву с точки зрения современной правовой доктрины.

Обращает на себя внимание отсутствие в VIII таблице привычной для современных правовых систем логики построения правового материала: нет деления на общую и особенную части, статьи не следуют друг за другом в зависимости от степени тяжести деяния, ряд статей не могут быть отнесены к уголовному праву в его нынешнем понимании. В этой связи следует отметить, что некоторые исследователи вообще отрицали наличие более или четкой структуры в построении свода Законов XII таблиц [12, с. 79-80; 7, с. 109-111; 10, с. 22; 11, с. 88]. В то же время в литературе высказывалось мнение, что системообразующую роль в Законах XII таблиц выполняло сакральное право, в связи с чем вся система построения нового свода в общих чертах должна была соответствовать требованиям *ius sacrum* [8, с. 127-128; 5, с. 246].

Таблица 2

Номер статьи	Преступное деяние	Наказание
1	Infamia	Смертная казнь
2	Membrum ruptum	Право талиона
3	Iniuria	Штраф
4	Iniuria	Штраф
5	Rupina	Штраф (?)
6	не является нормой уголовного права	
7	не является нормой уголовного права	
8	Excantare fruges	Смертная казнь
9	Excantare fruges	Смертная казнь или телесное наказание или штраф
10	Incendium	Смертная казнь
11	Iniuria	Штраф
12	Furtum	Смертная казнь
13	Furtum	Смертная казнь
14	Furtum	Телесное наказание
15	Furtum	Штраф
16	Furtum	Штраф
17	Furtum	Санкция отсутствует
18	Fenus	Санкция отсутствует
19	не является нормой уголовного права	
20	не является нормой уголовного права	
21	Fraus	Смертная казнь
22	Falsum	Умаление гражданской чести
23	Falsum	Смертная казнь
24	Membrum ruptum	Жертвоприношение
25	Veneficium	Санкция отсутствует
26	Coetus nocturnos	Санкция отсутствует
27	не является нормой уголовного права	

Действительно, можно заметить, что значительная часть норм VIII таблицы содержит мотив вредоносной магии. Как отмечал Плиний, «у италийских племен также существуют определенные следы магии в XII таблицах» (NH.XXX.1.12). К ним, без сомнения, относится передаваемый древними авторами запрет распевать под страхом смерти некие «злые песни» (*malum carmen*). Боязнь вредоносной магии следует объяснить и запрет работать в ночное время на вспаханном поле, под страхом принесения нарушителя в жертву богине Церере:

«По XII таблицам смертным грехом для взрослого было отравить или сжечь в ночное время урожай с обработанного плугом поля. [XII таблиц] предписывали [такого] обреченного [богине] Церере человека предать смерти. Несовершеннолетнего [виновного в подобном преступлении] по усмотрению претора или подвергали бичеванию, или присуждали к возмещению причиненного вреда в двойном размере» (Plin.NH.XVIII.3.12).

Применение смертной казни в форме человеческого жертвоприношения как санкции за нарушение норм *ius sacrum* присутствует и в требовании предать подземным богам (*sacer esto*) патрона, который причинил вред своему клиенту. В основе этой нормы лежит представление о сакральном характере договорных отношений, связывавших людей, вступавших в них. Судя по всему, в период создания Законов XII таблиц не проводилось разделения между религиозной клятвой и чисто юридическими действиями, поскольку и в том и в другом случае должник давал сакральную клятву *pinicipatio*, невыполнение которой означало обречение себя на жертву в случае невыполнения обязательства. В силу той же религиозно-правовой традиции такое преступление, как лжесви-

детельство, согласно Авлу Геллию, каралось сбрасыванием с Тарпейской скалы (XX.1.53).

Особую группу составляют нормы VIII таблицы, связанные с запретом магических практик в отношении земли и произрастающего на ней урожая. Как свидетельствует Плиний, согласно Законам XII таблиц тайное истребление урожая каралось более тяжело, чем убийство человека (NH. XVIII.3.12). Эти сведения подтверждает Сенека, который также отмечал, что «невежественная древность верила, что заклинаниями можно вызывать дожди и предотвращать их» (NQ.IV.7). О существовании магической практики «переманивания» чужого урожая со ссылкой на Законы XII таблиц сообщают Плиний Старший, Апулей, Сервий Грамматик, Аврелий Августин и Марциан Капелла. На то, что эти нормы не являются неким исключением из правил, указывает сочинение Катона Старшего «*De agri cultura*», в котором присутствуют следы архаического восприятия земли как живого существа. Один из примеров подобного рода – требование Катона, обращенное к управлявшему хозяйственной жизнью поместья виллику, «не обманывать нивы», поскольку это ведет к несчастью (V.4).

С другой стороны, VIII таблица содержит нормы, посвященные различным видам членовредительства. Скорее всего, это не является случайностью, поскольку характерное для архаического сознания стремление к «витализации» земли и произрастающему на нем урожаю должно было ставить знак равенства между магическими процедурами, направленными против будущего урожая, вредоносной магией, имеющей опасность для человека, и реальным нанесением телесных повреждений. Не исключено, что членовредительству могло быть уподоблено и тайное срезание

колосьев, связанное со сбором урожая, являвшимся важной вехой в аграрном календаре.

Подводя итоги, следует отметить, что нет оснований считать комплекс уголовных норм, содержащийся в законах XII таблиц, основным источником уголовного права Древнего Рима. Скорее, можно говорить о том, что запись децемвирами соответствующих норм путем включения в свод ряда частных деликтов стала первой ступенью, заложившей основу римского уголовного права. В то же время необходимо учитывать, что в основе норм VIII таблицы лежит не светская, основанная на рационализме, внесенном европейской мыслью эпохи Просвещения, правовая доктрина, обогащенная достижениями римского права классического периода, а сакральное право. Это, в свою очередь, позволяет поставить вопрос о принципах, лежащих в основе построения свода Законов XII таблиц, что является уже задачей другого исследования.

Литература

1. Дождев, Д. В. Римское частное право / Д. В. Дождев. – Москва, 1996. – 685 с.
2. Законы XII таблиц / составление и перевод Л. Л. Кофанова ; ответственный редактор В. И. Уколова. – Москва, 1996. – 228 с.
3. Иеринг, Р. Дух римского права на различных ступенях его развития / Р. Иеринг. – Санкт Петербург, 1875. – 197 с.
4. Иоффе, О. С. Основы римского гражданского права / О. С. Иоффе, В. А. Мусин. – Ленинград, 1975. – 156 с.
5. Кофанов, Л. Л. Сакральное право в системе римского законодательства / Л. Л. Кофанов // Методология и методика изучения античного мира. – Москва, 1994. – С. 239–248.
6. Кофанов, Л. Л. К вопросу о палингенезе законов XII таблиц: сакральное право в системе римского законодательства / Л. Л. Кофанов // Вестник древней истории. – 1996. – № 2. – С. 26–43.
7. Муромцев, С. А. Гражданское право древнего Рима / С. А. Муромцев. – Москва, 1883. – 733 с.
8. Никольский, Б. В. Система и текст XII таблиц. Исследование по истории римского права / Б. В. Никольский. – Санкт-Петербург, 1897 – 480 с.
9. Омельченко, О. А. Римское право / О. А. Омельченко. – Изд. 2-е. – Москва, 2000 – 208 с.
10. Падалетти, Г. Учебник истории римского права : перевод с итальянского языка / Г. Падалетти. – Одесса, 1883. – 165 с.
11. Покровский, И. А. История римского права / И. А. Покровский. – Изд. 4-е. – Петроград, 1918. – 430 с.
12. Пухта, Г. Ф. История римского права / Г. Ф. Пухта ; с 5 немецкого издания перевод В. Лицкой. – Т. I, вып. 1–2. – Москва, 1864. – 577 с.
13. Скрипилёв, Е. А. Основы римского права / Е. А. Скрипилёв. – Москва, 2003. – 208 с.
14. Чичеров, Е. А. Развитие уголовного права в Древнем Риме / Е. А. Чичеров, Н. В. Назаркина // Юридические науки: проблемы и перспективы : материалы IV Международной научной конференции (г. Казань, май 2016 г.). – Казань, 2016. – 108 с.
15. Voigt, M. Die XII Tafeln. Geschichte und System des Civil- und Criminalrechtes, wie Processes der XII Tafeln nebst deren Fragmenten / M. Voigt. – Bd. I-II. – Leipzig, 1883. – 859 s.

V.A. Kvashnin

THE NORMS OF CRIMINAL LAW IN THE *LEGES XII TABULARUM*?

The article is devoted to the norms of criminal law preserved in the Twelve Tables. The author analyzes the ancient tradition and comes to certain conclusions about the first Roman ancient written law. The article is focused on Table VIII, which contains the norms of criminal law. While analyzing its content it is noted that the laws of the Twelve Tables mention the crimes which can be classified into two groups: crimes against a person and crimes against property. At the same time, the laws of the Twelve Tables do not have the usual for modern law system of making and arranging legal material. In these laws, there is no division into general and special parts, articles do not follow each other depending on the severity of the crime, a number of articles cannot be attributed to modern criminal law. The article proves that the criminal norms contained in the laws of the Twelve Tables cannot be considered the main source of criminal law in ancient Rome. Rather, it can be said that putting down the criminal norms by including a number of private delicts in the code by decemvires was the first step that laid the foundation for Roman criminal law. In addition, it is necessary to consider that the basis of Table VIII is a sacred law that allows to understand the laws of the Twelve Tables, considering them in the context of the Roman society of the archaic period.

Roman law, criminal law, sacred law, laws of the the Twelve Tables, system of crimes and punishments.

Г.Н. Кочешков

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

КРЕСТЬЯНСКИЙ ДВОР В 1917 ГОДУ (ПО СТАТИСТИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ)

В статье анализируются социально-экономические процессы, которые происходили в Ярославской деревне в 1917 г. Изучены статистические материалы, в том числе данные Всероссийской сельскохозяйственной и по-земельной переписи 1917 г., позволившие представить общую картину эволюционного развития крестьянских хозяйств Нечерноземья. Определена роль и значимость крестьянских дворов в сельскохозяйственном производстве. Изучены причины формирования среднего класса в деревнях Ярославской губернии. Выявлены изменения, произошедшие в провинциальной деревне с точки зрения структуры земельных наделов, наличия рабочего и молочного скота, структуры посевных культур.

Ярославская губерния в 1917 г., Всероссийская и поземельная перепись, наделные земли, рабочий скот, посевные культуры, животноводство.

В течение длительного периода времени отечественная историография уделяла особое внимание выяснению роли и места крестьянства в социальной структуре, что вполне объяснимо: к началу XX в. более 2/3 населения страны составляли сельчане. Совокупный доход от аграрного сектора вдвое превышал доходы от промышленности.

Русская деревня, патриархальная по своему укладу, являлась хранительницей традиционной системы ценностей. Консерватизм, крепкие общинные скрепы служили, с одной стороны, основой стабильности и прочности государственной власти, с другой стороны, тормозили дальнейшее развитие страны. Любые попытки модернизации русской деревни наталкивались на сопротивление не только значительной части дворянства, но и крестьян-общинников. Лозунг «Земля и воля» отнюдь не означал полного разрушения общинного мира. Напротив, теоретики и практики революционного освободительного движения видели в крестьянской общине идеал социального равенства и справедливости.

В середине XIX в. стала очевидна необходимость коренной ломки патриархальных, крепостнических отношений. Подневольный труд крестьян был малоэффективен; массовое недовольство сельчан грозило подорвать государственные основы императорской России. Все это заставило Александра II пойти по пути радикальных реформ и отменить крепостное право. Несмотря на двойственность, противоречивость аграрной реформы тем не менее социальное и правовое освобождение крестьян дало мощный толчок развитию страны.

Вторым шагом на пути модернизации русской деревни стала столыпинская аграрная реформа, благодаря которой у крестьян появился шанс стать свободными предпринимателями. В результате столыпинских преобразований свыше 2 млн домохозяев стали собственниками земли, общая площадь которой пре-

высила 14 млн десятин [14]. К сожалению, П.А. Столыпину не суждено было до конца реализовать свой план модернизации крестьянского хозяйства: смерть реформатора, а затем Первая мировая война прервали начатый процесс. Да и в самой крестьянской общине реформа не была воспринята однозначно.

Февральская революция 1917 г. вновь поставила в повестку дня земельный вопрос. Крестьянство с надеждой ожидало радикальных мер. Временное правительство, откликаясь на требования сельских жителей, приступило к разработке земельной реформы, однако реализовать свой замысел либеральному правительству не удалось: в октябре 1917 г. власть в стране захватили большевики, предложившие собственную революционную программу аграрных преобразований.

История земельного вопроса в России показывает необходимость взвешенного, планомерного и осторожного подхода к его решению.

Актуальность исследования определяется не только необходимостью осмысления опыта аграрных преобразований, но и крайне слабой разработанностью данной проблемы на региональном уровне.

Историография проблемы. Уже вскоре после падения самодержавия появляются первые публикации о крестьянском мире в эпоху революционных потрясений. При этом авторами трудов являлись крупные знатоки сельской жизни, ученые-практики с мировым именем. Каждый из них предлагал свой собственный вариант решения аграрного вопроса в постфевральский период [10; 11]

Второй этап отечественной историографии (1920-е – середина 1950-х годов) характеризуется снижением интенсивности исторических исследований, посвященных данной проблеме. Источниковая база научных трудов была крайне узкой; многие архивные документы были недоступны исследователям. Прева-лировала официальная точка зрения, принятая в научном сообществе [23; 8].

Третий период отечественной историографии начался со второй половины 1950-х и продолжался до конца 1980-х годов. Несмотря на непродолжительность эпохи «оттепели», появляется серия публикаций, авторы которых вводят в научный оборот новые архивные источники [20; 22].

1960-е годы знаменуются появлением фундаментального двухтомного исследования П.Н. Першина [17]. В нем подробно анализируются социально-экономическое положение крестьянства накануне и в ходе русской революции 1917 г., политика Временного правительства в аграрной сфере.

Нельзя не отметить и вклад известного ученого-аграрника А.М. Анфимова [1]. Представляет интерес коллективная монография П.С. Кабытова, В.А. Козлова, Б.Г. Литвак [19].

Современный этап отечественного крестьяноведения характеризуется публикацией целого ряда оригинальных работ [15; 2; 16; 21; 12; 13].

Несмотря на обилие научных трудов по истории русского крестьянства, по-прежнему крайне мало исследований регионального уровня. Исходя из научной значимости, актуальности и состояния изученности данной темы, в статье ставится целью исследование специфики функционирования крестьянских хозяйств в Ярославской губернии в 1917 году. Для решения поставленной задачи автором были всесторонне проанализированы статистические документы, в частности материалы Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года, историко-статистический сборник по Ярославскому краю, введены в оборот новые архивные источники [3].

Февральская революция положила начало глубоким преобразованиям в социально-экономической сфере. Среди первоочередных задач, стоящих перед Временным правительством, крестьянский вопрос занимал далеко не последнее место. В весенние дни 1917 г. новая государственная власть предпринимает конкретные шаги по подготовке и реализации крестьянской реформы. 19 марта было опубликовано воззвание, в котором отмечалось, что земельный вопрос, ввиду его сложности и уникальности, требует серьезной подготовительной работы, учета интересов всех социальных групп. При этом Временное правительство предполагало привлечь к разработке проекта различные общественно-политические силы: Лигу аграрных реформ, в которую входили как ученые-аграрники, так и представители различных политических партий; земельные комитеты и др. общественные организации. Временное правительство уделяло большое внимание статистическим отчетам; по мнению властей, подготовить и провести аграрные преобразования в стране без глубокого анализа состояния дел в русской деревне было абсолютно невозможно. С этой целью правительство принимает решение провести сельскохозяйственную и поземельную перепись; при этом предполагалось, что статистические материалы, полученные в ходе переписи, позволят более объективно и точно отразить изменения в русской деревне, произошедшие за последние годы. Кроме данных о численности сельского населения, посевов, различных видов скота, появились графы по категориям угодий, найма рабочей силы, сельскохозяй-

ственного инвентаря и пр. К сожалению, по ряду объективных причин (продолжающиеся военные действия, крестьянские волнения в ряде губерний) статистические данные были неполными.

Тем не менее, несмотря на несовершенство переписных данных, Всероссийская сельскохозяйственная и поземельная перепись 1917 г. – это единственно массовый источник, на основании которого можно представить общую картину состояния аграрного сектора в изучаемый период, определить качественные и количественные изменения в крестьянских хозяйствах, уяснить общие тенденции эволюции сельского мира.

Работа по организации и проведению переписи началась в соответствии с постановлением Временного правительства от 5 мая 1917 г. На места были отправлены программы и инструкции для переписи, которыми должны были руководствоваться губернские статистические организации. Непосредственно сбором данных в уездах губерний занимались счетчики (учетчики). В основном это были студенты, недостаточно обученные и плохо подготовленные к столь сложной и важной процедуре.

Для проведения переписи были разработаны 4 формуляра: 1) подворная карточка; 2) общинный бланк; 3) список рабочих и служащих в частновладельческих хозяйствах; 4) бланки для описания крупных частновладельческих экономик.

Перепись была завершена в октябре 1917 г.; по отдельным губерниям и областям предварительные итоги были опубликованы в ноябре того же года; полностью данные были обнародованы в 1921 и 1923 гг. после обработки всех полученных сведений от губернских статистических отделов. Что касается региональной статистики, то по Ярославскому краю все данные были сведены в «Итогах Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по Ярославской губернии» (Ярославль, 1920). К сожалению, в силу ряда причин, как то: массовые крестьянские волнения весной-летом 1917 г., охватившие большинство губерний, в том числе и Ярославскую; недостаточная подготовленность, а нередко и небрежность счетчиков при проведении переписи; посевная и уборочная кампании; нежелание (в некоторых случаях) крестьян честно и открыто отвечать на вопросы анкеты – не удалось собрать полную информацию о крестьянских дворах. По Ярославской губернии отсутствуют данные о 2107 крестьянских хозяйствах, что составляет чуть более 1 % от общего количества крестьянских дворов [18, с. 7].

Основным документом, позволяющим выявить состав крестьянских дворов, количество посевной площади, численность скота, орудий труда, являлась подворная карточка. Всех регистраторов снабдили карточками, в которых были помещены сведения о населенных пунктах и домохозяевах, проживавших или владевших земельными угодьями в этих местностях [4, л. 14]. Она представляла собой таблицу, состоящую из 187 граф, распределенных на 8 отделов. В первом отделе давалась информация общего порядка: название губернии, уездов, волостей, населенных пунктов, данные о домохозяеве, его сословная принадлежность, национальность, размер наделной земли.

Во втором отделе фиксировались демографические сведения: пол, возраст, трудоспособность, занятая промыслами.

В третий отдел вносились данные о наличии сельскохозяйственного инвентаря: пахотные, уборочные орудия труда, колесный транспорт и пр. После подведения итогов переписи выяснилось, что графы этого отдела оказались практически пустыми. По мнению ученого А.М. Анфимова, вероятно, это было связано с двумя обстоятельствами: недобросовестностью, халатностью переписчиков и отсутствием у большинства крестьян такого рода сельскохозяйственного инвентаря [1, с. 205–212].

В четвертом отделе фиксировались сведения о наличии скота в крестьянских хозяйствах: лошадей, быков, коров, овец, свиней. Данные переписи 1917 г. по Ярославской губернии позволяют выявить изменения численности скота по сравнению с предыдущими периодами. Так, количество лошадей в 1917 г. по сравнению с 1916 г. возросло как в абсолютных размерах (соответственно 139.087 и 133.956 голов), так и с точки зрения количества лошадей, приходящихся на одно крестьянское хозяйство (соответственно 07 и 06 голов лошадей) [24, с. 50–51; 9, с. 66–67]. Факт удивительный, учитывая, что в период первой мировой войны шла массовая реквизиция лошадей на фронт. В то же время произошло сокращение быков в процентном соотношении – в 1902 г. они составляли 0,6 % от общего количества скота, а в 1917 г. – 0,2 % и овец соответственно – 8,9 % и 6,8 % [7, с. 90].

Пятый отдел – отдел землевладения. Судя по графам этого отдела он являлся для статистических комитетов одним из самых важных. Вся история аграрных отношений в России свидетельствует о том, что крестьяне одной из главных проблем называли малоземелье. В этой связи Временное правительство прекрасно осознавало необходимость тщательной проработки и выяснения сути данного вопроса. Надо было учесть те демографические изменения, которые произошли в деревне за годы войны: уменьшение численности крестьянского населения, ее убыль как естественную, так и в связи с гибелью солдат на фронте. Не секрет, что большую часть военнослужащих составляло именно крестьянское население. Поэтому разработчики переписной анкеты включили в пятый отдел большое количество показателей, касающихся землевладения. В частности, регистрировались различные формы землевладения и землепользования: надельные земли, купчие земли, подворно-наследственные, общинные, хуторские, отрубные и др. Размер посевной площади являлся одним из важных показателей уровня аграрного производства. Поэтому счетчики должны были свести в единую таблицу на основе данных о распределении земельных угодий беспосевные крестьянские хозяйства, владельческие экономии, в отдельных графах произвести описание посевных площадей под различные сельскохозяйственные культуры, а также земли, пригодные для животноводства: выгоны, луга и пр.

На основании статистических данных за 1917 г. можно определить структуру земельных угодий. Из общего количества надельной и купчей земель пашня составляла 24,1 %; сенокос – 20,3; лес – 32,3; прочая

удобная земля – 20,0; неудобная земля – 3,3 % [9, с. 88–89]. 24,9 % крестьянских хозяйств, как свидетелствуют итоги переписи, не засеивали свои земли (Там же, с. 110–111).

В шестом отделе фиксировались данные об аренде земли, при этом счетчики записывали в определенных графах размеры арендованной земли; сроки аренды; условия арендной платы; данные об арендодателях (частные лица, учреждения, общества). Аренда земли была неотъемлемой частью жизни русского сельчанина. В условиях малоземелья трудно было развивать свое хозяйство без расширения пашни. Но было и еще одно обстоятельство, о котором нельзя не упомянуть. После отмены крепостного права в России начался бурный рост крестьянского предпринимательства, о чем свидетельствуют многочисленные факты как покупки земли крестьянами, так и аренды надельной земли для расширения товарного производства сельскохозяйственной продукции.

Ярославская губерния не была исключением. Согласно статистике, в результате столыпинской аграрной реформы выросло число имущих крестьян – покупателей земли. Для сравнения возьмем 1877 год как базисный и посмотрим, как изменялась динамика земельной собственности крестьян (в процентах). В 1905 году в целом по губернии количество купленной земли крестьянами увеличилось на 89,3 %, в 1917 г. – на 84,5 %. При этом в некоторых уездах – Романово-Борисоглебском – на 339,1 %, в Мологском – на 253,9 %, в Ростовском – на 239,4 % [7, с. 54]. По отношению к надельной площади купчая крестьянская земля составляла в 1877 г. – 24 %, в 1905 г. – 45 %, в 1917 г. – 42 % (Там же, с. 16).

Таким образом, есть все основания говорить о том, что формируется новый слой частных землевладельцев из крестьян, ориентирующийся на рынок. К сожалению, этот процесс не был завершен из-за октябрьского переворота.

Седьмой отдел – отдел посевов. В нем регистрировалась посевная и залежная земля, находившаяся в пользовании у крестьян. Кроме того, в различных графах классифицировалось количество посевных культур, таких как озимая и яровая рожь, озимая и яровая пшеница, яровой ячмень, овес, гречиха, просо, кукуруза, полба, горох, чечевица, картофель, лен, конопля, подсолнечник, сахарная свекла, однолетние травы, многолетние травы. В Ярославской губернии предпочитали сеять такие культуры, как рожь, ячмень, овес, лен, картофель. В процентном отношении к общей посевной площади доля этих культур составляла соответственно 71,6; 71,4; 70,8; 79,4; 83,5 [9, с. 111–112].

Архивные документы позволяют понять причины посева именно этих культур на землях Ярославской губернии. Так, экспедиционное исследование Любимского уезда, проведенное в 1913 г., выявило значительную долю посевов яровых культур по сравнению с озимыми, что отвечало потребностям ярославского крестьянства. По свидетельству крестьян, как отмечалось в отчете, «не так важна рожь: все равно придется муку покупать для семьи; в редких случаях хватает своего хлеба на $\frac{3}{4}$ года. Совсем другое дело яровое: здесь и обеспеченность корма скотине и при

хорошем урожае – денежная поддержка хозяйства» [5, л. 18]. По уверению крестьян, рожь плохо родится на их землях; другое дело – ячмень: «и родится хорошо, и качеством выше и мягче в изготовлении для еды. Из него можно выпекать “лепешки”, “опекушки”, “олады”, “блины”, т.е. праздничную пищу» (Там же, л. 31).

Опубликованные данные лишь подтверждают общеизвестный факт: Ярославская губерния по преимуществу была промышленным, а не земледельческим регионом. Природа, климат, почва были недостаточно благоприятны для занятия сельским трудом; все это способствовало развитию отхожих промыслов. Ярославская губерния являлась одним из лидеров по числу «отходников». Главными центрами «отхожих промыслов», безусловно, являлись Москва и Санкт-Петербург.

Обращаясь к данным переписи 1917 г., можно проследить динамику «отходников» Ярославской губернии. Сравнивая эти данные с более ранними годами (1901 г.), следует отметить небольшое сокращение масштабов отхожепромысловой деятельности в среднем по уездам Ярославской губернии 40–45 %, что вполне объяснимо – шла война и значительная часть трудоспособного населения деревень (мужчин) была мобилизована.

Тем не менее доля «отходников» в процентном отношении ко всему трудоспособному населению Ярославской губернии была достаточно высока – 15,7 %, а доля крестьянских хозяйств с промыслами составляла 27,4 % от общего количества крестьянских дворов [9, с. 44–45, 110–111].

Значительное место в отхожих промыслах занимала торговля. Почти из каждой волости семьи отправляли мужей и сыновей на заработки, «по торговой части». Пройдя длинный путь обучения отходники нередко достигали статуса «приказчика». Ушедшие в торговлю крестьяне редко возвращались домой в деревню. Жены отходников иногда навещали своих мужей в Москве или Питере, привозя оттуда подарки в семью. Другой распространенной формой отхожих промыслов являлась работа в трактирах в качестве слуг и поваров. По мнению сельских жителей, данный вид промысла – «легкая нажива» [5, л. 53]. Немалое количество отходников «записывалось» в швейцары, буфетчики, дворники. Как правило, жили отходники экономно, артелью варили обед, за малую плату снимали угол для ночевки. И если бы не пристрастие к спиртным напиткам, то, по словам самих же рабочих, они могли бы жить вполне «припеваючи» (Там же, л. 56).

Распространен был и кустарный промысел: сапожный, выделка овчины, изготовление деревянной посуды, сельскохозяйственных орудий (борон, дровней, граблей и т.д.), столярный, кузнечно-слесарный, щепяной, плетение корзин из прутьев. При этом годовой доход кустарей варьировался от 20 до 200 рублей [6, л. 6].

Природные условия, крайне неблагоприятные для региона нечерноземья, внесли свои коррективы в практику аграрного сектора. В Ярославской губернии пашня преимущественно засеивалась техническими культурами: льном (Мышкинский и Мологский уезды), картофелем (Ростовский, юг Даниловского уез-

дов). Но больше всего Ярославский край славился животноводством. Ярославскую молочную продукцию хорошо знали в столичных городах. Центрами молочного животноводства Ярославского края были Даниловский, Романово-Борисоглебский, Мологский, Пошехонский и часть Ярославского уездов. На основе анализа данных переписи 1917 года можно сделать вывод о том, что, несмотря на военное лихолетье, Ярославской губернии удалось сохранить статус животноводческого края. По сравнению с 1902 г. количество коров в общей доле скота (в процентах) даже увеличилось с 31,6 до 34,4 % [9, с. 66–67].

И, наконец, в восьмом отделе – «торгово-промышленные заведения» – регистрировалась принадлежность хозяйства на праве собственности или аренды, наличие технического оборудования, помещений промышленного, торгового или иного характера. Здесь же фиксировались факты найма рабочей силы. К сожалению, эти сведения оказались неполными; по многим уездам вообще отсутствуют какие-либо данные в графах восьмого отдела, что не позволяет дать объективную оценку этого раздела переписи. Поэтому к цифрам, приведенным в статистических сборниках, надо подходить с большой долей сомнения. В частности, согласно переписи 1917 г. по Ярославской губернии, отмечается, что число наемных рабочих в трудоспособном населении составляет 1,2 %, а доля хозяйств с наймом – 2,5 % (Там же, с. 44–45). Но еще раз отмечаем, что эти данные далеко не полные и не могут отражать объективное положение дел с наймом рабочей силы в Ярославской губернии.

Подводя итоги исследованию, можно сделать определенные выводы. Во-первых, перепись 1917 г. позволила получить важные данные о функционировании крестьянского хозяйства в указанный период. Во-вторых, благодаря статистическим данным можно определить динамику развития русской деревни в период Первой мировой войны и февральской революции 1917 г. В-третьих, перепись как массовый источник по изучению крестьянских дворов дает обширные сведения о развитии отходничества, полеводства, животноводства, о степени капиталистической эволюции крестьянского мира на территории Ярославской губернии. В-четвертых, статистика свидетельствует о том, что в Ярославской губернии, как и в целом по стране, в результате столыпинской аграрной реформы интенсивно шел процесс формирования нового слоя частного землевладельца из числа крестьян. Однако процесс складывания сельской буржуазии не был завершен по ряду объективных причин.

Литература и источники

1. Анфимов, А. М. Российская деревня в годы первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.) / А. М. Анфимов. – Москва : Соцэргиз, 1962. – 383 с.
2. Вронский, О. Г. Государственная власть России и крестьянская община в годы «великих потрясений» (1905–1917) / О. Г. Вронский ; Министерство общего и профессионального образования Российской Федерации. Московский педагогический государственный университет. – Москва, 2000. – 417 с.
3. Государственный архив Ярославской области (далее – ГАЯО). Фонд 485. Ярославская губернская земская управа; Фонд 642. Ярославский губернский статистический комитет.

4. ГАЯО. Ф. 485. Оп. 1. Д. 2303. Л. 14.
5. ГАЯО. Ф. 485. Оп. 1. Д. 998. Л. 18, 31, 53, 56.
6. ГАЯО. Ф. 642. Оп. 1. Д. 24058. Л. 6.
7. Гуревич, М. Б. Историко-статистический сборник по Ярославском краю: Население, народное образование, землевладение, сельское хозяйство, промышленность, транспорт, финансы, кредит, война и проч. / М. Б. Гуревич. – Ярославль : Ярославский сельскохозяйственный и кустарно-промышленный союз кооперативов, 1922. – 232 с.
8. Дубровский, С. М. Крестьянское движение в революции 1905–1907 гг. / С. М. Дубровский. – Москва : Издательство Академии наук СССР, 1956. – 168 с.
9. Итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по Ярославской губернии. – Ярославль : Б. и., 1920 (тип. полигр. произв. С.Н.Х.). – 161 с.
10. Кауфман, А. А. Аграрный вопрос в России / А. А. Кауфман. – Изд. 2-е, доп. – Москва : Московское научное изд-во, 1918. – 267 с.
11. Кондратьев, Н. Д. Аграрный вопрос. О землях и земельных порядках / Н. Д. Кондратьев. – Москва : Университетская библиотека, 1917. – 63 с.
12. Кочешков, Г. Н. Временное правительство и земельный вопрос: надежды и иллюзии / Г. Н. Кочешков // Великая российская революция 1917 года: проблемы истории и проблемы преподавания: сборник статей по итогам Международной научной конференции. – Москва : МПГУ, 2017. – С. 197–205.
13. Кочешков, Г. Н. Февральский революционный кризис 1917 года в рефлексии лидеров прогрессивного блока / Кочешков Г. Н. Сараева Е. Л. // Диалог со временем. – 2019. – № 68. – С. 301–317.
14. Кочешков, Г. Н. Русская революция и аграрный вопрос: время несбывшихся надежд / Г. Н. Кочешков. – Ярославль : ЯГПУ, 2019. – 231 с.
15. Милов, Л. В. Всероссийский пахарь и особенности российского исторического процесса / Л. В. Милов. – Москва : РОССПЭН, 1998. – 573 с.
16. Миронов, Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) : в 2 томах / Б. Н. Миронов. – 3-е изд., испр., доп. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2003. – Т. 1. – 548 с. ; Т. 2. – 583 с.
17. Першин, П. Н. Аграрная революция в России. Историко-экономическое исследование : в 2 книгах / П. Н. Першин. – Москва : Наука, 1966. – Кн. 1. От реформы к революции. – 490 с. ; Кн. 2. Аграрные преобразования Великой Октябрьской социалистической революции (1917–1918 гг.). – 576 с.
18. Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по 57 губерниям и областям. Т. V. В.1. – Москва : б.и., 1923. – XII. – 218 с.
19. Кабытов, П. С. Русское крестьянство: этапы духовного освобождения / П. С. Кабытов, В. А. Козлов, Б. Г. Литвак. – Москва : Мысль, 1988. – 237 с.
20. Соболев, П. Н. Беднейшее крестьянство – союзник пролетариата в Октябрьской революции / П. Н. Соболев. – Москва : Госполитиздат, 1958. – 340 с.
21. Суханова, О. А. Социальные представления и поведение российского крестьянства в начале XX века. 1902 – 1922 гг. : по материалам Среднего Поволжья : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. – Самара, 2007. – 54 с.
22. Утенков, А. Я. Работа большевиков среди трудового крестьянства накануне Октября / А. Я. Утенков. – Москва : Госполитиздат, 1958. – 159 с.
23. Шестаков, А. В. Крестьянская революция 1905–1907 гг. в России / А. В. Шестаков. – Москва ; Ленинград : Государственное издательство, 1926. – 120 с.
24. Ярославский губернский статистический отдел. Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года по Ярославской губернии: население, скот, посевы. – Ярославль, 1920. – 72 с.

G.N. Kocheshkov

**A PEASANT HOUSEHOLD IN 1917
(ACCORDING TO THE STATISTICAL MATERIALS OF THE YAROSLAVL PROVINCE)**

The article analyzes the socio-economic processes that took place in the Yaroslavl village in 1917. The statistical materials have been studied, including the data from the All-Russian Agricultural and Land Census of 1917, which allowed the author to present the general picture of the evolutionary development of peasant farms in the Non-Chernozem region. The role and importance of peasant households in agricultural production is determined. The reasons for the formation of the «middle class» in the villages of the Yaroslavl province are studied. The changes that occurred in the provincial village in terms of the structure of land plots, the availability of working and dairy cattle, and the structure of crops are revealed.

The Yaroslavl province in 1917, the All-Russian Agricultural and Land Census, allotment lands, working cattle, crops, animal husbandry.

А.Н. Наумов
г. Петрозаводск

АРГУНОВСКАЯ ТРАГЕДИЯ 1918 г.

В статье освещается выступление в 1918 г. аргуновского крестьянства Северо-Двинской губернии Никольского уезда против грабительских действий присланного продотряда. В оправдательном документе, представленном ходоками высшему должностному лицу партии большевиков и Советского государства В.И. Ленину, указывалось: «расследованием установлено, что восстание это было восстанием не кулаков, а беднейших слоев населения». В угоду пролетарской идеологии, впоследствии за событием закрепилось не соответствующее действительности определение – «Аргуновское кулацкое восстание».

Аргуновское восстание, Никольский уезд, продотряды, реквизиции, Северо-Двинская губерния.

В 47 км на северо-западе от районного г. Никольска Вологодской области расположено богатое село Аргуново. До революции – центр одноименной волости, а при Советской власти – центр сельского совета.

Когда заходит речь об Аргунове, то в первую очередь вспоминают так называемый «Аргуновский мятеж» или «Аргуновское кулацкое восстание». Событие уникальное. Единственный раз за время существования Никольского уезда/района местная власть была вынуждена отправить ходоков с оправданием действий своих функционеров к высшему должностному лицу большевистской партии и Советского государства – председателю Совета Народных Комиссаров В.И. Ленину.

Государственные леса занимали 88 % территории уезда. Значительная часть земли находилась под кустарниками, болотами, торфяниками и другими неудобьями. Географически Никольский уезд располагался в зоне рискованного земледелия, где нередко бывали и неурожайные годы [10, с. 136–137].

Из злаковых культур в Никольском уезде сеяли рожь, овес, ячмень и пшеницу. Из бобовых – горох. На огородах выращивали репу, галань (брюкву), свеклу, морковь, редьку, капусту, огурцы, лук, чеснок. Картофель еще только распространялся. Значительным подспорьем в питании служили грибы и ягоды, которые и заготавливали в летне-осенний период. Никаких фруктовых деревьев во всем уезде не было, за исключением опытного участка Спирина в самом г. Никольске.

Угроза постоянных неурожаев вынудила крестьян создавать общественные склады. Для хранения собранного со всех хозяйств обязательного запаса – «десятины» и добровольных пожертвований. Склады служили надежной страховкой для крестьянских хозяйств. Полицейский исправник К. Фурановский, проводивший 30 апреля 1848 г. осмотр хлебных запасов помещичьих крестьян расположенной на юго-западе от Аргуновской Кемской волости, сообщает:

«Г-на Дурново. Крестьяне все имеют до нового урожая свои запасы и пропитаются. Кроме сего у гос-

подина в его амбаре находится около 100 четвертей запасного хлеба. Так что если (чего боже сохрани!) был и неурожай, может пропитать своих крестьян без нужды.

Г-жи Игнатъевой. В господском амбаре находится запасного хлеба около 100 четвертей. Крестьяне пропитают себя своим запасом» [17, с. 2].

После четырех лет I мировой войны 1914–1918 гг., двух революций и вынужденного «похабного» Брестского мира, над страной явственно замаячил призрак надвигающегося голода. В 1918 г. по декрету Советского правительства были созданы продовольственные отряды. В документах указано: «1. Объяснить населению посредством пропаганды важность и необходимость учета; 2. Сделать *справедливое отчуждение излишков* хлеба» [7, с. 106–108].

Выясняя ситуацию с продовольствием, Вологодский губисполком вознамерился изъять выявленные излишки в Никольском уезде. Каждая губерния создавала продотряды для выполнения поставленных задач в границах своей территории. Вологда к тому времени никакой административной власти к Никольскому уезду уже не имела. 17 июня 1918 г. I губернский съезд Советов принял постановление о выделении из состава Вологодской губернии пяти восточных уездов, в т.ч. и Никольского и о создании самостоятельной Северо-Двинской губернии, с центром в г. Великом Устюге. 24 июля 1918 г. образование новой губернии закреплено постановлением Коллегии НКВД РСФСР.

В Вологодской губернской газете «Известия» сообщалось: «Необходимо отметить следующее: недостаток продовольственных средств обнаруживается *во всех уездах, за исключением Никольскаго*. Здесь имеем излишек почти в 600 тыс. пудов. Несомненно, что этот излишек должен пойти на удовлетворение наиболее острой нужды в продовольствии в местностях обеих губерний. А не оставаться на покрытие нужд одной только Северо-Двинской губернии» [6].

Однако большая часть этого выявленного излишка продовольствия приходилась на две волости из

сорока, на Аргуновскую и самую южную, Вохомскую. Именно здесь и возникли крестьянские волнения. Даже в упоминавшейся Кемской волости 1917 год выдался неурожайным. 11 (24) февраля 1918 г. Никольское уездное земское собрание выделило Кемскому волостному земству заем в 20 тысяч рублей для закупки продовольствия голодающему населению. Жито закупили в Аргуновской волости [9].

Впоследствии территория бывшей Вохомской волости Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 августа 1944 г. была передана во вновь образованную Костромскую область [16, с. 43–44].

Для изъятия из Никольского уезда «излишних» хлебных запасов в г. Вологде был сформирован I Вологодский продовольственный отряд из рабочих железнодорожных мастерских, с включением агитаторов из питерских рабочих. Командиром отряда был назначен Подлазов, комиссаром – Шекун.

По словам никольского краеведа Д.Д. Баданина, трижды в течение 1918 г. в Аргуновскую волость приезжали «Красные обозы» I Вологодского продовольственного отряда.

Первый обоз местное крестьянство загрузило зерном добровольно. О положении дел с изъятием продовольствия в Никольском уезде была опубликована заметка в Вестнике Комиссариата Внутренних дел: «На местах Советы энергично работают, проводя в жизнь закон о хлебной монополии. Хлеб у кулаков отбирается. Крестьяне поняли необходимость твердых цен и отдают все излишки беспрекословно» [3, с. 177].

Второй обоз, не получив желаемого от агитации, приступил к реквизициям. Действия обозников привели к недовольству и ропоту крестьянства. Обстановка накалялась и становилась взрывоопасной. Местному священнику, настоятелю Аргуновской Михаило-Архангельской церкви Иоанну Вальскому проповедью о неизбежных карах реквизиторам удалось удержать взбудораженных крестьян от противодействия. Обоз поставленную задачу выполнил. Однако никаких выводов ни уездные, ни губернские власти не сделали. Продолжение безответственной политики привело к неизбежным трагическим результатам.

«В 1918 г. в хлебной Аргуновской волости, попирая все писанные и неписанные права собственника, очень вызывающе действовал I Вологодский продовольственный отряд. Люди с винтовкой, взламывая амбары, выгребали у крестьянина все, что только можно было взять. Обстановка сложилась настолько взрывоопасная, что противостояние народа и вооруженного продотряда грозило вылиться в большую кровь» [2, с. 4].

Игнорируя сложившееся положение и не обращая внимания на возникшую ситуацию, и третий сформированный обоз местные власти направили именно в «хлебную» Аргуновскую волость, находящуюся вблизи от уездного центра. Руководителем обоза был назначен помощник комиссара, большевик В.Д. Михайлов.

Трагедия произошла 5 ноября 1918 г. Накануне введенного новой властью революционного праздника, Дня Октябрьской революции. Дальше отступать аргуновским крестьянам практически было некуда.

Действия очередного продовольственного обоза по реквизиции у крестьян оставшихся последних мизерных запасов продовольствия могли обречь местных жителей на голодную гибель.

«В конце октября, агентом уполномоченного Наркомпрода было объявлено, что на волость наложено 38.000 пудов зерна к предварительной поставке. Несмотря на указание Комитетов бедноты на то, что это количество является непосильным для волости, поставка не была уменьшена. Население на сходе вынесло постановление: *Дать по 1 пуду с ревизской души (всего 2.068 пудов)*. Через день после этого схода в Аргуново прибыл Михайлов с конными красноармейцами и, собрав Комитет бедноты, снова объявил им о необходимости выполнить поставку полностью, угрожая в противном случае объявить волость контрреволюционной. Население стало 5 ноября собираться на сход. С намерением предложить Михайлову ограничиться 2 или 3 пудами с ревизской души. Михайлов отдал распоряжение военному комиссариату волости выставить посты, с целью не допускать собрание и со своими всадниками принял участие в сдерживании толпы» [5, с. 100–101].

В.Д. Михайлов происходил из питерских рабочих, имел за плечами двухклассное образование. Он зарекомендовал себя сторонником крутых и решительных действий по отношению к провинциалам, вплоть до применения оружия. Отправляясь на задание, Михайлов произнес: «Разговаривать с населением и давать какие бы то ни было справки гражданам я не желаю, всех их считаю кулаками, считаться в чем-либо с ними я не буду и мы одну за другой сметем все деревни» [4].

На этот раз священника Иоанна Вальского в Аргунове не было. И некому было призвать крестьян к смирению.

«Чем руководствовался Михайлов, запрещая собрание, выяснить не удалось. Часовым сдержать толпу не удалось. При разгоне толпы Михайловым и его всадниками были произведены выстрелы в воздух» [5, с. 32–33].

В ответ на выстрелы находившийся внутри церкви диакон Заварин ударил в колокола. Реквизиторов «Красного обоза» разоружили и выдворили за пределы волости. Старший обоза Михайлов и двое его помощников – бойцы продотряда Хохалев и Кропачев были убиты [12].

Для разбора случившегося в Аргуновскую волость была направлена в спешке созданная Чрезвычайная следственная комиссия из приехавших с г. Вологды партийных активистов Овценова, Гольдберга и Злобина. В их распоряжение передали воинское подразделение. Дальнейшие события напоминают самые жуткие издевательства над людьми царских сапранов, а не начало цивилизованного XX века.

Приезжие агитаторы противодействие местного населения проводимым реквизициям расценили как восстание местного крестьянства против власти Советов. Для устрашения строптивых крестьян и в качестве наглядного примера для всего окрестного населения провели карательную акцию. Значительную часть бывших на сходе 5 ноября граждан самого села Аргунова и окрестных селений арестовали.

Вскоре статья об Аргуновском беспределе появилась в местной печати.

«Члены Чрезвычайной Комиссии Гольдберг, Овценов и Злобин пытали, избивали и истязали арестованных, что подтверждает масса свидетелей и медицинский осмотр арестованных. Не стеснялись члены Чрезвычайной Комиссии раздевать арестованных до гола и сажать в холодный амбар, если надобно было, чтобы арестованный сознался в предъявленном им обвинении. А если таковой не сознавался, то подвергали пыткам, как-то: били шомполом и всем, что попадало в руки истязателей» [5, с. 3].

5 декабря 1918 г. состоялось экстренное собрание Никольской уездной организации РКП(б). Обсуждались причины Аргуновской трагедии, ход ее расследования и дальнейшие действия местных властей. Приезжие вологодские активисты Овценов, Гольдберг и Злобин были отстранены от дела и арестованы.

Допрошенный о причинах избиения аргуновских крестьян, командир подразделения К. Юхневич на вопрос, почему он допустил подобное издевательство, ответил: «Я думал и знал, что это неправильно, что этого не должно быть. Но предотвратить это я не решился, так как я еще *молодой* коммунист, только что вступивший в партию. Там же, в Чрезвычайной Комиссии, были старые и опытные коммунисты» [4].

Оценивая преступные действия «чрезвычайников», член РКП(б) Воронин сказал: «Это была форменная инквизиция. *Виновных мы должны расстреливать, но не истязать их*». Продотрядовец Хлюстов парировал: «Нахожу подрывом Советской власти заметку об Аргуновских событиях, которая помещена в местных “Известиях”. Для борьбы с кулаками и врагам народа мы открыли красный террор. Когда нас посылали из центра, то говорили, что лучше бы мы пересаливали, чем недосаливали, что и было в Аргунове» (орфография оригинала сохранена. – А. Н.) [11].

Редактор местной газеты А. Носков обратил внимание собравшихся на тот неприглядный факт, что «почти все избитые крестьяне самые бедняки, за исключением двоих мало-мальски состоятельных» [5, с. 32 об.].

О ситуации с полной очисткой от всех и всяческих хлебных запасов ближайших к г. Никольску крестьянских селений сообщает и комиссар Никольского уездного продовольственного комитета Быстрицкий: «На каждый день надо больше ста пудов хлеба. И хотя мне разрешено брать для них в ближних к городу Никольску ссыпных пунктов, *но там хлеба нет*» [4].

Была назначена экстренная комиссия из троих уездных активистов. С оправдательными документами их направили к высшему должностному лицу большевистской партии и Советского правительства, председателю СНК РСФСР В.И. Ленину. В № 276 газеты «Правда» от 19 декабря 1918 г. по поводу Аргуновской трагедии была опубликована статья видного деятеля большевистской партии и рабочего движения М.М. Ольминского «Держиморды под Советским флагом». Он пишет: «Никольская делегация прибыла 16 декабря. И в этот же день последовало распоряжение т. Ленина на имя народного комиссара юстиции Курского сейчас же организовать особую следственную комиссию, которая 17 декабря уже приступила к работе» [11].

Возглавил комиссию следователь М.М. Греков.

Проведенное расследование привело к следующим выводам: «Восстание не было подготовлено и вооружено, а *просто стихийное явление*» [5, с. 80].

«Восстание было вызвано опасением беднейших слоев населения лишиться и последних запасов хлеба. *Кулаки в этом движении не участвовали, политической окраски нет*». Убийство Михайлова и двух красноармейцев лишь случайное событие, по видимому, было вызвано неосторожностью самого Михайлова. Реквизиции излишков хлеба у населения производились *не в соответствии с декретом*» [11].

Опасения крестьян были вполне обоснованными. Дополнение к инструкции № 1 для агентов уполномоченного Наркомпрода «предусматривает реквизицию 1/3 имеющегося хлеба и у тех, у кого его на год не хватает». На основании этого дополнения в каждом хозяйстве не только Аргуновской волости, но и всех остальных волостей Никольского уезда была установлена норма в 12–15 фунтов зерна на человека в месяц. Все остальное изымалось [5, с. 103].

Не только отдельные крестьянские хозяйства, но и целые селения обрекались на голодовку.

Подведем итоги. 14 ноября 1918 г. в г. Никольске состоялся митинг по поводу прощания с погибшими продотрядовцами. Через ближайшую к Никольску железнодорожную станцию Шарью гробы с останками погибших доставили в г. Вологду. Здесь их торжественно похоронили в сквере на пересечении улиц Лермонтова, Менжинского, Красногвардейской и Пионерской [13, с. 2].

Священника Иоанна Вальского вначале объявили *идеологическим* руководителем восстания. Впоследствии за ним закрепили роль и фактического руководителя *кулацкого* восстания [19].

Отрицательную оценку получила и Никольская партийная организация: «Местные коммунисты настолько были гуманны, насколько и были трусливы. В тот самый момент, когда в Аргуновской волости получилось разложение, то они не считали нужным принять активное участие в расследовании на местах, посылая тов. чрезвычайников» [5, с. 80].

В январе 1919 г. Никольская уездная партийная организация была распущена «из-за засоренности ее сомнительными элементами». Избрана инициативная комиссия для перерегистрации в составе семи активистов: Воронина, Голубева, Канина, Конева, Моисеева, Павлова, Федулкина (Там же, с. 109).

24 февраля 1919 г. из Совета Продармии на имя командира Вологодского продотряда поступило распоряжение № 2336 о срочном увольнении Н.И. Уварова, бывшего урядника конно-полицейской стражи. Раньше он был исключен из партии большевиков (Там же, с. 96).

Комиссара отряда Шекуна вызвали в Вологду, а затем – в Москву. В марте 1919 г. I вологодский продовольственный отряд был расформирован [13].

20 мая 1919 г. в г. Никольске выездной сессией Северо-Двинского Губревтрибунала рассматривалось дело «О гражданах Аргуновской волости Никольского уезда священнике Вальском, диаконе Заварине, Адриане, Василие, Степане, Александре и Стефаниде Корепиных, Матвее Южакове, Иване Данилове,

Иване и Аристархе Николаевых Селяковых, Любви Селяковой, Василие Кокине, Александре Пахолкове, Петре Карандашеве и Всеволоде Кокшарове, обвиняемых в агитации против Советской власти, организации контр-революционного выступления, участия в нем и противодействии мероприятиям Советской власти» (орфография оригинала сохранена. – А. Н.) [1].

Возбужденное дело против К.М. Гольдберга и Н.З. Злобина было закрыто из-за «невозможности отыскания их». 8 апреля 1920 г. в комендатуре Петрозаводской ЧК из имеющегося револьвера № 670633 застрелился арестованный кандидат в члены Совета I городского района и Петросовета Д.С. Овцынов [5, с. 210–211].

После оправдательного и покаянного обращения местной власти к руководству государства, беспредел реквизиторов прекратился не сразу. Он еще длительное время проявлялся во всех волостях Никольского уезда. На беспредел жаловались, в частности, гражданине д. Челпаново Кипшенгской волости, о чем и сообщает местная печать:

«По приезде в наше селение реквизиционного продовольственного отряда состоялось 22 января 1919 г. собрание домохозяев селения. Агент отряда Иванов позволил себе выразиться так: “Я имею широкие полномочия. Вашей власти, начиная с волостной и кончая губернской, не признаю. Ваша власть белогвардейская. Если вы не видели голода, то вы таковой увидите. Я – Бог, Царь и сам Христос, что хочу, то и сделаю”» [14, № 49].

И Никольский, и примыкающий к нему на западе Тотемский уезд в указанное время и по территории, и по количеству населения были почти соразмерны. Незначительная разница в данном случае особой роли не играет. 28 тысяч пудов товарного хлеба изъял по Тотемскому уезду II Вологодский продовольственный отряд. А I Вологодский продовольственный отряд за этот же летне-осенний сезон 1918 г., не ограничившись предельной цифрой в 600 тысяч пудов, заготовил 850 тысяч пудов хлеба. **В 30 раз больше!** [18, с. 36].

Реквизиция *всех* хлебных, в т.ч. и «неприкосновенного запаса» из амбаров и значительной части остальных продовольственных припасов крестьянства в Никольском уезде явились причиной неизбежного голода в 1919 г. Местная газета «Плуг и Молот» середины июля 1919 г. сообщает: «Страшный голод царит в Пермасской волости, бедняки уже вместо хлеба питаются травой» [14, № 76].

Причиненный вред и невосполнимый ущерб, нанесенный русскому крестьянству «Красными обозами», был значителен. Действия В.Д. Михайлова и ему подобных руководителей посеяли рознь и вражду в декларированных В.И. Лениным и партией большевиков дружеских отношениях рабочего класса и трудового крестьянства.

Оставалось направить объяснение происшедших трагических событий в русло новой, насаждаемой сверху пролетарской идеологии. М.М. Ольминский в своей статье термин «так называемое восстание» заключает в кавычки, восклицая: «Инквизиция, допрос арестованных под пытками – что может быть ужаснее?» [11].

Вопреки действительности стихийный взрыв недовольства беднейших крестьян в Аргунове преподносился впоследствии общественности как «кулацкое восстание». Таким объяснение остается и до сих пор. Еще довольно длительное время эхо аргуновских событий гроыхало по всей территории бывшего Никольского уезда и по его окрестностям.

Через 10 лет, ноябрь 1928 г.: «Нужно было темный контрреволюционный Никольский уезд переделывать, направив его жизнь по социалистическому руслу. Кто не помнит Аргуновских и Вохомских мятежей? Не особенно мирилась местная буржуазия, кулачество и поповщина с властью Советов» [15].

Через 20 лет, март 1938 г.: Исключен из кандидатов в члены ВКП(б) ВРИД прокурора Никольского района А.В. Бурянин «За скрытие от партии *участия в контрреволюционном Аргуновском восстании его отца*. Секретарь РК ВКП(б) Жижин» [8, с. 3].

Через 39 лет, сентябрь 1957 г.: «В Аргуновской волости *контрреволюционными выступлениями* руководил поп Вальский. Он вел враждебную агитацию среди населения, а когда продотряд начал реквизицию хлебных излишков у аргуновских кулаков, сам ударил в набат. По сигналу собралась тысячная толпа с винтовками, ружьями и пулеметом» [19, с. 4].

«Волнения в Никольском уезде часто были и раньше, в волостях Николо-Черновской, Вознесенской, Городецкой, Рослятинской. В той же Аргуновской волости крестьянскими выступлениями отмечены 1903 и 1905 года». Но это были выступления в отдельных селениях, а не в масштабе всей волости [5, с. 100].

Руками приезжих агитаторов местные функционеры наглядно продемонстрировали силу новой власти. Крестьяне всего Никольского уезда и окрестных территорий больше никогда коллективно не оказывали никакого сопротивления наезжающим время от времени вооруженным реквизиторам. Принимали совершающееся безропотно, как очередное наказание «за грехи свои тяжкие». Отдельные выступления случались, но лишь на уровне одиночного хозяйства или же отдельного селения. Проведенная властями демонстративная карательная акция в Аргунове навсегда отбила даже самую мысль о подобном.

Литература и источники

1. Архив УФСБ Вологодской обл. Ф. № 1. АУД П-166, П-2714, П-10844, П-13360, П-13371, П-14780.
2. Баданин, Д. Д. Славный русский священник – отец Иоанн Вальский / Д. Д. Баданин // Авангард. – 2001. – № 61. – С. 4.
3. Вестник Комиссариата Внутренних дел. – 1918. – № 2.
4. Выписки из протокола экстренного общего собрания членов Никольской уездной организации РКП (большевик) за 5/12-1918 // Известия Никольского совета крестьянских, рабочих и красноармейских депутатов – № 46. – С. 3.
5. Дело по обвинению членов ЧК села Аргуново Никольского уезда Гольдберга К. М., Овценова Д. С., Злобина Н. З. в избииении арестованных 14/03-1919 – 8/04-1920 г. // ВУЦА. Ф. Р-615. Оп. 2. Д. 399.
6. Известия Вологодского губисполкома Совета рабочих и крестьянских депутатов. – 1918. – № 178.
7. Инструкция продовольственным отрядам. Порядок производства реквизиции // Систематический сборник декретов и распоряжений правительства по продовольствен-

ному делу. – Москва : Издательство Народного комиссариата по продовольствию, 1919. – Т. 1. – 350 с.

8. Никольский коммунары. – 1938. – № 29. – С. 3.

9. Никольский край. Газета Никольского уезда. – 1918. – № 7.

10. Никольский уезд // Энциклопедический словарь / под редакцией профессора И. Е. Андреевского. – Санкт-Петербург : Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1890–1907. – Т. 21: Нибелунги – Нэффцер. – 1897. – 480 с.

11. Ольминский, М. М. Держиморды под Советским флагом / М. М. Ольминский // Правда. – 1918. – № 276.

12. Павлов, А. Память / А. Павлов // Авангард. – 1986. – № 150.

13. Павлов, А. Продовольственный отряд / А. Павлов // Никольский коммунары. – 1959. – № 23. – С. 2.

14. Плуг и Молот. – 1919. – № 49, 76.

15. Пути Октября. – 1928. – № 4.

16. Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР 1938–1956. – Москва : Государственное издательство юридической литературы, 1956. – 500 с.

17. Сведения, в каком положении находятся помещичьи крестьяне в Никольском уезде 30/04-1848 // ГАВО. Ф. № 31. Оп. 1. Д. 513.

18. Чудодеева, Л. И. Октябрь в Вологодской деревне / Л. И. Чудодеева // Вологодский край. – Вологда : Вологодское книжное издательство, 1959. – Вып. 1. – 216 с.

19. Шиловский, М. За Советскую власть / М. Шиловский // Никольский коммунары. – 1957. – № 111. – С. 4.

A.N. Naumov

ARGUNOVO TRAGEDY OF 1918

The article deals with the uprising of the Argunovo peasantry of Nikolsky Uyezd, the North Dvina Province in 1918 against the predatory actions of the food squad sent there. The exculpatory document of the peasantry representatives to V.I. Lenin, the highest official of the Bolshevik Party, and to the Soviet State, said: «The investigation concluded that the uprising was not the uprising of the kulaks, the well-off peasants, but of the poorest groups of the population». For the sake of the proletarian ideology, the event subsequently received a false name as «The Argunovo Kulak Uprising».

Argunovo uprising, Nikolsky Uyezd, food detachments, requisitions, the North Dvina Province.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Доклад комиссии трех, представленный 16 декабря 1918 г.
Председателю Совета Народных Комиссаров **тов. ЛЕНИНУ**.

На почве реквизиции хлеба в Никольском уезде среди населения (даже бедноты) идет глухое брожение-недовольство действиями I Вологодского Продовольственного Реквизиционного Отряда. Декрет Центральной Советской Власти ясно и определенно говорит, что сначала должен быть произведен точный учет урожая, а потом уже реквизиция излишков. У нас, в Никольском уезде наблюдается как раз обратное. Работой комиссии было выяснено следующее: отчуждение хлеба у крестьян производилось, да и сейчас производится, без всякого предварительного учета. В некоторых волостях хлеб оказался недостаточно просушенным и теперь уже начинает портиться.

5-6 ноября на этой почве в Аргуновской волости даже вспыхнуло возстание, закончившееся убийством комиссара и двух красноармейцев.

В статье «О событиях в Никольском уезде», в № 46 за 20 ноября 1918 г. газеты «Борьба бедноты» (Орган С-Двинского губкомитета РКП большевиков) говорится прямо, что возстание в этой волости вызвано было беспорядочной и бессистемной реквизиционной политикой, противоречащей распоряжениям центра и что разведыванием установлено, что возстание это было возстанием не кулаков, а **беднейших слоев населения**.

На место происшествия выезжала врем. чрезвычайная следственная комиссия тов. Гольберг, Овценов и Злобин. Все трое являются агитаторами, присланными из центра. **Работа этой комиссии была ужасна**: допросы арестованных крестьян производились под пытками. Арестованных сажали в холодный амбар, раздевали догола и били шомполами. Это впоследствии подтвердилось и допросами и медицинским осмотром избитых.

Никольский Уездный Исполком в заседании 9 декабря постановил: избрать комиссию из трех человек и спешно послать ее в Москву для доклада о всем изложенном Центральной Советской Власти.

Центральная Власть должна быть верно информирована о всем, что происходит на местах и что о лицах (какой бы пост он ни занимал), раз их действия не укрепляют, а расшатывают Советскую власть, хотя бы эти действия и не являлись злым умыслом – не должно быть умалчиваемо.

Члены комиссии трех А. Носков – редактор газеты, от Исполкома; Ордин – от партии коммунистов и от комиссии трех по продовольствию и Воронин – от Продкома. (Сохранена орфография и пунктуация подлинника.)

Источник: Постановление № 8 Никольского Уисполкома от 9 декабря 1919 г. Известия Никольского совета крестьянских, рабочих и красноармейских депутатов № 46, 29 декабря 1918 г. ВУЦА. Ф. Р-615. Оп. 2. Д. 399. С. 143–145.

М.В. Новиков

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

СОВЕТСКИЕ АВИАТОРЫ В КИТАЙСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ В 1937–1940 ГГ. (ПО МАТЕРИАЛАМ ВОСПОМИНАНИЙ)

Рассматривается участие советских летчиков, штурманов и других авиационных специалистов в национально-освободительной войне Китая против Японии в 1937–1940 гг. Приводятся данные, подтверждающие добровольный характер участия советских авиаторов в японо-китайской войне. Рассматривается боевая деятельность советских летчиков истребительной авиации, начавших воздушные сражения в небе Китая 21 ноября 1937 г. и завершивших их 2 марта 1940 г. Отмечается, что появление в небе Китая современных по тому времени советских истребителей и советских летчиков, имевших опыт боевых действий в Испании, стало неприятным сюрпризом для японской авиации, привыкшей за несколько месяцев к безнаказанности. Количественное превосходство японской авиации уравновешивалось боевым мастерством советских пилотов, сумевших уничтожить в небе Китая 986 японских самолетов. Рассматривается боевая деятельность советских экипажей бомбардировочной авиации, начавшаяся 2 декабря 1937 г. налетом на японский аэродром в Шанхае и завершившаяся 2 мая 1940 г. бомбардировкой подразделений японских сухопутных войск. Отмечается большой вклад советских авиаторов в оборону Нанкина, Уханя и других китайских городов, уничтоживших сотни японских самолетов на аэродромах и десятки боевых кораблей на реке Янцзы. Рассматриваются особенности психологических условий, в которых протекала боевая деятельность советских авиаторов в Китае. Отмечается недоброжелательное отношение к ним со стороны многих представителей и гражданской, и военной администрации гоминьдановского режима. Подчеркивается дружественный характер отношения к советским авиаторам простого народа – крестьян, ремесленников, торговцев. Подчеркивается уважительное отношение народа Китая к памяти погибших 211 советских авиаторов, навсегда оставшихся в китайской земле.

СССР, Китайская Республика, Япония, агрессия, военная помощь, боевые самолеты, летчики, авиационные специалисты.

7 июля 1937 г. «милитаристско-фашистская Япония» [15, с. 536] начала полномасштабную войну против Китая, рассчитывая на блицкриг. Правительство Китайской Республики во главе с Чан Кайши предсказуемо обратилось за военной помощью к западным державам, но получило отказ. В ситуации выбора между капитуляцией и обращением с просьбой к СССР о военной помощи антисоветски настроенное руководство Китайской Республики выбрало второй вариант. Подписав Договор о ненападении с КР 21 августа 1937 г. [6] и заключив аффилированные с ним договоренности об оказании военной помощи на условиях ее кредитования, руководство СССР продемонстрировало свою заинтересованность в недопущении капитуляции Китая и создания на его территории стратегического плацдарма для нападения на СССР.

В 1938–1939 гг. СССР подписал с КР три кредитных соглашения на общую сумму 250 млн долларов США на льготных для Китая условиях с условием их полного погашения поставками редкоземельных металлов и сельскохозяйственной продукции к 1949 г. Кредитные соглашения стали финансовой основой для поставок советской военной техники, оружия,

военного снаряжения и командирования в Китай советских военных специалистов.

Готовясь к «большой войне» с Китаем и покорению других стран Азии, военно-политическое руководство Японии уделяло серьезное внимание развитию боевой авиации, которая являлась самостоятельной частью армии и подчинялась непосредственно императору. В 1936–1937 гг. на вооружение 17 авиационных полков стали поступать новые самолеты с улучшенными тактико-техническими характеристиками. Широко использовалась транспортная авиация и разведывательные самолеты. Японские военные самолеты оснащались радиостанциями и приборами для ночных полетов. Серьезное внимание уделялось подготовке летного состава. В ходе тренировочных полетов отрабатывались групповое взаимодействие и взаимодействие с наземными войсками, умение наносить удары по аэродромам противника и т.д. [18, с. 28, 29]. «Надо отдать должное боевой выучке и упорству противника, – писал летчик-доброволец К.К. Коккинаки, – японские самолеты шли плотным строем, крыло в крыло, умело поддерживая огнем друг друга. Если одна машина, обьятая пламенем, падала к земле, ее место занимала сзади идущая, сохраняя боевой строй» [12, с. 366].

Поставки военной техники, оружия и боеприпасов Китайской Республике [10, с. 371; 25, с. 473]

Наименование	Китайская Республика	
	По данным VII тома «Истории Китая»	По данным издания «Рус.-кит. отношения в XX веке. Т. IV: Кн. 2»
Самолеты всех типов	985	1235
Танки	82	82
Бронеавтомобили	-	-
Артиллерийские орудия	1317	1600
Минометы	-	-
Пулеметы	14025	14000
Винтовки	-	110000
Патроны (млн штук)	164,5	15
Снаряды (млн штук)	1,9	2
Авиабомбы (тыс. штук)	82,3	215
Торпедные катера	-	-
Автомобили и тракторы	1580	1882

В этих условиях правительство Китайской Республики проявило настойчивость в переговорах с руководством СССР, обратившись к Сталину с просьбой о срочных поставках боевых самолетов и об отправке в Китай не только летчиков-инструкторов, но и летного состава для непосредственного участия в боевых действиях. В результате уже в сентябре 1937 г., в счет кредита, задолго до официального подписания кредитного соглашения, советское руководство приняло решение о поставках Китаю первой партии бомбардировщиков, истребителей и учебно-тренировочных самолетов.

В отечественной историографии тема участия советских авиаторов в японо-китайской войне разрабатывалась с меньшей степенью интенсивности, чем тема их участия в гражданской войне в Испании 1936–1939 гг. Из специальных работ можно выделить ряд статей [31; 17] и монографию А.А. Демина, название которой – «Авиация великого соседа. Кн. 1. У истоков китайской авиации» – может ввести в заблуждение, так как значительная часть данной работы написана на основе документов РГВА и посвящена истории оказания Советским Союзом военной помощи Китайской Республике и прежде всего помощи самолетами и авиационными специалистами [4]. В данной статье рассматриваются некоторые аспекты проблемы с опорой преимущественно на воспоминания участников войны.

Отбор советских авиаторов для командирования в Китай. В сентябре 1937 г. народному комиссару обороны СССР К.Е. Ворошилову было поручено срочно укомплектовать лучшими летчиками-добровольцами первые бомбардировочные и истребительные эскадрильи для отправки в Китай [18, с. 28, 29]. В течение второй половины сентября и в начале октября 1937 г. в СССР организовали отбор и дополнительные тренировочные занятия с летчиками-добровольцами. Непосредственно отбором и формированием группы советских летчиков для командирования в Китай руководили начальник ВВС РККА А.Д. Локтионов и его заместитель – участник гражданской войны в Испании Я.В. Смушкевич [31, с. 132]. По свидетельствам участников тех событий, отбирали самых опытных, предпочтение отдавалось среди прочих условий членам ВКП(б). Оценка кадровиками наркомата обороны морально-политических качеств будущих добровольцев имела, видимо, решающее значение в специфических условиях начавшихся репрессий осени 1937 г. Не случайно в составе первых групп летчиков,

отобранных для командировки в Китай, практически не было пилотов, получивших боевое крещение в небе Испании, что сыграло негативную роль в первых боевых сражениях в Китае [4, с. 297].

Летчики были настоящими, истинными добровольцами, их никто не принуждал и не уговаривал и это видно из материалов архивных дел и их воспоминаний. Правда и в том, что большинство из них хотели принять участие в гражданской войне в Испании 1936–1939 гг. В Российском государственном военном архиве сохранились рапорты летчиков, штурманов и других авиационных специалистов с просьбой направить их в Испанию или в Китай, иногда без указания конкретной страны для участия в борьбе с фашизмом. Среди них: инженер-летчик НИИ ВВС Т.И. Алтынов, инженер-летчик из НИИ ВВС А.Ф. Расстригин, летчик-испытатель П.М. Стефановский, летчик-испытатель С.П. Супрун и др. [23]

Будущий Герой Советского Союза и генерал-полковник авиации Ф.П. Польшин в 1933–1934 гг. работал летчиком-инструктором в китайской провинции Синьцзян, обучая летному делу китайцев и участвуя в подавлении военных мятежей. Осенью 1937 г. его пригласили в одно из управлений наркомата обороны и предложили снова поехать в Китай. «Честно говоря, – отмечал Польшин, – я ждал такого предложения, потому что страдания китайского народа были близки мне. Согласился без колебаний... Мне было поручено возглавить экипажи второй группы бомбардировщиков “СБ”, направленных для участия в боевых действиях в Китае» [18, с. 24].

Д.А. Кудымов служил летчиком в 9-й отдельной авиационной эскадрилье ВВС Тихоокеанского флота, имевшей на вооружении самый современный по тому времени истребитель «И-16». Осенью 1937 г. в эскадрилью с инспекцией прибыл недавно вернувшийся из Испании Герой Советского Союза П.И. Пумпур. Проверяя боеготовность отдельных летчиков, он отбирал кандидатуры для участия в боевых действиях в Испании и Китае. «Надо ли говорить, – пишет Кудымов в своих мемуарах, – что все мы горели желанием попасть в число добровольцев, воевавших в Испании. И действительно, вскоре нескольких летчиков отозвали в Москву» [14, с. 132].

А.З. Душин служил в 32-й отдельной истребительной авиаэскадрилье ВВС Тихоокеанского флота, имевшей на вооружении истребителя «И-15». «Летом 1937 г., – пишет Душин, – я подал рапорт с просьбой

отправить меня добровольцем в героическую Испанию. В октябре меня вызвали в штаб ВВС Тихоокеанского флота. Здесь я встретился с другими добровольцами, преисполненными тем же желанием». Прибыв в Москву в составе группы добровольцев, Душин узнал, что их направляют в Китай [7, с. 149, 150].

Ф.И. Добыш в апреле 1937 г. был назначен командиром отряда скоростных бомбардировщик «СБ», а в сентябре получил предписание явиться в Москву. «Мелькнула мысль, – пишет Добыш, – не связана ли эта поездка с просьбой направить меня добровольцем в Испанию». В Москве Добыш узнал, что предстоит ответственная командировка в Китай в качестве инструктора по обучению китайских летчиков на советских самолетах «СБ» [5, с. 193]. Фактически Добышу пришлось принять участие и в боевых действиях, и в перегонке самолетов из Алма-Аты в Ланчжоу, и в обучении китайских летчиков.

В октябре 1937 г. Я.П. Прокофьева, летчика «СБ», пригласили в управление ВВС наркомата обороны и предложили поехать летчиком-добровольцем, но не в Испанию, как хотел Прокофьев, а в Китай. «Вы подумайте, не спешите с ответом, – сказал сотрудник управления, – у вас семья, дети. Это дело добровольное. – Я все продумал, согласен, спасибо за доверие. Я его оправдаю», – ответил Прокофьев [19, с. 206].

Штурман бомбардировочной авиации, будущий Герой Советского Союза И.П. Селиванов и его товарищи по эскадрилье в 1937 г. подали рапорты с просьбой направить их добровольцами в Китай. «Зимой 1938 г., – пишет Селиванов, – нашу эскадрилью в полном составе вызвали в Москву и предложили на своих боевых самолетах вылететь для помощи китайскому народу в его освободительной войне с японскими милитаристами» [27, с. 242].

Весной 1938 г. летчика бомбардировочной авиации, будущего Героя Советского Союза и генерал-майора авиации А.И. Пушкина вызвали в Москву. «Наконец-то будет решено, – отмечал в воспоминаниях Пушкин, – куда нам ехать – в Испанию или Китай, наконец исполнится мое заветное желание стать добровольцем... Меня спросили, готов ли я помочь китайскому народу. Естественно, ответ мой был утвердительный. Мне сказали, что направляют в Китай. Обрадованный, я выскочил из комнаты, меня окружили товарищи, посыпались поздравления» [20, с. 229].

В 1939 г. два друга, два летчика-испытателя К.К. Коккинаки и С.П. Супрун занимались испытанием в воздухе боевых самолетов и ждали решения своей судьбы. «Мы со Степаном, – писал Коккинаки, – подали по команде рапорты с просьбой разрешить нам поехать добровольцами воевать в Китай. Тогда многие советские летчики, исполненные чувства интернационализма, сражались в Китае, а раньше в Испании. С остальными добровольцами нашей группы мы встретились в живописном уголке Подмосковья. Из нас, летчиков-истребителей, сформировали две эскадрильи: одну на самолетах «И-162», другую – на «И-15бис»» [12, с. 363].

Как видно из мемуаров авиационного техника А.К. Корчагина, отбор добровольцев в одной из авиационных частей в Забайкалье происходил несколько по-иному. Ранней осенью 1937 г. в выходной день он

получил приглашение от имени командира бригады, участника гражданской войны в Испании майора Г.И. Тхора в Дом Красной армии. Всем собравшимся объяснили, что пригласили с целью отобрать из числа желающих летчиков, штурманов, стрелков и других авиационных специалистов для выполнения секретного, важного и трудного задания, связанного с риском. Дело добровольное, каждый вправе отказаться без объяснения причин и некоторые приглашенные ушли. С оставшимися Тхор провел индивидуальное собеседование, отсеяв многих по семейным и иным причинам.

«Когда отбор закончился, – пишет Корчагин, – Тхор несколько конкретизировал задачу. Нам предстоит длительная командировка, она начнется сегодня. Можно считать, что она уже началась. Она продлится несколько месяцев. Мы будем находиться в весьма отдаленных районах. Нормальной связи с родными может не быть. Их сразу же нужно известить об этом, предупредить, что их письма могут оставаться без ответа... Конечная цель командировки оставалась пока неизвестной». Но каждый понимал, что дело связано с войной в Китае [13, с. 295, 296].

В первые годы антияпонской войны советские летчики-добровольцы составляли основу военно-воздушных сил Китайской Республики. Они состояли на службе в армии Китая и подчинялись китайскому командованию, в тесном контакте с которым находился главный советник по авиации. Именно через него советские летчики получали боевые задания. Действиями советских летчиков руководили известные советские авиационные военачальники П.Н. Анисимов, П.Ф. Жигарев, Ф.П. Полюнин, А.Г. Рытов, П.В. Рычагов, Г.И. Тхор и др.

Боевая деятельность советских летчиков истребительной авиации. Первая группа летчиков-истребителей «И-16» (101 человек) под командованием майора Г.М. Прокофьева прибыла в Китай в октябре 1937 г. В ноябре 1937 г. – январе 1938 г. в Китай тремя группами был направлен летный состав эскадрильи истребителей «И-15» (99 человек) под командованием капитана А.С. Благовещенского. В марте 1938 г. в Китай прилетела новая группа добровольцев, из которых сформировали эскадрилью истребителей «И-16» (73 человека) под командованием капитана Е.М. Николаенко. В феврале 1937 г. прибыла еще одна группа летчиков-истребителей «И-15» (29 человек) во главе с капитаном М.Н. Якушиным. В июне 1938 г. в Китай были доставлены сразу две группы летчиков-истребителей «И-15» и «И-16» во главе соответственно с капитаном А.И. Лысункиным и ст. лейтенантом Елагиным.

В июне 1939 г. прибыли три группы летчиков-истребителей: первая (41 человек) – под командованием капитана Г.С. Воробьева («И-15»), вторая (41 человек) – во главе с капитаном С.К. Бдайнецевым («И-16»), третья (42 человека) – во главе с капитаном И.П. Степановым («И-16»). Летом 1939 г. прибыла эскадрилья истребителей «И-15» (150 человек) под командованием известного летчика-испытателя С.П. Супруна, в ее составе находился летчик-испытатель К.К. Коккинаки, испытывавший в боевых условиях новую модификацию истребителя «И-16» с пушечным вооружением [30, с. 163, 164, 168, 169].

Первая группа советских летчиков-истребителей вступила в бой над Нанкином 21 ноября 1937 г., отражая очередной налет на город японских бомбардировщиков и истребителей прикрытия. Семерка «И-16» действовала успешно против 20 японских самолетов, используя эффект неожиданности, сбив 2 истребителя и 1 бомбардировщик, потеряв один «И-16». 22 ноября другая шестерка «И-16» в равном воздушном бою сбila один японский истребитель. 24 ноября шестерка «И-16» атаковала 8 бомбардировщиков и 6 истребителей прикрытия, в том бою японцам удалось подбить три советских истребителя [4, с. 404].

1 декабря 1937 г. советские летчики-истребители 5 раз поднимались в воздух на перехват японских бомбардировщиков, пытавшихся прорваться к Нанкину. «Беспалов, Ковригин, Курдюмов, Шубич и другие товарищи, – пишет А.Я. Калягин, – в первый же день сбили несколько японских бомбардировщиков. Надо было видеть ликование народа, когда падали на землю японские самолеты! Город облетела весть, что в воздухе советские летчики-добровольцы» [11, с. 86]. В тот день советские летчики сбили и подбили 4 истребителя и 10 бомбардировщиков, потеряв 2 «И-16», пилоты которых воспользовались парашютами.

2 декабря 1937 г. советские летчики вступили в бой над Нанкином с очередной группой японских бомбардировщиков, сопровождаемых 20 истребителями. Будучи связанными воздушным боем с японскими истребителями, советские пилоты не смогли предотвратить бомбардировку нанкинского аэродрома, сбив один японский истребитель и потеряв 3 «И-16». В тот же день другая группа «И-16», по советским данным, сбila 6 бомбардировщиков; по японским данным, были сбиты 7 «И-16». В ходе воздушного налета на Нанкин 3 декабря 1937 г. советским летчикам удалось сбить 4 японских самолета, потеряв 3 своих [4, с. 405].

Перед захватом японцами Нанкина советская истребительная группа была перебазирована в районы Нанчана и Уханя для прикрытия аэродромов бомбардировочной авиации и боевых действий бомбардировщиков. Результаты деятельности истребительной авиации в ходе обороны Нанкина стали предметом серьезного анализа как в руководстве советских ВВС, так и непосредственно в Китае. УВВС квалифицировало воздушные бои с участием советских летчиков как неудовлетворительные, отметив большое количество потерь в людях и технике. Прибывший в Китай новый старший авиационный советник Герой Советского Союза, участник гражданской войны в Испании П.В. Рычагов провел 21 декабря 1937 г. совещание с советским летным составом истребительной авиации, на котором он услышал обоснованные претензии летчиков на то, что им приходится постоянно сражаться с численно превосходящим противником. Как пишет А.А. Демин, возникшая ситуация была связана с серьезным просчетом руководства наркомата обороны, в спешке отправившего в Китай командирами звеньев, групп, эскадрилий летчиков, не имевших боевого опыта. Просчет был быстро исправлен посылкой в Китай участников гражданской войны в Испании П.В. Рычагова, П.И. Пумпура, Н.И. Смирнова и др. С их прибытием ситуация стала меняться в лучшую сторону (Там же, с. 408).

Основными направлениями боевой деятельности советской истребительной авиации в Китае становится

сопровождение бомбардировщиков, воздушное прикрытие от бомбардировочных ударов крупных городов, промышленных объектов, объектов инфраструктуры.

Крупная победа была одержана советскими летчиками-истребителями 29 апреля 1938 г. в небе над Уханем. Японская авиационная группа в составе 30 бомбардировщиков и истребителей прикрытия решила преподнести подарок в честь дня рождения императора бомбовым ударом по Уханю, рассчитывая на легкую победу. Благодаря своевременно полученным разведывательным данным о готовящемся налете, П.В. Рычагов смог заблаговременно подготовить истребительные части к предстоящему воздушному бою, перебросив их из Нанчана в Ухань. Атака советских истребителей оказалась внезапной, скоростной и результативной, обратив японцев в бегство.

Го Можо, «китайский Маяковский» [1, с. 169–182], позднее так описывал этот бой в своих воспоминаниях: «Треск зениток, рев самолетов, взрыв бомб, непрерывный стрекот пулеметов – все сливалось в нескончаемый грохот... Тридцать напряженных минут и снова все стихло. Очень жаркий бой! Блестящие результаты: сбит 21 вражеский самолет, наших – 5» [3, с. 145, 146]. Китайский писатель ошибался, потери китайской авиации составили всего два самолета. Как отмечает Кудымов в своих воспоминаниях, «потрясенное сокрушительным отпором над Уханем, японское командование свернуло активные боевые действия своей авиации и перебазировало ее подальше в тыл» [14, с. 147].

31 мая 1938 г. советские летчики предотвратили еще один массированный налет на Ухань, используя тактическую новинку из опыта боев в Испании. Советское авиационное командование разделило истребители на 2 группы, первая из которых выделялась для воздушного боя с японскими истребителями сопровождения, а вторая – для удара по бомбардировщикам. Результатом боя стал полный разгром бомбардировочной группы, так и не долетевшей до Уханя, было сбито 15 японских самолетов [11, с. 95].

В том бою летчик-доброволец А.А. Губенко совершил свой известный подвиг, протаранив самолет противника. «Отстал немного, чтобы рассчитать удар, – рассказывал Губенко, – потом снова приблизился и рубанул винтом по крылу. У вражеского самолета что-то отлетело от плоскости. Завалился набок, перевернулся и начал падать». Губенко смог посадить свой изрешеченный пулями самолет с погнутым винтом, совершив в дальнейшем немало подвигов в небе Китая, сбив 7 японских самолетов [26, с. 103, 104]. Вслед за Губенко воздушные тараны японских бомбардировщиков были совершены Б.И. Михайловым, В.Е. Шараем, Л.З. Шустером [29, с. 127].

Летом 1938 г. происходила ротация советского летного состава в Китае. Заканчивались командировки большинства пилотов, был отозван в СССР и руководитель истребительной группы П.В. Рычагов, его сменил П.Ф. Жигарев. В дальнейшем главными военными советниками по авиации последовательно были Г.И. Тхор, затем П.Н. Анисимов, его заместителем по истребительной авиации стал С.П. Супрун, по бомбардировочной – В.А. Картаков [4, с. 427].

В июне – августе 1938 г. основные воздушные бои происходили в районе Нанчана и Уханя, где распола-

гались главные аэродромы китайской авиации. Воздушные бои в июле 1938 г. были неудачными для советских добровольцев. Скорее всего, это можно объяснить произошедшей ротацией и прибытием в Китай нового летного состава, не имевшего боевого опыта. В июле погибло 11 советских летчиков. Так, 12 августа 1938 г. в небе над Уханем встретились 120 японских самолетов и 40 истребителей группы майора Е.М. Николаенко. По советским данным, было сбито 16 японских самолетов и потеряно 5 своих. В том бою погибли И.Н. Гуров, А.П. Тихонов, Х.Х. Чуряков, Н.М. Терехов, А.Г. Магляк [4, с. 432].

В ноябре 1938 г. после захвата японцами Уханя и установления затишья на фронтах советские летчики получили приказ о временном прекращении участия в боевых действиях. Из оставшихся на вооружении китайских ВВС 281 самолета только 87 были полностью исправны, остальные нуждались в ремонте и техническом обслуживании. Летному составу требовался отдых после напряженных боев лета – осени 1938 г. в районе Уханя. Заканчивались 5–6-месячные сроки командировок, большинство пилотов отправили в СССР. Им на смену прибывали новые группы советских добровольцев. Параллельно шло пополнение китайских ВВС советскими самолетами.

После падения Уханя и Гуанчжоу советские истребительные группы базировались на аэродромах Чунцина и Чэнду. Их главной задачей оставалось прикрытие действующих аэродромов и крупных городов, в первую очередь Чунцина, новой временной столицы Китая.

2 марта 1940 г. завершилось 27-месячное пребывание советских летчиков-истребителей в Китае. Они получили приказ передать свои самолеты китайским летчикам и 5 марта 1940 г. на грузовых автомобилях отбыли в Советский Союз по Северо-Западной автомобильной трассе. Советские летчики-истребители, по некоторым данным, сбили в небе Китая 986 японских самолетов. Лучшими из советских асов стали А.С. Благовещенский (10 сбитых самолетов, в т.ч. 2 в группе), К.К. Коккинаки (7), А.А. Губенко (7) (Там же, с. 457).

Боевая деятельность экипажей бомбардировочной авиации. Первая бомбардировочная эскадрилья «СБ» (153 человека) под командованием капитана Н.М. Кидалинского, вскоре ставшего жертвой специфической атмосферы осени 1937 г. (Там же, с. 297–300), была отправлена в Алма-Ату 10 октября 1937 г. и в том же месяце она прибыла в Китай. Вслед за ней была отправлена еще одна группа в составе 24 бомбардировщиков «СБ». Третью бомбардировочную группу «СБ» под командованием капитана Ф.П. Польшина (63 человека) отправили 1 ноября 1937 г., в декабре она прибыла в Китай. В марте – мае 1938 г. летный состав бомбардировочного соединения «СБ» пополнила группа капитана Т.Т. Хрюкина (121 человек), в июне того же года – группа полковника Г.И. Тхора (66 человек). В июне 1939 г. прибыли две группы для пополнения бомбардировочных соединений «СБ» – майора Н.А. Зобова (56 человек) и ст. лейтенанта А.Е. Федина (57 человек). Одновременно в Китай перелетели 2 эскадрильи дальних бомбардировщиков «ДБ-3А» под командованием Г.А. Кулишенко и Н.А. Козлова (около 100 человек). Всего в Китай прибыло 640 человек летного состава бомбар-

дировочной авиации и 28 человек инженерно-технического состава [4, с. 333].

В конце ноября – начале декабря 1937 г. были сформированы две боевые группы бомбардировщиков «СБ» с советскими экипажами. 1 декабря 1937 г. на нанкинском аэродроме приземлились 20 бомбардировщиков «СБ», входивших в состав первой группы. На следующий день, 2 декабря, 9 бомбардировщиков «СБ» совершили воздушный налет на авиабазу в Шанхае [17, с. 31]. По советским данным, на аэродроме Шанхая были уничтожены 4 тяжелых бомбардировщика и выведено из строя много других самолетов. Вторая группа «СБ» двумя звеньями подвергла бомбардировке японские корабли, сгруппировавшиеся на р. Янцзы перед искусственной преградой из затопленных китайских судов. В результате атаки были потоплены 4 корабля. Обе группы «СБ» без потерь вернулись на свои аэродромы [22, л. 44, 45, 74, 160].

Последовавшие незамедлительно ответные бомбовые удары японской авиации показали слабые места китайской системы оповещения о приближении вражеских самолетов и китайской ПВО. Советские летчики, первый раз оказавшиеся под реальным бомбовым ударом, в условиях неорганизованности и неразберихи пытались спасти свои самолеты, взлетая и барражируя над аэродромом. Один «СБ» был сбит, летчик лейтенант В.С. Алексеев погиб [4, с. 361].

В течение 10 последующих дней, до занятия японцами Нанкина, бомбардировочная группа принимала активное участие в обороне города, подвергая воздушным ударам как сухопутные войска, так и японские военные корабли на реке Янцзы. С.В. Слюсарев подчеркивает, что основными объектами боевых действий бомбардировочной авиации были военные корабли и транспорты, аэродромы, авиационные базы и японские войска на поле боя и в тылу [28, с. 263].

В связи с близостью линии фронта к Нанкину 4–5 декабря 1937 г. бомбардировочная и истребительная группы были вынуждены перебазироваться на другие аэродромы вглубь Китая (Ухань, Чанша, Нанчан, Чэнду, Хэньян и др.). Вынужденная смена аэродромов базирования не повлияла на активность боевых действий советских летчиков-добровольцев.

12 декабря 1937 г. японцы захватили Нанкин и расчистили фарватер Янцзы от затопленных судов. Японские корабли двинулись вверх по течению глубоководной реки, поддерживая наступление сухопутных войск. Они стали одним из главных объектов советской бомбардировочной группы.

15 декабря 1937 г. две авиагруппы бомбардировщиков «СБ» под командованием М.Г. Мачина (18 самолетов с советскими экипажами) и Ф.И. Добыша (12 самолетов со смешанными или китайскими экипажами) совершили налет на недавно родной аэродром Нанкина, уничтожив, по советским данным, около 40 самолетов противника, объекты аэродромной инфраструктуры, склады горючего и боеприпасов [17, с. 31]. В ходе воздушного боя на обратном пути экипажи «СБ» подбили 4 японских истребителя, потеряв один свой самолет с китайским экипажем. 2 января 1938 г. 5 «СБ» вновь бомбили нанкинский аэродром, уничтожив 4 японских бомбардировщика, и без потерь вернулись на базу [4, с. 365].

26 января 1938 г. группа Ф.П. Польшина совершила очередной налет на нанкинский аэродром, уничтожив, по советским данным, 40–50 самолетов, склады горючего, боеприпасов, большое количество летно-технического состава. На обратном пути «СБ» были атакованы японскими истребителями, два бомбардировщика были сбиты, в том числе самолет Ф.П. Польшина, совершивший удачную вынужденную посадку на своей территории [22, л. 46].

В целом первые два месяца участия в боевых действиях в Китае оказались очень сложными для советских экипажей бомбардировочной авиации. Многие оказались непривычными: более жаркий климат Центрального Китая, другая пища, недоброжелательное провокационное отношение некоторых гоминьдановских руководителей, численное превосходство мало известного противника, примитивное аэродромное обслуживание, отсутствие разведанных о противнике и др. Все это привело к большому количеству потерь – 53 бомбардировщика «СБ» и 3 «ТБ-3» [30, с. 164, 165]. Разведывательное управление РККА фиксировало и потери личного состава летчиков и технических специалистов: к середине февраля 1938 г. погибло – 7, ранены – 3, контужен – 1, пропали без вести – 2 [24, л. 117].

К февралю 1938 г. японская авиация также потеряла много самолетов в воздушных боях и в ходе бомбардировок аэродромов, поэтому она усиленно закупала новые самолеты в Италии и Германии. Их выгружали с транспортных судов и производили сборку на о. Формоза (Тайвань), где располагалась крупнейшая авиационная база. Китайско-советское авиационное командование решило нанести бомбовый удар по этому аэродрому. Налет приурочили к 23 февраля 1938 г., к 20-й годовщине РККА. Для выполнения задания были сформированы две группы «СБ» по 12 бомбардировщиков в каждой. Из-за плохого руководства первая группа «СБ» (китайские летчики) задание не выполнила, приземлившись на запасном аэродроме, где планировалась дозаправка после возвращения с задания. Зато вторая группа, руководимая Ф.П. Польшиным, задание выполнила, сбросив 280 бомб на аэродром, уничтожив более 40 двухмоторных итальянских бомбардировщиков, склады с горючим и различными материалами. Этот налет вызвал явное замешательство в военном руководстве Японии, не ожидавшем такой неслыханной дерзости. Правительство Японии отправило в отставку губернатора и военное руководство острова [18, с. 41–47].

К маю 1938 г. истекли сроки командировок в Китай первого летного состава бомбардировочной авиации. В ходе ротации большинство авиаторов возвращались в Советский Союз, на смену им прибывали новые группы летчиков, штурманов и других авиационных специалистов. Сохранившиеся «СБ» также нуждались в ремонте и техническом обслуживании. На смену выбывшим из строя скоростным бомбардировщикам «СБ» из СССР перегонялись новые партии этих замечательных по своему времени самолетов.

Большую роль сыграла советская бомбардировочная группа в длительной обороне Уханя летом – осенью 1938 г. Наступление японских войск развертывалось вдоль глубоководной Янцзы, которая использовалась ими и как транспортная артерия, и как

место сосредоточения боевых кораблей для огневой поддержки наступающих пехотных соединений.

10 июня 1938 г. группа «СБ» подвергла бомбардировке японские военные корабли на Янцзы между Уху и Аньцином, потопив два из них и вернувшись без потерь [21, л. 30]. В результате налета 25 июня 1938 г. «СБ» потопили 4 корабля. 27 июня бомбардировка была продолжена, потоплено 2 корабля. 28 июня бомбы, сброшенные звеном С.В. Слюсарева, попали в 2 крупных и в 3 мелких корабля. 3 июля 1938 г. 10 «СБ», ведомые Т.Т. Хрюкиным, отбомбились по кораблям на Янцзы в районе Аньцина, серьезно повредив японский авианосец водоизмещением 14 тыс. т., который был вынужден уйти в Японию на ремонт (Там же, л. 24, 24 об.).

3 августа 1938 г. 5 «СБ» (2 советских экипажа и 3 китайских) бомбили японские корабли вблизи Аньцина. На обратном пути их атаковали 23 истребителя. В ходе воздушного боя все 5 «СБ» были сбиты, погибли 9 членов экипажей [4, с. 390, 391]. 11 августа 1938 г. 5 «СБ» бомбили корабли на Янцзы, повредив 6 и без потерь вернувшись на свой аэродром. 12 августа «СБ» совершили новый налет, потопив 3 корабля и повредив еще 5, также без потерь вернувшись на свой аэродром.

В сентябре – октябре 1938 г. перед бомбардировочной авиацией была поставлена новая задача – огневая поддержка оборонительных действий китайских сухопутных войск на подступах к Уханю.

Советские летчики бомбардировочной авиации сделали все возможное и невозможное, чтобы остановить наступление японских войск на Ухань. Их профессионализма и героизма однако оказалось недостаточно, японская армия была подготовлена к войне лучше, чем китайская и 25 октября 1938 г. китайские войска оставили Ухань. Все аэродромы в том районе, на которых базировались советские бомбардировочные группы, оказались в руках японцев. Китайская авиация, включая советские подразделения, перебазировалась на запад на аэродромы Ланчжоу, Чунцина, Чэнду, Сианя и др.

К октябрю 1938 г. моторы бомбардировщиков выработали свой ресурс, требовалось или их замена, или ремонт. В январе 1939 г. заканчивались сроки командировок второго потока летного состава бомбардировочной авиации и в феврале 1939 г. их на грузовых автомобилях отправили в СССР. Закончился второй этап участия летного состава бомбардировочной авиации в войне с Японией, продолжавшийся с мая – июня до конца 1938 г.

Летом 1939 г. прибывший в Китай третий состав бомбардировочной авиации, летавший на «СБ», был пополнен двумя эскадрильями дальних бомбардировщиков «ДБ-3А» под командованием Г.А. Кулишенко и Н.А. Козлова. Они базировались на аэродроме в районе Чэнду. Появление «ДБ-3А» стало неожиданным для японцев, об этом, в частности, свидетельствовал очередной дерзкий налет на бывший родной аэродром Ханькоу 3 октября 1939 г. Девять «ДБ-3А» под командованием Г.А. Кулишенко скрытно подлетели к аэродрому и сбросили бомбы в тот момент, когда на аэродроме проходила торжественная церемония приемки новых самолетов, стоявших в парадном ряду, с участием важных гостей. В резуль-

тате бомбового удара были уничтожены и повреждены 64 самолета, убито 130 и ранено более 300 человек. Погибли 7 высших офицеров, 12 было ранено, в их числе контр-адмирал Цукахара, командующий японской авиафлотилией. В связи с этим событием в Японии объявили траур, коменданта аэродрома приговорили к расстрелу.

Во время повторного налета 14 октября 1939 г. на аэродром Ханькоу было уничтожено от 36 до 60 самолетов, три «ДБ-3А» были подбиты японскими истребителями, включая самолет Г.А. Кулишенко. Будучи раненым, Кулишенко дотянул до своих и посадил самолет на Янцзы недалеко от берега, выпустил шасси после остановки, поставив самолет на дно. Кулишенко скончался от полученных ран, став национальным героем Китая. По результатам этих двух налетов и еще одного, третьего, по советским данным, было уничтожено 136 японских самолетов [4, с. 400].

В январе 1940 г. советские экипажи «СБ» совершили 4 налета на аэродром Наньина, уничтожив несколько самолетов. 3 апреля 1940 г. восемь советских экипажей и два китайских на «СБ» совершили из Чэнду налет на позиции японцев в южном Китае, уничтожив корабль, 5 автомобилей, несколько грузовых вагонов, убив и ранив до 400 человек. В тот же день другая группа «СБ» бомбила аэродром Юньчэн (Шаньси). 12 апреля смешанная группа (8 советских и 5 китайских экипажей) совершила налет на Юзян, повредив 2 корабля, уничтожив железнодорожную станцию и железнодорожный состав. 2 мая 1940 г. пять «СБ» отбомбились по позициям японских сухопутных войск. Это был последний боевой вылет советских экипажей бомбардировочной авиации в Китае. Завершился третий этап участия советских добровольцев в боевых действиях в Китае, после чего они были отозваны в СССР.

Советские летчики, гоминьдановские власти и китайский народ. Боевая деятельность советских летчиков-добровольцев протекала в сложных психологических условиях. Как отмечал комиссар истребительной группы А. Г. Рытов, летчиков «тяготило то, что им приходится все время воевать с численно превосходящим противником» [30, с. 173]. Летчикам приходилось сталкиваться с явными провокационными действиями со стороны гоминьдановских властей. Против них «применялись шантаж, угрозы и даже прямое вредительство и диверсии». Китайское командование настаивало, чтобы летчики совершали по три вылета в день, «не считаясь с усталостью людей и состоянием материальной части, – сообщали в Москву советские авиационные руководители в Китае. – ... Летный состав «СБ» бывает в воздухе с небольшим перерывом по 6 часов, помимо этого по тревоге вылетает в день 2–3 раза при температуре 50–55 градусов» (Там же, с. 174).

21 мая 1938 г. группа летчиков-истребителей написала наркому обороны СССР К.Е. Ворошилову письмо следующего содержания: «...пребывание на чужой территории, в глухой песчаной пустыне, отсутствие писем из дома и отпусков... в значительной степени подорвали моральное состояние группы». Подобные факты стали основанием для ряда официальных советских заявлений послу КР в Москве Ян Цзе. Послу указывалось, что «китайская военная ад-

министрация с халатностью, граничащей с преступлением, относится к выполнению обязанностей, связанных с оповещением советских летчиков о полетах японской авиации... что местное авиационное командование предьявляет явно неразумные и оперативно нецелесообразные требования к нашим людям... Если подобное положение будет продолжаться и впредь и не будут приняты надлежащие меры, то пребывание наших волонтеров в китайской армии может оказаться явно нецелесообразным» [30, с. 175].

Из воспоминаний советских летчиков следует, что обращение к китайскому послу мало что изменило. Во всяком случае, С.В. Слюсарев подчеркивает, что «к декабрю 1938 г. наши отношения с высшим китайским командованием стали ухудшаться. Мы заметили, что китайский обслуживающий персонал сменился, в столовой появились другие повара и официанты. Питание ухудшилось» [28, с. 288].

Своеобразной компенсацией недоброжелательного отношения представителей руководства КР к советским военным авиационным специалистам являлось отношение к ним простых китайцев. Практически все мемуаристы приводят факты дружеского, иногда просто трогательного проявления чувств крестьянами, торговцами при контактах с советскими летчиками. В случаях вынужденной посадки на рисовых полях следовала идентификация «японец – русский», после чего появлялись улыбки, предложение донести летчиков до ближайшей деревни на носилках, создание максимально возможных условий для отдыха, обильное угощение [20, с. 238; 26, с. 69, 89; 28, с. 274, 275].

Местная администрация считала своим долгом организовать праздничную встречу жителей с советскими летчиками. Как пишет С.В. Слюсарев, «население города, узнав, что мы – советские летчики, устроило нам торжественную встречу. Хотя мы еле держались на ногах (от рикш отказались, но они вереницей следовали за нами), нас водили по улицам города, и все население города радостными криками приветствовало нас. Вечером в нашу честь был организован общегородской митинг» [28, с. 268].

По свидетельству М.Г. Мачина, после удачных боевых вылетов, о которых мгновенно узнавал весь город, крестьяне и уличные торговцы привозили на аэродром Ланчжоу груды яблок, мандаринов, бананов и корзины вареных яиц [16, с. 128]. Такая же картина – груды апельсинов, мандаринов, яблок и др. – отмечается А.З. Душиным на аэродроме г. Нанчана [7, с. 158].

Удивительный эпизод дружеского отношения китайцев приводит в своих воспоминаниях А.К. Корчагин. В ходе многотысячной демонстрации протестов против японских бомбардировок в г. Ханькоу группа советских летчиков оказалась в самой гуще событий, их узнали и засыпали цветами. «Товарищи! Товарищи! Товарищи! – пишет А.К. Корчагин, – неслось к нам со всех сторон. Сначала мы как будто растерялись. Да и неудивительно. Кто мог подумать, что здесь, в чанкайшистском Китае, мы встретим такое отношение к себе?» [13, с. 324, 325].

В воспоминаниях С.В. Слюсарева приводится типичная для Китая сцена прощания жителей города с погибшим советским летчиком: «Погибшего товарища местные жители с почестями отнесли в город... Когда мы, представители советских добровольцев,

прибыли к месту прощания, на площади уже собралась огромная толпа. Народ продолжал подходить, многие шли во главе со священнослужителями. Здесь были буддисты, католики, магометане... С нашим приходом открылся митинг. Мэр города произнес речь, в которой горячо благодарил Советский Союз, его правительство и советских добровольцев, не жалеющих жизни в борьбе за счастье китайского народа» [28, с. 87].

Заключение. Прибытие в Китай советской авиационной техники и военных специалистов летного дела имело очень большое значение на начальном, самом трудном для Китая этапе японо-китайской войны. Привыкшие к безнаказанности японские летчики встретили достойного противника в лице советских асов, получивших боевое крещение в небе Испании. Имея значительный количественный перевес, японская авиация, тем не менее, уже не могла как раньше совершать налеты на любые объекты, не опасаясь противодействия.

В силу своей малочисленности советские летчики-добровольцы, конечно, не могли организовать противодействие японской авиации на всех участках огромного военного фронта. Но те боевые столкновения, в которых они принимали участие, свидетельствовали о высоком профессионализме, мужестве и готовности совершить военный подвиг, если того требовала конкретная боевая ситуация. Народ Китая это увидел, почувствовал, понял. Не случайно и в наши дни в этой стране хорошо помнят тех, кто искренне и самоотверженно поддержал китайский народ в самый трудный момент новейшей истории страны. Мой друг и коллега, доктор исторических наук профессор Пекинского педагогического университета Чжан Цзяньхуа буквально преображается, когда мы заводим речь о советских летчиках-добровольцах, «советских соколах», говоря его словами.

Всего за период с 1937 г. по 1941 г. в Китай было направлено более 2000 летчиков и авиационных техников [30, с. 163]. По подсчетам А.А. Демина, с декабря 1937 г. по май 1940 г. через Китай прошло более 1800 добровольцев-авиаторов, 150 инженеров, техников и авиационных инструкторов, готовивших китайские национальные авиационные кадры до второй половины 1944 г., 15 летчиков-инструкторов авиационной школы в Ланчжоу, 26 авиационных советников [4, с. 311]. Согласно сохранившимся документам, советский летный состав находился в Китае до мая 1940 г., после чего был выведен в СССР.

За мужество и отвагу, проявленные в боях в Китае, 14 летчиков были награждены орденом Ленина и получили звание Героя Советского Союза: А.С. Благовещенский, О.Н. Боровков, С.С. Гайдаренко, А.А. Губенко, В.В. Зверев, Г.П. Кравченко, М.Н. Марченков (посмертно), Е.М. Николаенко, Ф.П. Польшин, И.П. Селиванов, С.В. Слюсарев, С.П. Супрун, И.С. Сухов, Т.Т. Хрюкин [9, с. 73]. К ордену Боевого Красного Знамени были представлены 193 человека, к ордену Красной Звезды – 125. 211 летчиков и авиационных специалистов навсегда остались в китайской земле, в их числе командир отряда бомбардировщиков Г.А. Кулишенко и командир отряда истребителей А.С. Рахманов [29, с. 126]. Их имена вместе с именами американских пилотов золотыми буквами высечены на гранитных сте-

лах в мемориальном комплексе в Нанкине, посвященном летчикам, погибшим в войне с Японией в 1937–1945 гг. [4, с. 458]

В знак особой признательности многие из них похоронены в центральных парках Уханя, Чунцина и других городов, в их честь воздвигнуты памятники и обелиски [8, с. 85–90]. Надпись на обелиске в центральном парке «Освобождение» г. Уханя гласит: «Память о советских летчиках будет вечно жить в сердцах китайского народа. Пусть этот благородный дух пролетарского интернационализма, присущий рабочему классу, всегда развивает и укрепляет братскую нерушимую дружбу китайского и советского народов» [18, с. 54]. Никакие политические трансформации в Китае не смогли повлиять на это уважительное отношение к памяти советских летчиков-добровольцев и в гоминьдановском Китае, и в Китае периода «культурной революции» – периода критики «советского империализма», и в современном динамично развивающемся Китае память о «советских соколах» бережно передавалась и передается из поколения в поколение.

Студентка магистратуры Юго-Западного университета, г. Чунцин, Чэнь Вэйцой посвятила этой теме свою магистерскую диссертацию, которую она писала, находясь на стажировке в Ярославле в ЯГПУ им. К.Д. Ушинского в 2017–2018 годах. «После основания Китайской Народной Республики в 1949 г., – пишут Чэн Вэйцой и ее научный руководитель профессор Ли Сяотао, – правительство страны установило памятники советским героям, погибшим в городах, где они воевали». В Чунцине, в котором в годы войны находилось правительство Китайской Республики, в парке Сишань высится бронзовый памятник летчику Г.А. Кулишенко, на памятнике надпись: «Здесь покоится прах командира авиаэскадрильи советских добровольцев, героически погибшего в войне китайского народа против японских захватчиков Григория Акимовича Кулишенко». Чэн Вэйцой и Ли Сяотао подчеркивают, что памятники советским героям в Китае уже давно стали символом дружбы двух стран и что в Китае свято чтут память о советских воинах, которые помогли отстоять независимость государства [32, с. 332, 336].

Литература

1. Болдырева, Е. М. Российско-китайский культурный диалог: Го Можо – «китайский Маяковский» / Е. М. Болдырева // Ярославский педагогический вестник. – 2020. – № 4. – С. 169–182.
2. Военная помощь СССР в освободительной борьбе китайского народа. – Москва : Воениздат, 1975. – 190 с.
3. Го Можо. Песнь о бушующей волне. Воспоминания об антияпонской войне / Го Можо. – Москва : Издательство восточной литературы, 1962. – 212 с.
4. Демин, А. А. Авиация Великого соседа. Книга 1. У истоков китайской авиации / А. А. Демин. – Москва, 2008. – 543 с.
5. Добыш, Ф. И. Курс на Восток / Ф. И. Добыш // В небе Китая. 1937–1940. Воспоминания советских летчиков-добровольцев. – Изд. 2-е. – Москва : Наука, 1986. – С. 193–202.
6. Договор о ненападении между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Республикой. 21 августа 1937 г. // Документы внешней политики СССР. Том двадцатый. Январь – декабрь 1937 г. – Москва : Политиздат, 1976. – С. 466–468.

7. Душин, А. З. На помощь китайскому народу / А. З. Душин // В небе Китая. 1937–1940. Воспоминания советских летчиков-добровольцев. – Изд. 2-е. – Москва : Наука, 1986. – С. 149–162.
8. Иванов, В. Памяти погибших посвящается / В. Иванов // Проблемы Дальнего Востока. – 1995. – № 4. – С. 85–90.
9. История Второй мировой войны 1939–1945 : в 12 томах. – Москва : Воениздат, 1974. – Т. 2. – 479 с.
10. История Китая с древнейших времен до начала XXI века. В 10 томах. Том VII. Китайская Республика (1912–1949) / главный редактор С. Л. Тихвинский ; ответственный редактор Н. Л. Мамаева. – Москва : Наука, 2013. – 863 с.
11. Калягин, А. Я. По незнакомым дорогам (записки военного советника в Китае) / А. Я. Калягин. – Изд. 2-е, доп. – Москва : Наука, 1979. – 445 с.
12. Коккинаки, К. К. Щит и меч / К. К. Коккинаки // В небе Китая. 1937–1940. Воспоминания советских летчиков-добровольцев. – Изд. 2-е. – Москва : Наука, 1986. – С. 363–366.
13. Корчагин, А. К. Забайкальцы в борющемся Китае / А. К. Корчагин // В небе Китая. 1937–1940. Воспоминания советских летчиков-добровольцев. – Изд. 2-е. – Москва : Наука, 1986. – С. 291–328.
14. Кудымов, Д. А. «Короли неба» теряют короны / Д. А. Кудымов // В небе Китая. 1937–1940. Воспоминания советских летчиков-добровольцев. – Изд. 2-е. – Москва : Наука, 1986. – С. 132–148.
15. Манн, М. Источники социальной власти. В 4 томах. Том 3. Глобальные империи и революция, 1890–1945 годы / М. Манн ; перевод с английского Д. Ю. Карасева ; под научной редакцией С. Моисеева. – 2-е изд. испр. – Москва : Дело, РАНХиГС, 2020. – 696 с.
16. Мачин, М. Г. Китайские маршруты / М. Г. Мачин // В небе Китая. 1937–1940. Воспоминания советских летчиков-добровольцев. – Изд. 2-е. – Москва : Наука, 1986. – С. 118–131.
17. Мильбах, В. С. Участие советских летчиков-добровольцев в боевых действиях в японо-китайской войне. Потери советских военных специалистов (советников) в Китае в 1937–1941 годах / В. С. Мильбах, И. С. Назаренко // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. – 2021. – № 2. – С. 29–34.
18. Польшин, Ф. П. Выполняя интернациональный долг / Ф. П. Польшин // В небе Китая. 1937–1940. Воспоминания советских летчиков-добровольцев. – С. 17–55.
19. Прокофьев, Я. П. Защищая китайское небо / Я. П. Прокофьев // В небе Китая. 1937–1940. Воспоминания советских летчиков-добровольцев. – Изд. 2-е. – Москва : Наука, 1986. – С. 203–228.
20. Пушкин, А. И. Москва – Ханькоу / А. И. Пушкин // В небе Китая. 1937–1940. Воспоминания советских летчиков-добровольцев. – Изд. 2-е. – Москва : Наука, 1986. – С. 229–241.
21. РГВА. Ф. 29. Оп. 34. Д. 268. Л. 24, 24 об., 30.
22. РГВА. Ф. 29. Оп. 37. Д. 248. Л. 44, 45, 46, 74, 160.
23. РГВА. Ф. 29. Оп. 47. Д. 490. Л. 137; Д. 599. Л. 21, 22, 23; Д. 600. Л. 45, 46.
24. РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1061. Л. 1179.
25. Русско-китайские отношения в XX веке. Том IV. Советско-китайские отношения. 1937–1945 гг. Книга 2. 1945 г. / ответственный редактор С. Л. Тихвинский. – Москва : Памятники исторической мысли, 2000. – 704 с.
26. Рытов, А. Г. В сражающемся Китае / А. Г. Рытов // В небе Китая. 1937–1940. Воспоминания советских летчиков-добровольцев. – Изд. 2-е. – Москва : Наука, 1986. – С. 69–117.
27. Селиванов, И. П. Память сердца / И. П. Селиванов // В небе Китая. 1937–1940. Воспоминания советских летчиков-добровольцев. – Изд. 2-е. – Москва : Наука, 1986. – С. 242–248.
28. Слюсарев, С. В. В воздушных боях над Китаем / С. В. Слюсарев // В небе Китая. 1937–1940. Воспоминания советских летчиков-добровольцев. – Изд. 2-е. – Москва : Наука, 1986. – С. 249–290.
29. Сотникова, И. Н. Помощь СССР Китаю в антияпонской войне 1937–1945 гг. / И. Н. Сотникова // Проблемы Дальнего Востока. – 2011. – № 3. – С. 123–133.
30. Усов, В. Н. Советская разведка в Китае: 30-е годы XX века / В. Н. Усов. – Москва : Товарищество научных изданий КМК, 2007. – 454 с.
31. Чудодеев, Ю. Советские летчики в Китае / Ю. Чудодеев // Проблемы Дальнего Востока. – 1989. – № 4. – С. 131–139.
32. Чэнь Вейцой, Ли Сяотао. Историческая память и советская военная помощь Китаю (1937–1943 гг.) / Чэнь Вейцой, Ли Сяотао // Ярославский педагогический вестник. – 2017. – № 6. – С. 332–336.

M.V. Novikov

SOVIET AVIATORS IN THE REPUBLIC OF CHINA IN 1937–1940 (BASED ON MEMOIRS)

The article considers the participation of the Soviet pilots, navigators and other aviation specialists in the national liberation war of China against Japan in 1937–1940. The data confirming the voluntary nature of the participation of the Soviet aviators in the Second Sino-Japanese war are presented. The combat activity of the Soviet fighter pilots who began air battles in the skies of China on November 21, 1937 and completed them on March 2, 1940 is considered. It is noted that the appearance in the skies of China of the modern Soviet fighters at that time and the Soviet pilots who had combat experience in Spain was an unpleasant surprise for the Japanese aviation, accustomed to impunity for several months. The quantitative superiority of the Japanese aviation was balanced by the combat skills of the Soviet pilots who managed to destroy 986 Japanese aircraft in the skies of China. The combat activity of the Soviet bomber aviation crews, which began on December 2, 1937 with a raid on a Japanese airfield in Shanghai and ended with bombing the units of the Japanese ground forces on May 2, 1940 is considered. The great contribution of the Soviet aviators who destroyed hundreds of the Japanese aircraft at airfields and dozens of warships on the Yangtze River to the defense of Nanjing, Wuhan and other Chinese cities is noted. The features of the psychological conditions in which the combat activities of the Soviet aviators in China took place are considered. There is a hostile attitude towards them on the part of many representatives of both the civil and military administration of the Kuomintang regime. The friendly attitude towards the Soviet aviators of the common people – peasants, artisans, merchants – is emphasized. The respectful attitude of the Chinese people to the memory of 211 Soviet aviators who died, who remained forever in Chinese soil, is emphasized.

The USSR, the Republic of China, Japan, aggression, military assistance, combat aircraft, pilots, aviation specialists.

Р.И. Плиев
Пятигорский государственный университет

ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОРИЕНТАЛИСТКОГО ВОСПРИЯТИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Научная статья посвящена анализу основных особенностей развития ориенталистского текста в русской литературе первой половины XIX века. Автор статьи проводит сравнительный анализ развития литературного ориентализма в России и Европе в этот исторический период, и на основе проведенных исследований автор приходит к выводу о наличии у них общих основ. В статье отмечается, что уникальность Северного Кавказа как основного пространства востока в русской литературной традиции привела к созданию в России такого особенного культурного феномена, как кавказский текст. Кавказский текст русской литературы, развивавшийся сначала в рамках романтического, а затем реалистического направления, в полной мере отразил свойственное русскому культурному коду стремление к осознанию и принятию различий национальных культур и традиций, а также готовность к синтезу культур для успешной интеграции новых пространств в состав единого Российского государства.

Ориентализм, Северный Кавказ, кавказский текст, романтизм, реализм, Кавказская война, русский восток, ориентальный дискурс.

Активная вовлеченность Российской империи в геополитическое противостояние на Северном Кавказе в первой половине XIX века, равно как и большое место, которое заняли события Кавказской войны в социально-политической и экономической жизни российского общества в этот исторический период, сформировали предпосылки к активизации ориенталистского интереса российской культурной элиты к изучению кавказской проблематики как одной из основных доминантных тем русского творчества. Литературоцентричный характер, утвердившийся в рамках русской культуры уже на заре XIX века, привел к тому закономерному результату, что основным видом искусства, отразившим кавказскую проблематику с культурологической точки зрения в России, стала русская литература, открывшая удивительный мир Северного Кавказа как перед русскими читателями, так и перед европейской читающей публикой [5, с. 98].

Значительное повышение интереса русской культуры к проблемам Северного Кавказа как русского Востока, поворот русской литературы к ориентальным проблемам в XIX веке были связаны как с сугубо внутренними особенностями развития русского общества в эту эпоху, так и генеральными тенденциями, охватившими всю европейскую культуру в целом на рубеже веков. Важно отметить, что для подавляющего большинства европейских писателей, художников и живописцев в этот период было характерно обращение в своем творчестве к ориентальным мотивам. Важными вехами ориентализации культурного пространства Европы в XVIII веке можно считать популяризацию китайских мотивов – стиля «шинуазри» – в контексте художественного стиля рококо, публикацию «Персидских писем» Шарля Луи де Монтескье

во Франции в 1721 году, ставших основой для изучения темы востока в европейской литературе, а также всплеск интереса к теме ориентализма в конце XVIII века, когда на смену античной эстетике классицизма пришла новая эстетика романтизма, нашедшая в образе таинственного и далекого от европейского рационализма Востока идеальный источник для вдохновения [9, с. 65].

Основными особенностями восточной культуры, акцент на которых делали европейские гении, творившие в ориентальном стиле, стала загадочность, романтичность, уникальность и экзотичность Востока, которая в перцепции художников XIX века понималась как суть восточной жизни, кардинально противоположная мировоззрению Запада. Основными географическими локациями, определившими спектр европейского ориентализма, стали Ближний Восток, Северная Африка, Турция и в меньшей степени Индия и Китай (Там же, с. 76). Резкая популяризация ориентализма в европейской культуре начала XIX века совпала по времени с включением России в сферу западной культуры. Подавляющее большинство русских гениев, развивавших восточные мотивы в своем творчестве, от Александра Пушкина и Михаила Лермонтова до Льва Толстого и Сергея Есенина, рассматривали Северный Кавказ сквозь призму европейского романтизма и вдохновлялись произведениями Джорджа Байрона. Однако уникальный характер Северного Кавказа, в значительной степени отличающегося по своей культуре, менталитету и традициям от исследованного европейцами Ближнего Востока, позволяет рассматривать русский кавказский ориентализм как уникальный феномен русской и европейской культуры [1, с. 87].

Расцвет ориентальной проблематики в русской культуре в первой половине XIX века, хронологически совпавший с активизацией событий Кавказской войны и включением России в западную культуру, привел к ряду закономерных последствий. Во-первых, русская культура открыла Северный Кавказ как свой собственный «Восток», отличный от востока, привлекавшего внимание западных художников. Логика исторических процессов и ограниченность возможностей для вовлечения представителей русской культуры в жизнь Ближнего Востока была компенсирована для них широким потенциалом путешествий по Северному Кавказу, который в XIX веке стал как популярной туристической дестинацией, особенно в районе Кавказских Минеральных вод, так и пунктом ссылки опальных художников и военных. Нужно учитывать тот факт, что большинство русских писателей и поэтов в тот или иной промежуток времени были кадровыми военными, поэтому служба на Кавказе давала им как возможности для длительного изучения локальной природы, истории и культуры, так и формировала весьма определенный взгляд на регион. Это видение в полной мере совпадало с романтической традицией, поскольку знакомство России с реалиями кавказской жизни имело место в исключительных условиях – в разрезе боевых действий, когда природная воинственность кавказских народов заслоняла многие другие особенности локальной культуры [5, с. 72].

Во-вторых, хронологическое совпадение периода открытия русской культурой Северного Кавказа с утверждением эстетики романтизма в России и Европе привело к чрезмерной романтизации ориентальной северокавказской темы в контексте русской культуры. Подавляющее большинство русских писателей и поэтов, прежде всего М.Ю. Лермонтов, А.С. Пушкин, А. Бестужев-Марлинский, Л.Н. Толстой, описывали Северный Кавказ в категориях земли перманентного мятежа и борьбы. Данный взгляд на Северный Кавказ, аналогичный европейскому взгляду на мир Ближнего Востока, лишь частично отражал сложный, глубокий и многослойный характер культуры многочисленных народов Северного Кавказа [7, с. 32].

Данный взгляд, свойственный таким классическим произведениям русской литературы, как «Кавказский пленник» А.С. Пушкина и «Мцыри» М.Ю. Лермонтова, во многом носил клишированный характер. Он основывался на прямом противопоставлении Востока и Запада, что стало одним из факторов последующей критики всего европейского ориентализма на Востоке. Эта критика в наиболее концентрированном виде представлена в работе американского ученого Эдварда Саида «Ориентализм». С данной точки зрения, европейский ориентализм понимают как «право говорить за другого», в качестве попытки Запада поместить Восток в строгие границы европейской культуры, в которых отрицается самодостаточность Востока и уникальный характер его исторического пути и древней культуры.

В-третьих, изучение Северного Кавказа в условиях Кавказской войны стало фактором определенной степени ангажированности подхода русских художников к репрезентации кавказской культуры. Ход исторических процессов в XIX веке также значительно

влиял на восприятие феномена Кавказа русским обществом. Нараставшая в этот период напряженность, связанная как с усилением критики сложившейся в империи социально-политической и экономической системы организации общества, а также рост локального национализма в отдельных частях империи, прежде всего в Польше, способствовал превращению Северного Кавказа в российскую версию британской Австралии. Кавказ начали рассматривать как идеальную локацию для ссылки «людей неуживчивых, бывших не в ладах с существовавшими законами, беспокойных и неудобных» [2, с. 52].

В этих условиях личное отношение художника к русской культуре, к Российскому государству и к отношениям России и Северного Кавказа в значительной степени отражалось в его перцепции Северного Кавказа как уникального культурно-исторического феномена. При этом диапазон субъективности восприятия был достаточно растяжимым, от идеализации Северного Кавказа как свободной Земли в противоположность деспотической России в стихотворении М.Ю. Лермонтова «Кавказ» 1830 года (Кавказ! Далекая страна! Жилище вольности простой! И ты несчастливыми полна и окровавлена войной) до жесткой критики сути кавказской культуры, ее восприятия как сугубо варварской и жестокой, что можно проследить на примере стихотворения М.Ю. Лермонтова «Сон»:

И снилась ей долина Дагестана;
Знакомый труп лежал в долине той;
В его груди дымясь чернела рана,
И кровь лилась хладеющей струей.

В этой связи наиболее наглядным является восприятие культуры народов Северного Кавказа, данное великим русским философом и публицистом Николаем Данилевским, определившим горцев Северного Кавказа как «природных хищников и грабителей, никогда не оставлявших и не могущих оставить своих соседей в покое» [3, с. 31]. Важно отметить, что подобный ангажированный взгляд одного из теоретиков русского славянофильства на кавказские народы во многом схож с оценкой западными теоретиками самих русских, которых в Европе также традиционно обвиняли в склонности к жестокости, варварству и неумеренной экспансии. Данная аналогия раскрывает специфику, свойственную западному взгляду на мир Востока, в котором объективный взгляд искажается субъективностью восприятия [10, с. 63].

Наконец, фундаментальной особенностью восприятия деятелями русской культуры сущности социальной и экономической жизни народов Северного Кавказа, равно как и мировоззренческого взгляда кавказских народов на окружающий мир, являлось постоянное стремление понять другую сторону Кавказской войны. Несмотря на тот факт, что между русскими писателями и художниками, с одной стороны, и горцами Северного Кавказа пролегла большая дистанция, связанная как с особенностями национального менталитета, так и с сословными ограничениями и прямой враждебностью завоевателей и борцов за свою свободу, вызванной условиями Кавказской войны, в подавляющем большинстве произведений русской культуры, посвященных проблематике Северного

го Кавказа, доминантной линией проходит глубокое уважение к своему противнику. В них звучит прямое восхваление безусловных достоинств Северного Кавказа, его уникальной природы, неповторимой культуры, храбрости, отваги и свободолюбия кавказских народов [8, с. 95]. Такие классические произведения русской литературы, как «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова и «Хаджи-Мурат» Л.Н. Толстого, являются яркими примерами глубокого понимания русскими писателями сложного мира Кавказа.

В отличие от подавляющего большинства произведений европейских авторов в стиле ориентализма образца девятнадцатого века, в которых колонизаторская миссия европейцев воспринимается как однозначно позитивное явление, как светлая миссия белого человека, распространяющего прогрессивные достижения европейской цивилизации на новые земли, в произведениях русских писателей, сосредотачивающихся в основном на анализе событий Кавказской войны, имеет место значительно более сложный взгляд на роль Российской империи в Кавказской войне. Наравне с прославлением силы русского оружия в русском культурном ориентализме достаточно распространенный характер имеет и критика боевых действий, ведущихся Россией на Кавказе. Например, особый характер носит повесть Льва Толстого «Хаджи-Мурат», в которой беспощадной критике подвергается традиция сожжения русской армией горских аулов, одновременно сопровождающаяся восхвалением автором горских народов Северного Кавказа. В толстовской репрезентации событий Кавказской войны звучит значительно более реалистичный и сложный подход, выходящий далеко за границы как романтического ориентализма Европы и России, так и самой схемы ориентализма как феномена. Обозначение империализма и колониализма носит строго позитивный характер. С этой точки зрения русская культура вновь демонстрирует присущее ей стремление не столько покорить и подчинить другие народы и культуры, сколько понять их особенности и специфику с тем, чтобы в дальнейшем найти точки соприкосновения для максимально бесконфликтного совместного сосуществования в рамках общего для всех народов России Российского государства [2, с. 48].

Несмотря на формирование в русской культуре первой половины XIX века достаточно единого по своей внутренней структуре пласта литературных, художественных и иных работ в жанре ориентализма, важно обратить особое внимание на тот факт, что каждый отдельный художник, описывавший Северный Кавказ, имел свое собственное видение этого уникального региона. Это видение определялось как особенностями его частной жизни и биографии, так и историческими реалиями, а также глубиной разлома в отношениях России и Кавказа.

Наиболее ярким примером особенностей ориенталистского восприятия кавказской тематики в русской литературной традиции первой половины девятнадцатого века является творческое наследие А.С. Пушкина. Пушкинский взгляд на проблему Кавказа носит двоякий характер. С одной стороны, А.С. Пушкин был пионером русского культурного востоковедения. Именно в рамках его произведений восточного цикла,

от «Подражания Корану» и «Бахчисарайского фонтана» до «Кавказского пленника», были сформулированы основные нарративы, сюжеты и жанры кавказского ориентализма в русской литературе. Пушкинская поэтика мира Кавказа, его романтизация и идеализация Кавказа как «русского востока», стала той основой, на базе которой творили последующие русские писатели и поэты, в числе которых можно назвать М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого, И.А. Бунина, В.Я. Брюсова, С.А. Есенина и Б.А. Пастернака [4, с. 147].

Публикация Александром Пушкиным повести «Кавказский пленник» стала знакомым событием в контексте знакомства русской культуры с Северным Кавказом как культурно-историческим феноменом. Значительность вклада Пушкина в разработку ориенталистской темы в русской литературе обосновывается реакцией на нее как широкой читающей публики, так и отзывами крупных русских критиков и писателей. В частности, в своем отзыве на пушкинского «Кавказского пленника» крупнейший русский критик первой половины XIX века Виссарион Белинский отметил способность поэта передать «грандиозный образ Кавказа с его воинственными жителями в первый раз в русской поэзии» [6, с. 21]. Наравне с отражением природных и идейных особенностей Северного Кавказа, А.С. Пушкин в своем творчестве стремился к максимально объективному отражению обычаев и традиций народов Северного Кавказа, что впоследствии стало одним из основных факторов развития русского ориентального дискурса. Ключевая роль учета культурологических особенностей Северного Кавказа в написании «Кавказского пленника» бала отмечена самим ее автором, писавшим в письме к В. Горчакову в 1822 году: «Черкесы, их обычаи и нравы занимают большую и лучшую часть моей повести» [1, с. 149].

Вместе с тем пушкинский взгляд на эстетику Северного Кавказа со многим носил теоретический, фантазийный характер. Он был вдохновлен байроновским романтизмом, перенесенным на Кавказ, что во многом ограничивало художественный потенциал развития темы Кавказа в русской литературе. Объективным основанием данной ограниченности было отсутствие у поэта личного опыта жизни на Северном Кавказе, что отделяло Пушкина от его последователей в жанре русского ориентализма, имевших богатый опыт понимания кавказских реалий [6, с. 89].

Вклад А.С. Пушкина в развитие русского восприятия Северного Кавказа заключается, прежде всего, в формировании им самого дискурса русского ориентализма, основанного на постижении Востока как уникальной культуры, отличной от культуры России и Европы. В этом контексте особый интерес привлекает главное достижение Пушкина в контексте русского ориентализма – написание им цикла «Подражание Корану» как центрального текста русского ориентализма. Текста, привлечшего внимание всей русской культуры к эстетике и проблематике Востока. Важное место в пушкинском понимании Востока занял концепт гонимого людьми пророка, бросающего вызов реалиям, ценностям и представлениям своего века и ищущего более глубокие и важные идеалы, которые, как правило, обретаются на Востоке, в случае русской литературы – на Северном Кавказе. Идея духовного

востока, противостоящего прагматичному и поверхностному западу, и поиск выхода из духовного кризиса через физический или воображаемый побег на Восток стала доминирующей в творчестве основного наследника Пушкина в сфере написания кавказского текста – Михаила Лермонтова [4, с. 85].

Рассматривая тематику востока сквозь призму противостояния человека и общества, личности и государства, свободы и тирании, Александр Пушкин также смог в иносказательной форме в рамках стихотворений из цикла «Подражание Корану» и «Бахчисарайский фонтан» обозначить свою политическую позицию в условиях нарастания революционных настроений в России в первой четверти девятнадцатого века, нашедших свой выход в восстании декабристов 1825 года. Александр Пушкин дал русской литературе в формате ориенталистского текста еще один метод свободного выражения политической позиции посредством иносказания, запретить который было сложно даже мощной системе российской цензуры.

Подводя итоги данной работы, мы можем сделать однозначный вывод о том, что русские писатели в первой половине XIX века открыли для себя уникальный мир Востока и Северного Кавказа. Их перцепция Северного Кавказа в значительной степени отвечала духу европейского романтического ориентализма, но также и имела ряд своих уникальных особенностей, к числу которых относилось стремление к более реалистичному анализу традиций автохтонного населения региона, готовность к налаживанию диалога культур и формированию устойчивого взаимодействия между институтами и обществом Российской империи и отдельными народами, проживавшими на территории

Северного Кавказа до его окончательного присоединения к российскому государству.

Литература

1. Виноградов, В. Б. Пушкинская Кубань (историко-литературоведческие этюды) / В. Б. Виноградов. – Армавир, 2009. – 211 с.
2. Гуковский, Г. А. Пушкин и русские романтики / Г. А. Гуковский. – Москва : Художественная литература, 1965. – 321 с.
3. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому / Н. Я. Данилевский. – Санкт-Петербург, 2015. – 136 с.
4. Кошелев, В. А. Историческая оппозиция «Запад-Восток» в творческом сознании Пушкина / В. А. Кошелев. – Москва, 2012. – 231 с.
5. Орловская, Н. К. Восточные мотивы в европейском галантном романе XVII–XVIII в. / Н. К. Орловская // Взаимодействие культур Востока и Запада : сборник статей. – Москва : Наука, 1987. – 153 с.
6. Соловей, Н. Я. Особенности использования мотивов Корана в «Подражании Корану» Пушкина / Н. Я. Соловей // Пушкин в странах зарубежного Востока : сборник статей. – Москва : Наука, 2016. – 257 с.
7. Черноус, В. В. Кавказ – контактная зона цивилизаций и культур / В. В. Черноус // Научная мысль Кавказа. – 2000. – № 2. – С. 30–34.
8. Bakioe-Hayden, M. Nesting Orientalism: The Case of Former Yugoslavia / Bakioe-Hayden M. // Slavic Review. – Washington, 1995. – Vol. 54. – 425 p.
9. Jersild, A. L. Orientalism and Empire: North Caucasus Muslim Peoples and the Georgian Frontier, 1845–1917 / A. L. Jersild. – Montreal, 2002. – 367 p.
10. Layton, S. Russian Literature and Empire: Conquest of the Caucasus from Pushkin to Tolstoy / S. Layton. – Cambridge, 2014. – 392 p.

R.I. Pliev

THE MAIN FEATURES OF THE ORIENTALIST PERCEPTION OF THE NORTH CAUCASUS IN RUSSIAN LITERATURE OF THE FIRST HALF OF THE 19th CENTURY

The article is devoted to the analysis of the main features of the development of the orientalist text in Russian literature of the first half of the 19th century. The author of the article conducts a comparative analysis of the development of literary orientalism in Russia and Europe during this historical period. Based on the conducted research, the author comes to the conclusion that there are common foundations of the Russian and European orientalist text. The article notes that the uniqueness of the North Caucasus as the main space of the East in the Russian literary tradition has led to the creation in Russia of such a special cultural phenomenon as the Caucasian text. Russian literature's Caucasian text, which first developed within the framework of a romantic and then realistic direction, fully reflected the desire inherent in the Russian cultural code to realize and accept the differences of national cultures and traditions, as well as the willingness to synthesize cultures for the successful integration of new spaces into a single Russian state.

Orientalism, the North Caucasus, Caucasian text, Romanticism, realism, the Caucasian war, the Russian East, oriental discourse.

Е.А. Пушкаренко
Российская таможенная академия

НАЦИСТСКАЯ ПРОПАГАНДА НА ТЕРРИТОРИИ ГЕНЕРАЛЬНОГО ОКРУГА БЕЛАРУСЬ В 1941–1944 ГГ.: ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ И ЦЕННОСТНЫЙ АСПЕКТЫ

В статье исследуется проблема идеологических и ценностных оснований нацистской пропаганды на оккупированной советской территории на примере Генерального округа Беларусь, 1941–1944 гг. Их основу составляли национализм, национал-социализм, русофобия и антисемитизм.

Нацистская пропаганда, политические ценности, национализм, антисемитизм, русофобия, Генеральный округ Беларусь, Великая Отечественная война.

В настоящее время Россия сталкивается с беспрецедентными историческими вызовами военно-политического и идейно-ценностного характера. В современных условиях тема исследования представляется актуальной и значимой. Анализ содержания немецкой пропаганды на территории оккупированных европейских стран, в том числе Советского Союза, позволяет выявить важные исторические аналогии. Цели нацистов заключались не только в физическом истреблении народов СССР, но и в искажении их картины мира, традиционных ценностных установок. Формирование новых политических убеждений должно было способствовать достижению ряда практических целей – пацификации тыла, привлечению населения занятых вермахтом районов и территорий к выполнению собственных военно-тактических и хозяйственно-эксплуатационных задач. Пропаганда была ориентирована на создание нового образа будущего, связанного с германским национал-социализмом. При этом политические ценности, навязываемые населению оккупированных территорий, во многом являлись калькой идеологических клише и пропагандистских штампов, тиражируемых министерством пропаганды Й. Геббельса.

Изучение нацистской практики влияния на массовое сознание населения захваченных территорий, его деформации и переформатирования в необходимом немецким властям русле мы проследили на примере одной из административных единиц министерства Остланд – Генерального округа Беларусь (в который входили в основном оккупированные районы Западной БССР). Эта часть территории БССР более трех лет находилась в зоне оккупации, что вынуждало немецкую администрацию постоянно совершенствовать как содержание пропаганды, так и ее средства. Полученные данные позволяют создать более целостное и объемное представление о германском идеологическом воздействии на Востоке, а также частично экстраполировать их на текущие политические события и процессы в мире.

Источниковой базой исследования послужили документы Национального архива Республики Беларусь (НАРБ), Государственного архива Минской области (ГАМО), Российского государственного военного архива (РГВА), в их числе оккупационные издания, листовки, газеты, распоряжения и отчеты представителей немецкой гражданской администрации.

Анализ историографии вопроса позволяет сделать вывод о недостаточной изученности проблемы. В советский период проблема рассматривалась в контексте советско-германского идеологического противостояния либо партизанской контрпропаганды [7]. Стоит отметить, что эта тенденция сохраняется и в последние годы [1; 2].

В 90-е гг. прошлого столетия немецкий исследователь Й. Шлоотц одним из первых провел общий анализ содержания немецкой пропаганды на территории Генерального округа Беларусь [19]. Польский исследователь Ю. Туронок выделил ряд отличительных черт немецкой оккупационной политики на территории округа [24]. Бабетта Квинкерт провела сравнение между реалиями оккупационного режима и содержанием пропаганды, сделав основной акцент на их сущностном противоречии, негативно отразившемся на эффективности идеологического воздействия на местное население [26]. В последние годы появилось достаточно много исследований, имеющих «региональную» привязку. Большая часть из них связана с изучением феномена и специфики немецкой пропаганды в пределах конкретной административной единицы в составе РСФСР [4; 5; 18]. Отдельные аспекты проблемы были рассмотрены автором ранее, в частности вопросы антисоветской пропаганды в округе [14], проблема использования национальной белорусской идеи в качестве инструмента пропаганды национализма [8]. Особенности национально-культурной политики немецких оккупационных властей посвящена работа белорусского историка Л. Лыча [23]. При этом вне исследовательского внимания до сих пор остаются ценностные и идейно-политические

аспекты немецкой пропаганды на территории Генерального округа Беларусь в 1941–1944 гг., поэтому проблема требует дальнейшего детального и системного изучения.

Основные акценты идеологической работы немецкой гражданской администрации Генерального округа Беларусь были связаны с изменением ценностных установок и политических убеждений его населения. На смену советским идейно-политическим понятиям и категориям пришли ценности нацизма. Интернационализм был вытеснен национализмом, социализм и коммунизм – национал-социализмом. Внедрение в массовое сознание новых политических установок должно было сформировать не только новую картину мира и своего места в нем, но и служить практическим задачам и целям. Свое индивидуальное и коллективное будущее белорусы должны были связать с концептом т.н. «Новой Европы», политическую, идеологическую, морально-нравственную и правовую основу которой будет определять нацистская Германия. Как следствие, основные тематические направления немецкой пропаганды повторяли и развивали идеологические догматы, действовавшие на территории «рейха». Среди них следует указать национализм, антисоветизм, антисемитизм, русофобию, ненависть к полякам, миф о «Новой Европе».

Базисной политической ценностью, которая лежала в основе всей пропагандистской работы немецкой гражданской администрации округа, была белорусская национальная идея, реализация которой осуществлялась в националистическом формате в контексте политики «белорусизации». Фактически при непосредственном участии идеологов и пропагандистов немецкой гражданской администрации округа во главе с В. Кубе произошла подмена понятий «национальное» и «националистическое», так как истинной подоплекой категории «белорусизации» был национализм как таковой. «Белорусская национальная идея в интерпретации автора политики “белорусизации” В. Кубе представляла собой, по сути, декларацию квазигосударственности как формы оккупационной политики и пропаганды. Впоследствии, в 1944 г., она была реализована в форме т.н. Белорусской Центральной Рады (БЦР) и ряда общественных организаций – “Белорусской народной самопомощи” (1941 г.), “Белорусской Рады доверия” (1943 г.), “Белорусской краевой обороны” (1944 г.) и др. Кубе разрешил использовать национальные символы Беларуси – бело-красно-белый флаг и герб “Пагоня”. Публичные высказывания Кубе относительно перспектив национального и государственного развития белорусского края доходили до того, что Генеральный округ Беларусь в будущем должен был “стать Отечеством для белорусского народа”», – отмечалось ранее [8, с. 82].

Одним из приоритетных направлений «белорусизации» стало формирование национального самосознания и национальной идентичности белорусов как основы для развития идеологии национализма впоследствии. Специфика исторического развития белорусского народа заключалась в том, что в течение длительного времени он пребывал в культурном и цивилизационном пространстве соседних держав – Речи Посполитой и Российской империи, периодически

подвергаясь при этом целенаправленной полонизации и русификации. Это отразилось на национальном самосознании белорусов, которые в большинстве своем к моменту вступления вермахта именовали себя «тугэйшыя», то есть «местные». Как отмечали немецкие источники, длительная предшествующая политика русификации и полонизации белорусского населения привела к тому, что «белорусы, в массе своей, считают себя русскими в большей степени, чем белорусами (в восточных областях) и соответственно поляками в Западной Беларуси» [9, л. 8]. Было отмечено также, что пассивные политические настроения белорусов обусловлены «низким национальным самосознанием» и «отсутствием национальной интеллигенции» [15, л. 248, 250].

Эти исторические особенности эволюции белорусского народа значительно минимизировали как уровень национального самосознания, так и тенденции к национализму и сепаратизму. Поэтому немецкая пропаганда по национальному вопросу на территории Генерального округа Беларусь велась с учетом этих обстоятельств. Стимулом для развития национального самосознания белорусов под контролем оккупационных властей стала апелляция к чувству обиды и ущербности. Как следствие, практическая реализация «белорусизации» воплотилась, с одной стороны, в актуализацию интереса местного населения к достижениям белорусской культуры, изучению белорусского языка, а с другой – в политику национализма и шовинизма. С санкции главы немецкой гражданской администрации уже в начале 1942 г. все этнические поляки, русские и евреи, проживавшие на территории округа, были объявлены «враждебными белорусскому народу элементами». В докладе «О школьном деле Беларуси», датированном 01.06.1942 г., говорится: «Российская интеллигенция, которая осталась в Беларуси после Царской России, стремится расширить здесь влияние “единой и неделимой России” как мощного государства» [6, л. 6]. Если русским и полякам ставили в вину политику русификации и полонизации, проводившуюся на земле Беларуси в предшествующие исторические периоды, то евреев обвиняли в создании советского государства, захвате в нем ключевых постов в управлении. Более того, именно евреев обвиняли в развязывании второй мировой войны, стремлении осуществить т.н. «мировую революцию» и установить свою власть во всем мире. Подчеркивалось, что именно евреи составляют основное число «бандитов» <в немецкой трактовке партизан> и виноваты в репрессивной политике немецких властей, которую они осуществляют в отношении местного населения в районах их наибольшей активности. Утверждалось, что именно евреи, составлявшие верхушку советского партийного руководства БССР в довоенный период, несут ответственность за политику русификации и ущемления национальных интересов белорусов. Фактически, вся эта агрессивная риторика должна была легитимировать ежедневную практику холокоста и вызвать заинтересованность в ее проведении со стороны местного населения.

Генеральный комиссар округа санкционировал запрет польского и русского языка на территории округа в официальном делопроизводстве и повсе-

дневном общении. «Если в западных областях Беларуси поляки стремились искоренить белорусов как нацию, то в восточных этого добивались большевики», – аргументировал свою позицию Кубе [10, л. 9–10]. Как следствие, поляков стали выводить из состава местной администрации; претерпели гонения и представители католической церкви. Антипольский курс выразился в обвинениях этнических поляков в сотрудничестве с партизанами. Как сообщали польские источники в июне 1942 г., «отношение белорусского национализма к полякам явно враждебное». Источники сообщают также о фактах арестов и расстрелов поляков по доносам представителей местной белорусской администрации и полиции [25, л. 11–25]. Таким образом, дискриминация одного из наиболее многочисленных этнических элементов населения округа выступала неотъемлемой частью политики «белорусизации», а фактически была направлена на разжигание чувств национальной вражды и ненависти.

Усилия Кубе на поприще «белорусизации» были столь активны, что до сих пор вызывают неоднозначные оценки историков. Некоторые из них склонны видеть в его политике какие-то искренние мотивы, направленные на возрождение белорусского языка и культуры. Показательно в этом смысле мнение исследователя Л.М. Лыча: «Несмотря на господство среди высшего руководства Германии взгляда на Беларусь как на какую-то национально не оформленную территорию, В. Кубе с первых дней оккупации считал ее коренное население самобытным народом и по возможности способствовал оживлению в нем национального начала, прежде всего, через образование, развитие традиционной культуры, повышение роли белорусского языка» [23, с. 37].

Сложно согласиться с этим мнением. Ведь формирование национального самосознания, любви к истории и культуре Беларуси шло, с одной стороны, через акцентуацию значимости белорусского языка, историко-культурного наследия Беларуси, с другой стороны, через привитие идеи о виновности представителей польского, русского, еврейского народов в национальном упадке Беларуси. Манипуляции с проблематикой в области белорусской национальной идеи вылились в систему антисемитских, русофобских и антипольских публикаций на страницах оккупационных изданий. Например, в сентябре 1942 г. «Менская газета» писала: «Интересы жидов и нежидов – несовместимы, жидовская этика и мораль не должны отравлять другие нации, жидам вообще нет места среди нас» [11, л. 7]. А антипольская кампания, развязанная весной 1942 г., также получила масштабную идеологическую поддержку в оккупационных изданиях. Ее началу послужила статья Вильгельма Кубе в «Minsker Zeitung» (№ 69), в которой поляки были причислены к давним врагам белорусского народа и названы «народом горделивых тунеядцев».

Воспитание национальных чувств реализовывалось через отрицание значимости иных культур и формирование образа врага, в качестве которого выступали Польша и Россия. Показательна в этом смысле цитата из статьи «Давайте уважать свою культуру!» представителя белорусского коллаборационизма Г. Залуцкого: «Сквозь века и лихолетья шел наш бе-

лорусский народ, подвергаясь грабежу то со стороны поляков, то москалей. Но ни грубое обмоскаливание, ни шляхетское ополячивание не сломали души белоруса, не уничтожили нас как народ, как нацию» [21].

Белорусский национальный вопрос постоянно актуализировал и теоретически обосновывал сам глава округа В. Кубе. В своих публичных выступлениях, в том числе со страниц оккупационных изданий, он декларировал уникальность, самобытность белорусского этноса, его культуры и языка, подчеркивая то негативное влияние, которое оказали на его развитие соседние страны и народы. В первую годовщину «освобождения Беларуси» в «Беларускай газэце» вышла его статья под названием «Год борьбы против красной нечисти». В ней автор утверждал, что «Беларусь национально и исторически не имеет ничего общего с Москвой», что в восемнадцатом столетии белорусы «сменили польское ярмо на русское рабство». «Белый или красный царь – всегда это было этнически чуждое господство и закрепощение белорусов». Кубе призывал белорусов осознать, что настало время для «принятия исторического решения» и приступить к выполнению задач, определенных «фюрером». «Беларусь больше не будет форпостом для нападений красных властителей на Европу, а станет границей Новой Европы против степного духа москалей». Следуя логике этой публикации, белорусы должны были связать свое национальное и политическое будущее с национал-социалистической Германией [22].

В контексте политики «белорусизации» в 1943 году была проведена пропагандистская кампания о «нордической крови белорусов». В ней обосновывался тезис о том, что по своему этническому происхождению белорусы стоят на более высокой ступени, чем русские. «Белорусы, а вместе с ними украинцы, имели общие этнические корни с викингами и развивались под их культурным влиянием», – утверждали авторы теории [12, л. 90]. Из чего делался вывод о том, что это дальше, «кровное родство» открывало перспективы для вхождения Беларуси в состав «Новой Европы». В одном из публичных обращений по случаю учреждения очередного коллаборационистского органа – «Союза белорусской молодежи» – Кубе в июне 1943 г. заявил: «Белорусский народ на протяжении сотен лет своей истории находился в тени своих могущественных соседей. Однако тот факт, что в течение этого времени в нем сохранилась белорусскость, свидетельствует о самобытной силе этого упорного крестьянского народа. В белорусском народе присутствует сравнительно большая часть нордической крови. Именно этот факт объясняет то, что белорусы не позволили себя уничтожить ни Польше, ни насильственному царскому господству, ни кровавому большевистскому террору» [20].

Акцентуация белорусского вопроса приобрела форму заявлений о создании белорусских органов власти и рассуждений о «перспективах» государственного строительства. На совещании в Генеральном комиссариате, проходившем в Минске в апреле 1943 г., Кубе заявил: «Я хотел бы дать белорусам Радугу Доверия. Мы достаточно сильны, чтобы позволить такую раду и сделать основанием ее существования умение на практике осуществлять административные

полномочия в немецких интересах.... Если во всех областях нам удастся привлечь <белорусский> народ к сотрудничеству, то мы тем самым облегчим свою задачу. Если белорусы будут на стороне Германии сознательно и по убеждению, то... только тогда у нас вообще есть будущее на этой земле, тогда мы сможем что-то выжать из этого народа» [17, с. 103–111]. Приведенная цитата показывает, что главой немецкой администрации двигали сугубо утилитарные цели. Играв на национальных чувствах белорусов, обещая им создание представительских, а по сути квазигосударственных органов власти, он рассчитывал завоевать симпатии и доверие белорусского народа. С их помощью планировалось осуществлять хозяйственную эксплуатацию данной территории, не прибегая к дополнительным административным и полицейским мерам.

Невозможно было развить национализм, не устранив при этом идеологию интернационализма, равенства, солидарности. «Работа по распространению и привитию идей нацизма началась в школах, общественных организациях, на предприятиях, среди сельского населения. Уничтожить “дух большевизма”, “избавить народ от коммунистического яда” – стали одними из главных целей деятельности школ, отделов пропаганды и политики», – отмечалось автором ранее [14, с. 172]. В 1942 году на территории округа были учреждены филиалы НСДАП [13, л. 36]. Борьба с коммунистической идеологией, которая вылилась в категорическое отрицание всего советского опыта, дискредитацию советских политических ценностей и убеждений, стала второй важнейшей составляющей идейно-политической деятельности немецких властей. В основу нового образа будущего был положен миф о т.н. «Новой Европе».

Пропагандистский проект по созданию «объединенной Европы» был рассчитан на привлечение представителей разных социальных групп – и творческой интеллигенции, и простых рабочих и крестьян. Для каждой из социальных категорий населения были заготовлены свои идеологические клише и штампы. Миф о «Новой Европе» был построен на пропаганде преимуществ национал-социализма как особой, принципиально новой, социально-политической системы. Белорусскую интеллигенцию должна была привлечь возможность реализации национальной идеи по созданию государственности под протекторатом Германии, а потенциальным белорусским оstarбайтерам обещали привлекательные условия жизни и труда в «рейхе». При этом немецкие пропагандисты сравнивали советскую и германскую модели общественного устройства, приводя доказательства несостоятельности первой и преимущества второй. Образ идеальной, привлекательной для жизни рядового обывателя Германии создавался через устные выступления пропагандистов-референтов, радиопередачи, публикации в газетах. Практиковались даже «экскурсии» белорусских крестьян и рабочих для знакомства с условиями жизни в нацистском «рейхе», по итогам которых проходили пропагандистские акции. Подчеркивалось, что этот сказочный образ мог стать «реальностью» для белорусов в случае добровольной вербовки и отправки в «рейх». При этом пропаганда преследовала две

цели. Помимо решения вопроса об увеличении поставок на предприятия «рейха» рабочих кадров с Востока, она была нацелена на создание в тылу вермахта социальной опоры «нового порядка» в лице националистических сил. Чтобы создать надежную коллаборационистскую сеть, мало было пообещать равную оплату за труд и привлекательные социальные условия жизни и труда в «рейхе». Следовало убедить белорусское население в реальности «проектов» Кубе по вхождению Беларуси в состав «Новой Европы». Прочитируем содержание одной из листовок: «Белорусы и белоруски! Европа зовет вас на работу в Германию. 25 лет вы были заложниками советской системы. Вас мучили в колхозах и совхозах, на принудительных работах в Сибири. Но теперь Вас призывает к борьбе Европа! Объединяйтесь в европейский фронт борьбы! Ваш лозунг: борьба с большевизмом и его жидовскими прислужниками! Работа для Европы – это возрождение Беларуси! Свобода европейских народов в объединенной Европе – это наилучшая цель!» [3, с. 134]. Понятие «Новой Европы» стало своего рода агитационным штампом и широко использовалось в пропагандистских материалах, адресованных как потенциальным белорусским оstarбайтерам, так и белорусской интеллигенции, ставшей основным источником формирования коллаборационизма. В. Кубе неоднократно обращался к теме «Новой Европы» в своих публичных выступлениях. Например, в июле 1942 года он заявил, что белорусский народ обретет «европейскую жизнь и европейскую свободу» только в союзе с национал-социалистической Германией [16, л. 5].

Таким образом, две главные идеологические и ценностные составляющие нацистской пропаганды на Востоке – национализм и национал-социализм – дополняли друг друга и были тесно взаимосвязаны. Формирование новой националистически ориентированной белорусской ментальности предполагало отрицание прежних культурных и исторических связей с соседними странами и народами, с одной стороны, и создание политических настроений и ожиданий, связанных с образом «Новой Европы», с другой стороны. На смену прежним ценностям равенства, справедливости, солидарности пришли идеи исключительности и превосходства одних народов и ущербности и виновности других. Новая система политических ценностей, навязываемых германской пропагандой, должна была сформировать чувства национальной исключительности и превосходства, обусловить стремление национально и националистически ориентированной интеллигенции к сотрудничеству с оккупационными властями. Новая белорусская ментальность должна была быть построена на отождествлении себя с Западным миром и призрачными проектами по обретению собственной государственности под протекторатом национал-социалистической Германии.

Литература и источники

1. Беларусь в годы Великой Отечественной войны. – Минск, 2005. – 544 с.
2. Беларусь партизанская. Иллюстрированная энциклопедия партизанского движения в Беларуси в годы Великой Отечественной войны. – Минск : Беларуская энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, 2019. – 352 с.

3. Белорусские оstarбайтеры. Угон населения Беларуси на принудительные работы в Германию (1941–1944): Документы и материалы : в 2 книгах / составитель Г. Д. Кнатыко, В. И. Адамушко [и др.]. – Минск, 1997. – Кн. 2. – 304 с.
4. Бернев, С. К. Агитационно-пропагандистская деятельность нацистской Германии на оккупированной территории Северо-Запада РСФСР в 1941–1944 гг.: цели, основные направления, крах : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Бернев Станислав Константинович. – Санкт-Петербург, 2008. – 36 с.
5. Бимбасов, Р. Г. Организация устной пропаганды и агитации в годы Великой Отечественной войны (на материалах Северной Осетии) / Р. Г. Бимбасов. – DOI:10.22363/2312-8674-2020-19-2-361-373 // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2020. – Т. 19, № 2. – С. 361–373.
6. Государственный архив Минской области (ГАМО). Ф. 688. Оп. 2. Д. 2. Л. 6.
7. Ивлев, И. А. Оружием контрпропаганды Советская пропаганда среди населения оккупированной территории СССР 1941–1944 гг. / И. А. Ивлев, А. Ф. Юденков. – Москва, 1988. – 234 с.
8. Мамаева, Т. П. Белорусская национальная идея как инструмент немецкой пропаганды на территории Генерального округа Беларусь / Т. П. Мамаева, Е. А. Пушкаренко // Вестник Брянского государственного университета. – 2021. – № 4. – С. 80–88. – URL: <https://doi.org/10.22281/2413-9912-2021-05-04-80-88> (дата обращения: 05.04.2024). – Текст : электронный.
9. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 370. Оп. 1. Д. 411. Л. 8.
10. НАРБ. Ф. 370. Оп. 1. Д. 5. Л. 9–10.
11. НАРБ. Ф. 569. Оп. 1. Д. 7. Л. 7.
12. НАРБ. Ф. 370. Оп. 1. Д. 1355. Л. 90.
13. НАРБ. Ф. 411. Оп. 1. Д. 32. Л. 36.
14. Пушкаренко, Е. А. Антисоветская пропаганда немецких властей на оккупированной советской территории СССР (на материалах Генерального округа Беларусь) / Е. А. Пушкаренко. – DOI: 10.17223/15617793/471/20 // Вестник Томского государственного университета. – 2021. – № 471. – С. 170–174.
15. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 1370к. Оп. 1. Д. 56. Л. 248, 250.
16. РГВА. Ф. 1363к. Оп. 5. Д. 67. Л. 5.
17. Стенограмма совещания высшего руководства Генерального округа «Белоруссия» (Минск, 8–10 апреля 1943 года) / автор-составитель С. В. Жумарь, С. Е. Новиков, Р. А. Черноглазова. – Минск : МГЛУ, 2006. – С. 103–111.
18. Филоненко, М. И. Психологическая война немецко-фашистских войск против частей Красной Армии и населения временно оккупированных территорий в годы Великой Отечественной войны (на материалах Воронежской области. 1942–1943 гг.) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Филоненко Михаил Иванович. – Воронеж, 2006. – 40 с.
19. Шлоотц, Й. Немецкая пропаганда в Беларуси, 1941–1944: Конфронтация между пропагандой и действительностью: Выставка в Берлине, Минске и Москве / Й. Шлоотц. – Берлин, 1997. – 80 с.
20. Голас вёскі. – 1943. – 29 чэрвеня.
21. Залуцкі, Р. Шануйма сваю культуру! / Р. Залуцкі // Голас вёскі. – 1942. – 7 верасня.
22. Кубэ, В. Год змаганьня супроць чырвонае пошасьці / В. Кубэ // Беларуская газета. – 1942. – 22 чэрвеня.
23. Лыч, Л. Нацыянальна – культурнае жыццё Беларусі на тэрыторыі функцыянавання нямецкага акупацыйнага рэжыму (чэрвень 1941 – ліпень 1944 г.) / Л. Лыч. – Мінск, 2011. – 334 с.
24. Туронак, Ю. Беларусь пад нямецкай акупацыяй / Ю. Туронак. – Мінск, 1993. – 236 с.
25. Archiwum Akt Nowych (AAN). Sygn. 202/III. Teczka 201. K. 11–25.
26. Quinkert, B. Propaganda und Terror in Weißrußland 1941–1944: Die deutsche «geistige» Kriegsführung gegen Zivilbevölkerung und Partisanen / B. Quinkert. – Paderborn : F. Schöningh, 2009. – 345 s.

E.A. Pushkarenko

NAZI PROPAGANDA ON THE TERRITORY OF THE GENERAL DISTRICT OF BELARUS IN 1941–1944: IDEOLOGY AND VALUE ASPECTS

The article examines the problem of ideological and value foundations of Nazi propaganda in the occupied Soviet territory on the example of the General District of Belarus, 1941–1944. They were based on nationalism, National Socialism, Russophobia and anti-Semitism.

Nazi propaganda, political values, nationalism, anti-Semitism, Russophobia, the General District of Belarus, the Great Patriotic War.

В.В. Дунников

*Владимирский государственный университет
им. А.Г. и Н.Г. Столетовых*

СЮЖЕТНЫЙ АБСУРД В ПЬЕСЕ ДМИТРИЯ ДАНИЛОВА «СЕРЕЖА ОЧЕНЬ ТУПОЙ»

В настоящей статье представлен сопоставительный анализ поэтики абсурда, являющейся магистральной для произведений Э. Ионеско «Лысая певица» и Д. Данилова «Сережа очень тупой». Цель исследования – специфицировать основные принципы поэтики абсурда в пьесе. Для достижения поставленных задач были разграничены такие понятия, как «лингвистический» и «сюжетный абсурд». На основании анализа сюжетосложения становится заметно, что в пьесе Данилова сюжетный абсурд преобладает над лингвистическим, усиливая при этом трагикомическое начало произведения.

Данилов, абсурд, театр абсурда, Ионеско, трагикомическое.

Драматургия с элементами абсурда востребована на сцене, как и продуктивная интерпретация абсурдистского наследия литературоведами, исследователями драматургии и театральными критиками. Абсурд как инструмент социальной рефлексии становится очень гибким, поскольку удачно подчеркивает непредсказуемость или неопределенность жизни, неэффективность различных систем, фиксирует бессмысленность и иррациональность рутины. В то же время абсурд продолжает выступать в качестве экспериментального и новаторского средства организации драматической формы. Исследователь драматургии абсурда П.Е. Жиличев отмечает: «В современной науке дискурс театра абсурда характеризуется следующими параметрами: деконструкцией культурных кодов, актуализацией архаической сущности театра, пародированием литературных и театральных конвенций, проблематизацией связи между знаком и референтом; объектом изображения являются расщепленное сознание, нестабильность миропорядка» [6, с. 25]. Таким образом, драма абсурда выходит за рамки лишь эстетического воздействия, воплощая еще и философские принципы, задавая зрителю или читателю – пусть и не всегда открыто – вопросы о смысле происходящего.

В толковом словаре современного русского языка абсурд лаконично характеризуется через синонимию: «нелепость, бессмыслица» [9, с. 8]. Однако даже столь краткое определение проливает свет на вещь абсурда, представляя его как нечто, лишенное смысла и логики.

Расширенную дефиницию можно найти в словаре под ред. Н.Д. Тмарченко («Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий»). Под поэтикой абсурда автор словарной статьи подразумевает «разрушение в художественном тексте логических и ассоциативных связей, ведущее, с обыденной точки зрения, к

бессмыслице и вместе с тем стимулирующее столкновение смыслов и порождение новых» [1, с. 7]. Таким образом, в художественных текстах абсурд напрямую связывается с разрушением логических, семантических, ассоциативных связей, в чем можно наблюдать одну из его наиболее характерных черт. И тем самым абсурд оказывается не только завершенным бытовым явлением, но и завершенным литературным явлением.

Абсурд произрастает из обрыва коммуникации человека с другим человеком/людьми или миром. В художественном тексте такой обрыв коммуникации приводит к обязательному отдалению языка и смысла друг от друга. Тем самым, можно выделить словесный или лингвистический абсурд, связанный с утратой или намеренным уничтожением логики высказывания, речи, текста.

В своей статье Н.Г. Титова пишет, что к возникновению лингвистического абсурда приводят «только те девиации языка, которые негативно влияют на смыслообразование» [8, с. 113]. Можно заключить, что проявление абсурда в языке обязано намеренному нарушению лингвистических норм, которое мешает и смыслообразованию, и последующему извлечению смысла.

Сюжетным абсурдом называется принципиальная неувязка в действии, обесмысливающая все действие. Отличие абсурда сюжетного от иных (лингвистического, дискурсивного, жанрового, композиционного) заключается в том, что он «разрушает сюжетные схемы, способные, в классическом понимании, исторически повторяться и заимствоваться <...>. Цепочка событий, обычно являющихся двигателем любого сюжета, трансформируется в бессобытийность» [1, с. 8]. Таким образом, сюжетный абсурд разрушает привычное формирование сюжетных структур, что препятствует порождению событий в художественном тексте.

Но сюжетный и лингвистический абсурд имеют не только функциональное различие, но и сходство внутри целостной поэтики. И лингвистическому, и сюжетному абсурду свойственно не только разрушение, но и переосмысление (функций языка, коммуникации композиции, сюжета, поэтики). При этом лингвистическая сторона абсурда влечет за собой и разрастание абсурда в сюжете, если речь идет о художественном произведении. Подобным вектором развития действия обладает «Лысая певица» Эжена Ионеско: абсурд вначале проявляется вербально, постепенно подготавливая почву для воплощения сюжетного абсурда. С другой же стороны, присутствие абсурда или его черт в сюжете не всегда будет прямым признаком проявления лингвистического абсурда. И здесь явным примером может выступать художественный мир Франца Кафки, которому свойственен абсурд сюжетный: недомолвки, неверное трактование чьих-либо слов, обрыв коммуникации, игнорирование одних персонажей другими, отдаленность закона, – все это мотивирует возникновение абсурда в творчестве Кафки. Речевая сторона, явленная как в самом нарративе, так и в диалогах героев его произведений, напротив, стремится объективно зафиксировать предметную и событийную стороны.

Следует отметить, что природа абсурда бывает словесно-логической (лингвистической), бытовой (сюжетной), концептуальной. Для определения господствующего типа абсурда в отдельно взятом произведении или современной драматургии в целом следует провести анализ текстов, обращая внимание на противоречивые элементы сюжета и парадоксы. Абсурд может как приниматься героями художественного пространства драмы, так и отвергаться ими. Более того, даже в творчестве одного драматурга абсурд может быть неоднородным. Например, в драме Дмитрия Данилова «Сережа очень тупой» абсурд является нежелательным элементом, но в другом произведении автора («Человек из Подольска») воспринимается «как реальность, с которой нужно и можно работать, и одновременно через остранение открывает герою возможность для нового видения/прозрения/обнаружения собственной идентичности» [7, с. 21]. В этих же произведениях соотношение лингвистического, сюжетного концептуального абсурда разнится. Решение вопроса о главенствующем типе абсурда затруднено его структурной неоднородностью в драматургии.

В интервью Елене Соловьевой для журнала «Современная драматургия» Дмитрий Данилов сообщил, что во время написания пьес его «интересовал не столько абсурд сам по себе, сколько феномен вторжения в жизнь обычного обывателя чего-то иррационального, какого-то сложно структурированного безумия. <...> Окружающая меня реальность в целом вполне логична. Но я очень хорошо чувствую, что от абсурда ее отделяет очень тонкая и уязвимая оболочка, и абсурд готово в любой момент ворваться в нашу реальность и драматически изменить наши представления о ней» [4, с. 2]. Именно способность абсурда воплотиться в жизни в любой момент и отчуждает главного героя пьесы «Сережа очень тупой». Сергей не принимает абсурд, протестуя против него как внешне, так и внутренне. Он не желает смириться с

наличием иррационального и незапланированного в своем бытии, желая только стабильности и выверенности алгоритмов.

В первом номере журнала «Практики и интерпретации» размещено интервью Дмитрия Данилова, в котором писатель и драматург рассказывает про абсурд, повседневность, литературные предпочтения и раскрывает историю замысла своих произведений. Сюжет пьесы «Сережа очень тупой», по словам автора, заимствован «целиком из жизни» [5, с. 9]. В действительности Данилов принял звонок курьера, а дальше «начал фантазировать: проникает в дом курьер, а лучше целая бригада, так эффективнее, заходят и вместе садятся на диванчик. Хозяин: А чего вы сели? Курьеры отвечают: Как чего? Мы же сказали, что будем в течение часа <...>. А дальше осталось придумать Сережу, Службу Доставки и все остальное» (Там же, с. 9–10). Таким образом, уже на этапе замысла, автор принял решение разнообразить обыденную бытовую ситуацию элементом неожиданности, строящемся на столкновении смыслов.

Сложное устройство пьесы, близкой, на первый взгляд, к простому реализму по типичности характеров и бытовому юмору, для понимания требует автокомментария автора. Форма автокомментария является своеобразным обращением автора к аудитории и позволяет обратить внимание на внешние (история создания, процесс работы) и внутренние аспекты художественного произведения, а также предлагает более рационализированный взгляд на художественный мир автора.

Пьеса Дмитрия Данилова (р. 1969) «Сережа очень тупой» впервые представлена на фестивале «Любимовка» в 2017 году, завершена и опубликована в журнале «Новый мир» в 2018 году. В пьесе Данилова наблюдается наложение абсурда сюжетного и словесного, причем можно сразу предположить, что второй является следствием из первого. Характер диалогов в пьесе последовательный и даже предсказуемый (например, вопросы главного действующего лица к курьерам). Алогичность наблюдается в самом сюжете, но в некоторых случаях проявляется и на вербальном уровне. Например, игра в «города», по ходу сопровождаемая уточненными правилами, иллюстрирует ситуацию превращения абсурдной ситуации в абсурдное пользование языком. Правила же более запутывают, чем объясняют, что само по себе абсурдно. В обыденной ситуации правила транслируются понятным языком; и правила, и язык совместно нацелены на подробное описание и разъяснение условий, исключений, требований. В случае же игры в «города» наглядно продемонстрирован переход к абсурдному словоупотреблению, верные случаи которого известны только курьерам и требуют долгого запоминания.

Конфликт и сюжет пьесы строятся вокруг получения Сергеем посылки. Центральной репликой становятся следующие слова курьера: «Мы будем у вас в течение часа», – причем двусмысленность фразы прямым образом ложится в основу конфликта. Так, Сережа предполагает, что курьер доставит неведомую посылку, о которой он впервые слышит лишь по телефону, в течение обозначенного времени. На деле же курьеров оказывается трое, и они понимают смысл

фразы по-своему: им необходимо провести этот час в квартире главного героя пьесы. Сюжетный абсурд данной ситуации заключается в том, что мало кто из людей, находящихся в ожидании курьерской доставки, помыслит о варианте, который в пьесе и развивается. Таким образом, в пьесе Дмитрия Данилова инструментом зарождения абсурда становится ситуация, разворачивающаяся в бытовом контексте, при этом главный герой пытается найти логику происходящего. Лингвистический абсурд проявляется только на уровне сознания героя, в пользу чего говорит более спокойное восприятие визита курьеров Марией, женой Сергея.

И в этом моменте мы можем отметить сильные интертекстуальные связи текста с пьесой Э. Ионеско «Лысая певица», действующие лица которой, несмотря на автоматизм их языка, также пытаются доискаться до логики. При этом для интерпретации существеннее всего, что этот поиск происходит в условиях нахождения героев в алогичной ситуации.

В пьесе Ионеско абсурд зарождается в диалоге, продвигая тем самым нагнетание алогичности сюжета. Посредством разрушения языка реплик или же подмены явного смысла неявным в пьесу проникает абсурд, главным инструментом которого становится диалог. Про «Лысую певицу» исследовательница М.С. Ганева пишет: «Как мы видим, диалог построен на выискивании логики, аргументации и умозаключениях», «абсолютно нелогичные люди отыскивают разум и закономерности – с вдохновенным азартом, распекаясь, свирепея, раззадориваясь» [2, с. 116]. Те же реакции, происходящие на физиологическом уровне, свойственны и Сергею, который то свирепеет и становится разъяренным, то боится и отчуждается. Впрочем, ему не дано постижения логики или удовлетворяющего объяснения; герою приходится лишь смириться с происходящим. Таким образом, пьесу Э. Ионеско «Лысая певица» следует признать одним из источников абсурда в пьесе Данилова.

Происходящее в обеих пьесах не может быть названо рядовым явлением. Сама ситуация диалога вполне естественна, но у Ионеско противоестественен ход ведения диалога, который сопровождается нарушением логики следования реплик. Декорации, в которых развивается действие пьесы, вполне естественны (пригород Лондона, беседа супругов, а затем, по большей части, двух супружеских пар). В пьесе же Данилова проступает абсурд иного толка, ядром которого становится последовательность ситуаций. Реплики героев, наоборот, сигнализируют о попытке главного героя доискаться до смысла и причин их возникновения. Интересно также, что семейные пары в произведениях двух драматургов изображены в качестве «уверенных» представителей среднего класса. По косвенным признакам можно заключить об их достатке и укорененности в жизни.

В отличие от Ионеско, где абсурден язык, у Данилова источником абсурда является исходная ситуация: визит трех курьеров, которым непременно необходимо пробыть в квартире Сергея в течение часа. Абсурден разрыв между сущим и должным, при том, что это должное ничем не обосновывается, это фантом представлений главного героя об устройстве ку-

рьерской деятельности. За этот час главный герой пьесы проходит сквозь несколько стадий принятия. Незаурядное происшествие разрушает привычную для героя картину мира, и он пытается избавиться и откупиться от назойливых курьеров всевозможными способами.

Любопытно, что Сергей – программист. Это обстоятельство говорит о нем как о человеке, разбирающемся в алгоритмах. От своей жизни он, вероятно, ожидает того же. Парадокс, абсурд или спонтанность для героя не что иное, как логическая ошибка. Для программиста должное – исполнение условий программы, а для курьеров – выполнение текущих поручений. Таким образом, разрыв между сущим и должным полностью укоренен в быте разных профессий.

В обеих пьесах мышление и речь близки физиологическим реакциям. В «Лысой певице» взаимодействие персонажей по мере приближения к финалу приобретает все большую нервность, если не враждебность. У Данилова наиболее явной реакцией становится испуг и физическая дурнота, которую испытывает Сергей. Однако, в отличие от Ионеско, Данилов сочувствует своим героям, поскольку изображает индивидуальные и правдоподобные реакции. Страх и ужас, испытываемые Сергеем – от взаимодействия с курьерами, Марией – от неизвестных содержания и предназначения посылки, погружают каждого из персонажей в экзистенциальное одиночество. То, что пугает Сергея, совсем не пугает Марию, и наоборот.

Еще одним источником (вероятно, намеренным) поэтики пьесы становится изображение бюрократии Францем Кафкой. Так, главенствующими мотивами незаконченного романа «Замок» становятся обрыв коммуникации и устремление в замок, которому не дано осуществиться. Первый мотив в своей основе абсурден, поскольку нарушенное сообщение между деревней и замком приводит к несостоятельности общения. Это обстоятельство вносит в неопределенность будущих действий героя романа ноты деструктивного характера. Вторым мотивом, проявленным в пьесе Данилова, становится представление разветвленной бюрократической иерархии, достоверное знание которой недоступно обывателю. И здесь уже близка связка с мифом: суждения жителей деревни об устройстве замка ненадежны, нередко «разбавлены» домыслами.

В произведении Данилова явно выражены как мотивы абсурда, так и кафкианские мотивы. К последним относятся, например, назойливость, обвинение и присутствие в художественном мире произведения вышестоящей инстанции. Такое присутствие инстанции проявляется в виде отслеживания некоей службой безопасности выполнения курьерами всех условий доставки. Сами курьеры не знают, что именно это за посылка. Они также не имеют определенного представления об иерархии, внутри которой находятся.

Можно говорить и о проявлении мотива неизвестного. Неизвестность порядков, регламента и сама возможность возникновения ситуации ужасают главного героя. Крайне ужасающими являются обстоятельства, сопровождающие получение посылки: внутри присутствует нечто живое, а на самой посылке из пояснений присутствует только неизвестный номер

мобильного телефона. В своей работе Эслин пишет: «Театр абсурда выражает устремления к мифу» [10, с. 358], и данное положение уверенно соотносится с мифологическим осмыслением пространства, наличествующем в «Замке» Ф. Кафки.

Распознавание ситуации в пьесе Данилова начинается не из выяснения значений слов и постижения автономной логики бюрократии (Ф. Кафка) или языка (Э. Ионеско), как это чаще всего бывает в западном абсурдизме, а изнутри самой ситуации, изнутри собственных свойств бытовой коллизии. Главенствующей в логике пьесы «Сереза очень тупой» становится гетерономность привычного быта.

Серезу начинает волновать вопрос уже не столько о содержании посылки, сколько о внутренних порядках курьерской службы. Он задает вопросы о том, что с ними будет, если они не выполняют распоряжение сидеть в течение часа; спрашивает, зачем им вообще сидеть у него или у других дома. В ответах курьеров начинается сквозить экзистенциальная тема: «надо же каждому человеку, чтобы с ним кто-нибудь посидел» (второй курьер); первый курьер ему вторит и ссылается, помимо того, на Достоевского. Таким образом, в пьесе Данилова выполняется указание на категории личного и личностного, которые изначально были вне поля внимания героев. Для Сергея и Марии достаточно базового комфорта, обустройства в жизни и принадлежности к высшему слою среднего класса, а метафизическое и трансцендентальное их не волнуют.

Следующий виток абсурда начинается, когда курьеры спрашивают Сергея о биографических сведениях, а затем ставят ему в вину отсутствие детей в браке и тридцатилетнем возрасте. Они пытаются выяснить порядки не только внешнего мира, но и внутреннего, тем самым не реализуя, а подрывая логику бюрократии и своей штатной профессиональной деятельности.

Курьеры узнают, что у Сергея есть жена Мария. При этом Данилов изображает супружескую пару довольно прочно устроившимися и закрепившимися на бытовом уровне людьми. В «Лысой певичке» в числе основных действующих лиц также присутствуют две супружеские пары. Но в пьесе Данилова представлено больше сведений о Сергее и Марии, нежели у Ионеско, например, о мистере и миссис Смит. Данилов сообщает сведения о возрасте, роде деятельности, месте рождения. Другое дело, что эти данные, которые принято считать основными при знакомстве с человеком, не раскрывают никакой сути личности. У Ионеско таким знаком, намекающим на универсальность образов, является фамилия «Смит» как самая распространенная и потому никак лично не специфицирующая человека фамилия.

Абсурдны и правила игры в города: «Мы всегда с Архангельска начинаем. Это у нас так принято»; «Но в процессе самой игры приветствуются редкие названия»; постепенно свод правил плотнеет: «не повторяйте букву, по правилам не положено», «И Э тоже не надо говорить», «Когда называют Тайшет, следующий должен обязательно назвать Тюмень»; «Например, если называют Гусинозерск, дальше обязательно должна быть комбинация Кейптаун – Наманган – Нефтеюганск, и потом снова Кейптаун. Или, напри-

мер, если называют Чжанцзякоу, то следующий город будет не на «У», а на «З», «Если город заканчивается на -ки, то дальше обязательно должен быть Иоханенбург (хотя он правильно на и краткое начинается), потом идут Грязи. На Грязях игра заканчивается». Тем самым выясняется, что единой картографии мира у людей нет: у программиста и курьеров различное географическое воображаемое, как и различные способы кодировки пространства, разметки его топики.

Попытка ознакомления с правилами игры была куда более серьезной и направленной на постижение порядков внутреннего мира. Мир, в котором обитают курьеры, кажется со стороны довольно прочным и устоявшимся, но постороннему его обычаи кажутся чрезвычайно запутанными. Интересно, однако, что Сергей, работающий программистом и имеющий дело с компьютерными языками (алгоритмами, правилами, исключениями), удивляется воплощению массива искусственно созданных правил в реальной жизни. Добавим, что к «своему» миру у Сергея вопросов не возникает. Реализация персонажа в профессиональной деятельности словно «снимает» с него заинтересованность в метафизических проблемах.

Вместо постижения правил внутреннего мира курьеров Сергей знакомится с правилами игры, а также с иерархией службы доставки. Саму игру главное действующее лицо пьесы воспринимает скептически, что говорит о нем как о человеке алгоритма, а не как о «человеке играющем», непосредственном. Обрушившийся шквал правил оставляет Сергея в недоумении и пугает: правила должны объяснять и вносить ясность, но те, с которыми он познакомился, устрашают его. Фактически речь идет не о чистом абсурде, а о трагикомическом столкновении двух воображаемых: воображаемого программиста с его способом кодировать мир и воображаемого курьеров с их способом кодировать мир.

Рассмотрим монологические эпизоды из двух пьес. В «Лысой певичке» таким фрагментом становится поэма «Пламя» («В лесу горели палисандры...»), которую зачитывает вслух служанка Мэри. Сюжет поэмы прост: пламя охватывает абсолютно все («Все загорелось, / Загорелось»). Схожей внутренней композицией обладает монолог Маши («Сереза очень тупой»). В обоих фрагментах пьес проявляется мотив разрушения. В каждом из эпизодов можно заметить нагнетание кульминации и высвобождения накопившегося психологического напряжения. Например, служанка Мэри большую часть пьесы остается немногословной, и эту тишину преодолевает звучание произнесенной поэмы. Маша из поэмы Данилова произносит свой монолог исступленно и бессильно, отстраняясь от событий прошедшего дня и «тупости» Серези.

Показательным для понимания эмоциональной пропасти между мужем и женой эпизодом становится исследование посылки и решение о дальнейших действиях. Маша запрещает вскрывать посылку и требует избавиться от нее, хотя Сергей обнаружил внутри нечто живое. Можно заметить, что именно жизни и не хватает в их существовании. Явный приказ Маши об избавлении вновь отдаляет от героев саму жизнь, поскольку в их системе координат живому (в подлинном смысле слова) нет места.

Сравнительный анализ эстетики и поэтики абсурда, присутствующей в пьесах Э. Ионеско «Лысая певица» и Д. Данилова «Сереза очень тупой» показал границы абсурда для развития драматической формы. В обеих пьесах нравственная проблематика представлена в виде утраты или оскудения метафизической сферы жизни человека. У Ионеско это констатируется «смертью языка», а у Данилова – нежеланием и невозможностью действующих лиц говорить о непосредственном, духовном и вырывающемся за границы насущного. Их речь отмечена автоматизмом другого плана: темы разговоров касаются банальных вещей (место рождения, род деятельности). Оставшись наедине, супруги Сергей и Мария все равно говорят о заурядном. В их диалоге нет намека на теплоту, заботу и подлинную коммуникацию. Течение их жизни сопровождается лишь автоматизацией быта. Так, финальный диалог развивается в духе мещанской стойкости: логика Марии такова, что, раз Сергей жив, здоров, раз его не били, не мучали и ничего у него не украли, то все в порядке. Разговора непосредственно об эмоциональном потрясении не происходит. Вместо этого Мария уводит диалог в плоскость насущного, рабочего, бытового. Интересно, что атрибутом финальной сцены становится алкоголь, намекающий на назревшую потребность «заглушить» накопившийся стресс. Кроме того, в заключительных репликах Мария критикует пожелания своих заказчиков («чтоб багато и красиво»), при этом герои вряд ли сами высказываются над обсуждаемыми людьми.

Возникает вопрос: чье же существование абсурдно? Действительно ли так алогичны действия курьеров, которые поколениями работают на некую службу доставки и кристально чисто видят свое предназначение в мире? Так ли прочно, «прозрачно» и постоянно существование Сергея и Марии? Создается ощущение, что аутсайдерами по отношению к миру выступают именно супруги. Трагикомический эффект пьесы заключается в том, что герои ощущают себя прочно привязанными к своим местам, в том числе и рабочим, но на протяжении пьесы за этим не раскрывается никакой духовной основы. Все, что они делают, в итоге продиктовано бытовым автоматизмом и

страхом потерять привычный уровень комфорта. Тем самым, невозможность речи о духовном создает не только речевой, но и сюжетный абсурд.

Литература

1. Буренина, О. Д. Абсурд / О. Д. Буренина // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. – Москва : Издательство Кулагиной : Intrada, 2008. – С. 7–8.
2. Ганева, М. С. Дихотомия сюжета и игры, инкорпорируемая в тексте пьесы «Лысая певица» Э. Ионеско / М. С. Ганева // Международный научно-исследовательский журнал: электронный журнал. – URL: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2019.89.11.056> (дата обращения: 15.12.2023). – Текст : электронный.
3. Данилов, Д. Сереза очень тупой / Д. Данилов. – URL: https://theatre-library.ru/files/d/danilov_dmitriy/danilov_dmitriy_13279.pdf (дата обращения: 10.11.2023). – Текст : электронный.
4. Данилов, Д. Интервью с Д. Даниловым: «Страшен абсурд, имеющий внутреннюю логику» / Д. Данилов, Е. Соловьева // Современная драматургия. – 2018. – № 3. – URL: https://theatre-library.ru/sovremennaya_dramaturgiya/2018-3/8728 (дата обращения: 16.12.2023). – Текст : электронный.
5. Данилов, Д. «Драматург знает: чем больше постановок, тем больше плохих постановок» / Д. Данилов, Е. С. Максимова // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. – 2023. – Т. 8, № 1. – С. 7–18.
6. Жиличев, П. Е. Драма абсурда: этапы литературоведческого осмысления в отечественной и зарубежной науке / П. Е. Жиличев. – URL: <https://www.sibscript.ru/jour/article/view/5283> (дата обращения: 11.11.2023). – Текст : электронный.
7. Муравьева, А. В. Абсурд как рецепция в пьесе Д. Данилова «Человек из Подольска» / А. В. Муравьева // Вестник Ивановского государственного университета. – 2021. – № 3. – С. 21–34.
8. Титова, Н. Г. Лингвистический абсурд как алогичная языковая субстанция в русском и английском энигматическом тексте / Н. Г. Титова // Филология и культура. – 2010. – № 20. – С. 112–115.
9. Ушаков, Д. Н. Абсурд / Д. Н. Ушаков // Толковый словарь современного русского языка. – Москва : Аделант, 2014. – С. 8.
10. Эсслин, М. Театр абсурда / М. Эсслин. – Санкт-Петербург : Балтийские сезоны, 2010. – 527 с.

V.V. Dunnikov

THE PLOT ABSURDITY IN DMITRY DANILOV'S PLAY «SERYOZHA IS VERY STUPID»

This article presents a comparative analysis of the Poetics of the Absurd, which is the backbone for the works of E. Ionesco «The Bald Singer» and D. Danilov «Seryozha is very stupid». The purpose of the study is to specify the basic principles of the Poetics of the Absurd in the play by D. Danilov. In order to achieve the tasks set, such concepts as «linguistic» and «plot absurdity» were distinguished. Based on the analysis of the plot structure, it becomes noticeable that in Danilov's play the plot absurdity prevails over the linguistic one, while strengthening the tragicomic beginning of the work.

D. Danilov, absurdity, Theater of the Absurd, E. Ionesco, tragicomic.

А.А. Игнатьева
Владимирский государственный университет
им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

ИСТОРИЯ КАК ИГРА В ДРАМЕ ФРИДРИХА ШИЛЛЕРА «ЗАГОВОР ФИЕСКО В ГЕНУЕ»

Статья посвящена рассмотрению истории как игры в драме немецкого поэта Фридриха Шиллера «Заговор Фиеско в Генуе». В ходе анализа образа графа Фиеско доказывается, что трагедия главного героя, ставшего историческим игроком, тесно связана с крахом идеи личной и всеобщей свободы.

Фридрих Шиллер, игра, история, свобода.

Введение. Выбор данной темы неслучаен. Драма «Заговор Фиеско в Генуе» («Die Verschwörung des Fiesco zu Genua», 1783), написанная немецким поэтом Фридрихом Шиллером (Friedrich Schiller, 1759–1805), является первым историческим произведением автора. В нем Ф. Шиллер поэтически воплощает свои размышления о свободе личности, при этом представляя историческую действительность как игру. Именно такое специфическое изображение в пьесе истории как игры обуславливает заявленную тему.

Важно, что понятие свободы является особо значимым в драме. Это отмечается в работах многих ученых, среди которых Н.Я. Берковский (1901–1972) «Театр Шиллера» (1959–1960); Т.Ю. Игнатьева «Эволюция концепта “свобода” в драмах Ф. Шиллера» (2008); В.П. Шадеко «Мотив свободы в драматургии Шиллера» (2011). В немецком литературоведении представлены исследования, касающиеся в целом особенностей драмы «Заговор Фиеско в Генуе» (Janz Rolf-Peter «Die Verschwörung des Fiesco zu Genua, in Schillers Dramen. Neue Interpretationen», 1979), а также частных аспектов, затрагивающих, например, жанровое своеобразие драмы (Gerhart Pickerodt «Vorschwörung des Fiesco zu Genua. Ein “Republikanisches Trauerspiel”?», 2005). Однако исследований, в которых была бы продемонстрирована важная для философской концепции Ф. Шиллера взаимосвязь истории, игры и свободы, не отмечено. Между тем особое представление в пьесе истории как игры значимо для понимания Ф. Шиллером личности, ее свободы, взаимоотношений отдельного человека и мира.

Основная часть. В рамках данной работы для того, чтобы наилучшим образом понять, как поэт осмысляет исторический процесс, стоит уделить внимание тексту вступительной лекции «Was heißt und zu welchem Ende studiert man Universalgeschichte?» («В чем состоит изучение мировой истории и какова цель этого изучения?»), подготовленной Ф. Шиллером в 1789 г. для студентов университета Йены. В ней значимым представляется рассуждение Ф. Шиллера об особой форме взаимоотношения истории и человека: «und zu dem Menschen eben redet die Geschichte» (и именно к человеку обращается история) [8, с. 4]. Глагол «geden» можно перевести как «разговаривать»,

«беседовать» или как «вести диалог» между человеком и историей. Темой такого диалога является осмысление личностью прошедших событий, осознание их влияния на современность. Здесь стоит обратиться к характерному для культуры второй половины XVIII века особому восприятию процесса исторического развития. Исследователь немецкой литературы А.И. Жеребин эту особенность понимает так: «путь нисхождения в глубину истории был понят вместе с тем и как путь восхождения к вершинам будущего» [3, с. 28]. Из этого следует, что история мыслилась как нечто единое, как особая форма бытия времени, включающая прошлое, настоящее и будущее. Подобное понимание исторического процесса отражено и в работе Ф. Шиллера. Подтверждением этого служат размышления поэта, связанные с особенностями познания истории личностью. По мысли Ф. Шиллера, история, позволяя человеку изучать прошлое и приоткрывая перед ним будущее, «verbirgt sie die Grenzen von Geburt und Tod» (скрывает границы рождения и смерти) [8, с. 30]. История демонстрирует человеку бесконечность бытия, благодаря чему он способен осознавать ценность своего существования. Таким образом, человек, находящийся в мировом контексте, вступает с историей в диалог, благодаря которому возникает своего рода историческая игра. В ней главным действующим лицом оказывается субъект. В связи с этим можно говорить об истории как игре и о субъекте как об историческом игроке.

Необходимо обратиться к определению игры, которое давал Ф. Шиллер. Однако прежде стоит сказать об общем понимании игры. В этом отношении особа значима характеристика, данная А.Г. Аствацатуровым (1945–2015) в работе «Поэзия. Философия. Игра» (2010). Ученый отмечает, что игра, являясь особой деятельностью, трансформирует окружающую действительность, превращая структуры и законы реальности в свои игровые правила. Благодаря этому игра дает человеку особые возможности и предстает как «оазис свободы и счастья» [1, с. 17]. Из этого следует, что игра неразрывно связана со свободой, и, более того, истинная свобода может быть достигнута человеком лишь в игре. Такая особая связь игры и свобо-

ды крайне значима для творчества Ф. Шиллера. Разговор об игре предполагает обращение к размышлениям философа Ханса-Георга Гадамера (Hans-Georg Gadamer, 1900–2002). В труде «Истина и метод» («Wahrheit und Methode», 1960) Х.-Г. Гадамер понимает игру как особую форму бытия личности. Такое представление становится возможным, по замечанию философа, благодаря работам И. Канта (Immanuel Kant, 1724–1804) и Ф. Шиллера, в которых игра тесно соотносима с субъектом, и является неотделимой частью существования личности. Исходя из этого, отношением игры к субъекту можно считать «душевное состояние творящего или наслаждающегося» [2, с. 146], то есть состояние субъекта, создающего вокруг себя условия игры, либо субъекта, вовлеченного в игру; а также «свободу субъективности» (Там же). Важным здесь является отмеченные способности субъекта как быть полностью вовлеченным в процесс игры, так и создавать ее условия. Примечательно, что обе способности личности дают ей полную свободу в условиях игровой исторической действительности.

Итак, принимая во внимание важнейшую способность игры как деятельности со своими правилами, которая дает субъекту истинную свободу, можно обратиться к пониманию игры Ф. Шиллером. Наиболее полно поэт говорит о ней в философском труде «Письма об эстетическом воспитании человека» («Über die ästhetische Erziehung des Menschen», 1794). Несмотря на то что данный теоретический труд был создан позднее, чем «Заговор Фиеско в Генуе», обращение к нему в рамках выбранной темы можно признать целесообразным, потому что поэтическое воплощение игры, отраженное автором в одном из первых драматических произведений, привело к ее более позднему теоретическому обоснованию. В двенадцатом письме Ф. Шиллер говорит о двух побуждениях, оказывающих влияние на человека. Первое – «sinnlichen Triebe» (чувственное побуждение) [7, с. 64]; второе – «Formtrieb» (побуждение к форме) (Там же). Стоит подробнее раскрыть сущность каждого из названных автором побуждений. Поэт связывает чувственное побуждение с «physischen Dasein des Menschen» (физическим состоянием человека) (Там же), отмечая при этом, что чувственное побуждение тяготеет к изменению реальности, «daß die Zeit einen Inhalt habe» (чтобы время имело содержание) (Там же). Таким образом, чувственное побуждение является неотъемлемой частью личности, оно внушает субъекту необходимость изменения.

Побуждение к форме, напротив, исходит из «absoluten Dasein des Menschen» (абсолютного бытия человека) (Там же, с. 66). Оно, по мысли автора, связано со свободой личности и ее индивидуальностью. Ф. Шиллер особо отмечает, что побуждение к форме стремится к «auf Wahrheit und auf Recht» (к истине и к праву) (Там же). Принимая во внимание эту мысль поэта, можно предположить, что истина и право являются для Ф. Шиллера такими понятиями, смысловая наполненность которых не может изменяться с течением времени. Именно с побуждением к форме, которое позволяет личности постигать неизменяющуюся истину, связано нечто абсолютное в природе человека. Также необходимо отметить, что указанные побуждения являются «entgegengesetzt» (противопо-

ложными друг другу) [7, с. 69], а потому, по мнению Ф. Шиллера, большее влияние на личность одного из побуждений лишает ее свободы.

Мысль поэта о разнонаправленных побуждениях, давление одного из которых исключает свободу индивидуальности, соотносится с концепцией его учителя, философа Иммануила Канта, изложенной в работе «Критика способности суждения» («Kritik der Urteilskraft», 1790). Так, И. Кант говоря о познавательных способностях человека, называет воображение и разум, которые также можно понимать противоположными по их, что подтверждается размышлениями ученого: «in unserer Einbildungskraft ein Bestreben zum Fortschritte ins Unendliche» (в нашем воображении лежит стремление к продвижению в бесконечность) [4, с. 266], а разум имеет «ein Anspruch auf absolute Totalität...» (притязание на абсолютную целокупность) (Там же). Философ отмечает, что человек не может в полной мере познать мир с помощью только одной из этих способностей. Однако Кант обозначает особое чувство, объединяющее их, – свободную игру. Именно на такой игре «beruht diejenige Lust, welche allein allgemein mitteilbar ist...» (основывается то самое удовольствие, единственно которое является всеобщей сообщаемостью) (Там же, с. 406). И такая специфическая игра воображения и разума не может существовать без субъекта. Связь игры и личности, зависимость свободы от игры, а также гармония человеческой души осознавалась и Ф. Шиллером.

Размышляя о чувственном побуждении и побуждении к форме, Ф. Шиллер в четырнадцатом письме называет третье, «Spieltrieb» (побуждение к игре) [7, с. 80]. Поэт отмечает, что оно обладает способностью уравновесить две противоположности: «er wird <...> auch alle Nötigung aufheben und den Menschen sowohl physisch als moralisch in Freiheit setzen» (оно устранил все принуждения и освободит человека как физически, так и морально) (Там же). Соответственно, побуждение к игре помогает человеку обрести внутреннюю гармонию и предоставляет ему свободу. Говоря о понимании Ф. Шиллером игры, А.Г. Аствацатуров отмечает, что «игра для Шиллера – это возможность <...> найти в контакте с окружающим миром себя как самодостаточное, самоустраемленное существо» [1, с. 304]. Из этого следует, что игра позволяет личности познавать себя и определять свою роль в системе мироздания. В процессе игры человек забывает о конечности своего существования, ориентируясь на бесконечность бытия.

Можно сделать вывод, что такие характеристики, как создание условий для самоопределения человека в мире, предоставление личности свободы, отсутствие временных границ и возможность диалога с человеком, являются, в представлении Ф. Шиллера, сходными для истории и игры. История мыслится как игра, а исторический субъект как ее ведущий игрок. Такая игра способна создать ситуацию, в которой игрок будет действовать сообразно своему личному представлению, она разработает правила, которые станут своеобразной частью диалога с человеком. История также выступает в качестве наблюдателя за тем, как человек проходит путь к достижению необ-

ходимых, по мнению Ф. Шиллера, «teure Güter» (дорогих благ) [8, с. 32], которые можно понимать как «Wahrheit, Sittlichkeit und Freiheit» (истина, нравственность и свобода) (Там же). Стоит отметить, что достижение этих благ является целью бытия как отдельной личности, так и человечества в целом. Становление целостной личности на пути к истине и взаимодействие человека с историей являются важными вопросами для творчества Ф. Шиллера.

Драма «Заговор Фиеско в Генуе» представлена Ф. Шиллером как историческая игра, что позволяет взглянуть на ее главного героя как на игрока особого типа. В рамках данной работы особое внимание будет обращено на образ графа Фиеско, на те изменения, которые происходят с ним по мере развертывания драматического действия. Но разговор о пьесе стоит начать с того, что являлось конечной целью героя драмы. Заговор, спланированный Фиеско, должен был освободить Геную от тирании, в которую превратилось правление семьи Дориа. Предполагалось, что в результате заговора Генуя должна стать республикой. Фиеско становится не просто частью этого заговора, а возглавляет его. Приняв такое решение, герой включается в предложенную ему историей игру, в которой есть определенные правила. Как известно, заговор в Генуе не имел тех результатов, на которые рассчитывали представители республики. Итогом его стало возвращение к власти старого герцога Андреа Дориа. Несмотря на очевидный неуспех заговора, важно подчеркнуть те качества, которые позволили Фиеско стать историческим игроком. Главный герой драмы искренен в своем желании освободить Геную. Именно поэтому ему легко удается найти единомышленников. Он неподдельно заинтересован в победе республики. По крайней мере, именно таким Фиеско предстает перед зрителем и включается в игру. Однако историческая игра не мыслит своей главной целью изменение формы правления в Генуе. Какова ее суть, можно понять, если обратиться к мысли Ф. Шиллера, изложенной в пятнадцатом письме (из «Писем об эстетическом воспитании человека»). Поэт пишет следующее: «der Mensch spielt nur, wo er in voller Bedeutung des Worts Mensch ist, und er ist nur da ganz Mensch, wo er spielt» (человек играет только там, где он является человеком в полном значении слова, и он только там человек, где он играет) [7, с. 88]. Из этого следует, что игра, даруя личности свободу, способна сотворить человека в полном понимании этого слова. Предположительно, в драме это должно воплотиться в следующем: включившись в предложенные историей события заговора, Фиеско, получив свободу, должен стать тем человеком, который будет для Генуи наилучшим правителем. Изложенная мысль поэта позволяет говорить о том, что «быть человеком» является как главным правилом исторической игры, так и ее основной целью. Для того чтобы понять, отвечает ли Фиеско сформулированному правилу, необходимо обратиться к эпизодам драмы, которые показывают этапы игры главного героя и его изменения.

В этом отношении внимание обращает на себя первое действие драмы и особенно авторские ремарки, описывающие поведение Фиеско во время диалога с

графиней Импералии. Действия своего героя Ф. Шиллер характеризует следующими словами: «auf einem Knie» (на одном колене) [6, с. 169], «springt auf» (вскакивает) (Там же), «lebhaft» (оживленно) (Там же, с. 170), «mit Feuer» (с огнем) (Там же), «Er eilt ab» (Он спешит прочь) (Там же, с. 171). Приведенные ремарки позволяют отметить ярко выраженную эмоциональность героя. Фиеско не скрывает своих чувств, он деятелен, ему свойственна порывистость. Примечательно, что такое изображение характера главного героя свойственно для движения «Sturm und Drang» («Буря и натиск»), одним из последних представителей которого был Ф. Шиллер. В связи с этим значима работа «Anmerkungen übers Theater» (1774) («Заметки о театре») Якоба Михаэля Рейнхольда Ленца (Jakob Michael Reinhold Lenz, 1751–1792), который также относится к данному литературному движению. В своих «Заметках» Я.М.Р. Ленц, рассуждая об исторических пьесах У. Шекспира, отмечает, что поэт, в отличие от биографа, «seinen Geist haucht» (вдыхает свой дух) [5, с. 384]. По мысли автора, благодаря этому исторический герой «geht er aus den Geschichtbüchern und lebt mit uns zum andernmahle» (исходит из книг по истории и по-другому живет с нами) (Там же). Из этого следует, что поэтическое произведение дает исторической личности новое существование, в котором важнейшую роль должны играть чувства героя. Драматический персонаж должен оставаться живым, деятельным, близким и понятным зрителю. Именно таким героем является граф Фиеско. Он пылок, искренен в своем желании изменить свою жизнь и бытие Генуи, из-за чего сторонники графа не сомневаются в его успехе. Фиеско, включенный в историческую действительность, полностью принимает ее игровые правила.

Помимо яркой эмоциональности, живости отличительной чертой Фиеско становится сознательное игровое самоопределение. В этом отношении интересен диалог Фиеско и Леоноры. В нем граф, вспоминая о славе и заслугах представителей своей семьи, спрашивает следующее: «Soll Ihr Gemahl nur geerbten Glanz von sich werfen?» (Должен ли Ваш муж набрасывать на себя только унаследованный лоск?) [6, с. 262]. Фиеско не желает довольствоваться лишь памятью прославленных деяний своих предков. Ему важно свершить нечто значимое самому. А потому его жизнь, весь заговор, придуманный им, полностью в его руках. И в этом отношении также важен следующий вопрос графа: «Soll er sich für all seine Hoheit beim gaukelnden Zufall bedanken» (Должен ли он за все его величие быть благодарен случайному совпадению?) (Там же). Значимо, что Фиеско хочет добиться своего величия собственными силами, собственным талантом. Именно этого требует от него историческая игровая действительность. Фиеско важен его собственный вклад в успех, а не везение или случайность. Подобное мышление персонажа, демонстрирующее полную ответственность человека за свой успех или неудачу, также отмечал в своих «Заметках» Я.М.Р. Ленц. В начале трактата автор указывает на желание человека быть «die erste Sprosse auf der Leiter der freihandelnden selbstständigen Geschöpfe» (первой ступенькой на лестнице свободно действующих самостоятельных созданий) [5, с. 359]. Эта мысль о свобо-

де и самостоятельности личности является крайне важной для определения образа графа Фиеско. Он хочет действовать независимо от собственного прошлого и от мнения большинства. Он мнит себя самостоятельным игроком, ведет свою игру с историей, для которой на данный момент он полностью востребован. Он свободен, независим, но в то же время чтит игровые правила, значимые на данном этапе исторического бытия. В начале драмы Фиеско предстает той личностью, которая была нужна для осуществления заговора.

Но по мере движения драматического действия возникает вопрос: почему, если Фиеско идеально подходит на роль освободителя Генуи, Веррина произносит следующую фразу: «Wann Genua frei ist, stirbt Fiesco!» (Когда Генуя станет свободной, Фиеско умрет) [6, с. 248]. Примечательно, что об убийстве друга Веррина говорит неоднократно. В отношении данной реплики значим тот факт, что убийство Фиеско не мотивировано желанием Веррины самому стать герцогом. Он хочет исключительно свободы Генуе, возможной лишь благодаря Фиеско, который единственный включается в предложенную историей игру. Необходимость избавления от нового герцога можно объяснить, обратившись к девятому письму из «Писем об эстетическом воспитании человека». В нем Ф. Шиллер рассуждает о способности художника влиять и изменять к лучшему свою современность. Поэт отмечает, что для художника: «aber schlimm für ihn, wenn er zugleich ihr Zögling oder gar noch ihr Günstling ist» (но плохо для него, если он будет в то же время ее учеником или даже ее любимцем) [7, с. 44]. По мнению Ф. Шиллера, творец является частью своего времени, но не может всецело ему принадлежать. Несмотря на то что Фиеско не является художником, эта мысль может быть применима и к нему. Граф – герой своего времени, и как бы он не стремился дистанцироваться от Андреа или Джанеттино Дориа, он ближе к ним, чем к образу того нового человека, который нужен для заговора в Генуе. Все это Веррина чувствует интуитивно. А потому его намерение убить Фиеско, когда тот освободит Геную, вполне понятно. История, соотносимая с игрой, не только дает человеку свободу, не только ведет его к истине, но и устанавливает некоторые собственные законы. Исходя из мыслей Ф. Шиллера об игре, можно предположить, что главным историческим законом для игрока является «быть человеком». Этот закон неслучайно приобретает в тексте драмы важнейшее значение. Он напрямую связан с вопросами нравственности и человечности, ставшими ключевыми для немецкой философии XVIII столетия. Фиеско не единожды нарушает закон человечности. В этом отношении особо важен эпизод убийства Джанеттино Дориа. Увидев пурпурный плащ, Фиеско убивает, как он думает, ненавистного тирана. Однако на месте Джанеттино он видит свою жену, накинувшую этот плащ по ужасной случайности. Привыкнув за время действия свободно распоряжаться своей судьбой и судьбами других, забывая об игровых нравственных правилах, Фиеско наносит удар противнику в спину, что вышло за рамки честного поединка. Осознав, кого он убил, Фиеско в ужасе от сложившейся ситуации, что ярко демонстрируют авторские ремарки: «Mit Schauern

zur Leiche gehend» (с дрожью подходит к трупу) [6, с. 279], «Nachdrücklicher» (более решительно) (Там же), «dann übereilen sich Verächtlich» (затем спешит с презрением) (Там же), «und Mit schröcklichem Nachdruck» (с ужасающей решительностью) (Там же, с. 280), «Beißend lächelnd» (едко улыбается) (Там же). Будучи вовлеченным в историческую игру, Фиеско давно считает себя не просто ее игроком, а режиссером. Он пытается сам изменять игровое действие и управлять им. В результате он, мысля себя свободным, независимым в своих деяниях и поступках ни от кого и ни от чего, сам попадает в игровую зависимость от истории, которая приобретает в данном эпизоде оттенок карнавала и оборачивается странной случайностью – невольным убийством Фиеско собственной жены. Здесь также стоит обратить внимание на фразу, произнесенную графом в конце первой части траурного монолога: «Das ist das Meisterstück» (Это шедевр) (Там же). В ней Фиеско будто бы на мгновение предстает сторонним наблюдателем. Он, продолжая воспринимать себя и актером, и режиссером, иронично дает рецензию происходящему действию. Невольное убийство Леоноры настолько не вписывается в продуманный им ход событий, что воспринимается как неожиданный и жестокий поворот сюжета, созданный кем-то извне. Несмотря на ужас от произошедшего, Фиеско понимает, что должен действовать дальше. Главный герой уже не может покинуть игру по собственной воле. Та свобода, которую изначально дала ему игра, ослепила героя, превратилась в его сознании во вседозволенность, из-за чего графом были нарушены все нравственные правила. Однако Фиеско продолжает игру, чтобы стать герцогом.

Прежде чем перейти к анализу финальной сцены, стоит сказать о том, что Ф. Шиллер несколько изменяет исторические факты. Сохранившиеся данные о заговоре свидетельствуют о том, что граф погиб трагично и отчасти нелепо: доски трапа корабля, на который поднимался Фиеско, сломались из-за тяжести доспехов, в результате чего новый герцог утонул. Ф. Шиллер выбирает иной финал для своего героя. В завершающем эпизоде пьесы у Фиеско есть шанс стать тем герцогом, который изначально был нужен Генуе. Здесь значима реплика Веррины, которая звучит в финальной сцене: «Wirf diesen Purpur weg» (выброси прочь этот пурпур) [6, с. 286]. Она является последним условием для Фиеско и следствием правила «быть человеком». За годы правления Дориа пурпур стал символом тирании и кровопролития. Веррина со слезами просит бывшего друга снять пурпурный плащ, остаться тем «красивым» человеком, который, с точки зрения Ф. Шиллера, всегда может и должен играть. Веррина хочет видеть перед собой друга, разделявшего его идеи о республике и свободе, а не герцога в кровавом плаще. Однако Фиеско отказывается. Он давно уже ведет свою собственную игру, устанавливает себе правила и законы. Но, выключаясь из общей исторической игры, создавая игру индивидуальную, он тем самым обрекает себя на гибель, поскольку превращается из изначально свободного субъекта в несвободного объекта, в того, кто подлежит изгнанию из всеобщей игровой действительности. Доказательством этого является момент, когда Веррина понима-

ет, что Фиеско будет таким же тираном, как Дориа, а этого нельзя допустить. Веррина сталкивает герцога в море с репликой: «Nun, wenn der Purpur fällt, muß auch der Herzog nach» (Что ж, когда падает пурпур, герцог тоже должен последовать за ним) [6, с. 287]. Новый тиран, даже обладающий такими важными для истории качествами, не нужен Генуе, так как не соответствует исторической динамике, ведущейся, по представлению Ф. Шиллера, по нравственным правилам. Фиеско, получив свободу, не смог стать в полной мере человеком. Заговор не достиг нужного результата. Правителем Генуи вновь станет Андреа Дориа. Может создаться впечатление, что история сделала круг – целая череда событий ни к чему не привела. Но так может показаться лишь на первый взгляд. Да, этот диалог истории и личности завершился разрушением последней. Однако важным является то, что, по мысли Ф. Шиллера, история ждет, когда вместе со свободой человек обретет и «die Notwendigkeit» (необходимость) [8, с. 27]. Она является важной для автора оставляющей личностного бытия человека, а также всеобщей гармонии. Фиеско не принимал необходимость, действуя лишь во имя своего блага, а потому его свобода не сделала его тем человеком, которого ждала история. Став герцогом, он отказался от идеала республики и свободы, следуя собственным интересам.

Заключение. Таким образом, в драме Ф. Шиллера «Заговор Фиеско в Генуе» история представляется автором как игра. Ее специфика неразрывно связана с образом графа Фиеско. Этапы его игровой деятельности ярко отражают трагедию личности, которая про-

является в несоблюдении главным героем подразумеваемого игрой нравственного закона «оставаться человеком», являющегося особо важным в философской системе Ф. Шиллера. В свою очередь, трагедия героя влечет за собой трагедию республики, а вместе с ней невозможность обретения свободы как индивидуальной, так и общей.

Литература

1. Аствацатуров, А. Г. Поэзия. Философия. Игра. Герменевтическое исследование творчества И. В. Гёте, Ф. Шиллера, В. А. Моцарта, Ф. Ницше / А. Г. Аствацатуров. – Санкт-Петербург : Геликон Плюс, 2010. – 498 с.
2. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод / Х.-Г. Гадамер. – Москва : Прогресс, 1988. – 364 с.
3. Человек эпохи модерна: герменевтика субъекта в немецкоязычной культуре XVIII–XX веков : монография / под редакцией А. А. Вольского. – Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2020. – 516 с.
4. Kant, I. Werke. Zweisprachige deutsch-russische Ausgabe / I. Kant. – Moskau : Nauka, 2001. – Vol. 4. – 561 с.
5. Lenz, J. M. R. Werke in einem Band / J. M. R. Lenz. – Berlin und Weimar : Aufbau-Verlag, 1980. – 418 с.
6. Schiller, F. Schillers Werke in fünf Bänden. Zweiter Band / F. Schiller. – Berlin und Weimar : Aufbau-Verlag, 1978. – 434 с.
7. Schiller, F. Über die ästhetische Erziehung des Menschen in einer Reyhe von Briefen / F. Schiller. – Tübingen : J. G. Cotta, 1795. – 124 с.
8. Schiller, F. Was heißt und zu welchem Ende studiert man Universalgeschichte. Eine Akademische Antrittsrede bey Eröffnung feiner Vorlesungengehalten / F. Schiller. – Jena : in der Akademischen Buchhandlung, 1789. – 33 с.

А.А. Ignatieva

HISTORY AS A GAME IN FRIEDRICH SCHILLER'S DRAMA «THE FIESCO CONSPIRACY IN GENOA»

The article considers history as a game in the drama of the German poet Friedrich Schiller «The Fiesco Conspiracy in Genoa». In the course of analyzing the image of Count Fiesco, it is proved that the tragedy of the protagonist, who became a historical player, is closely connected with the collapse of the idea of personal and universal freedom.

Friedrich Schiller, play, history, freedom.

Е.В. Папилова

Российский государственный университет нефти и газа (НИУ) им. И.М. Губкина

ВЗАИМОВОСПРИЯТИЕ РУССКИХ И ИТАЛЬЯНЦЕВ В РОМАНЕ ВС.С. СОЛОВЬЕВА «ЦАРСКОЕ ПОСОЛЬСТВО»

В основе исторического романа Вс.С. Соловьева «Царское посольство» лежат реальные события направления царем Алексеем Михайловичем дипломатической миссии в Венецианскую республику в 1656 г. Русские послы, впервые оказавшиеся в Европе, дивятся всему увиденному, невольно сравнивают с российскими реалиями, разубеждаются в своих домыслах о «чужих» народах или наоборот укрепляются в них и еще больше мифологизируют их. В статье роман анализируется в контексте имагологии, рассматриваются стереотипные представления русских и итальянцев друг о друге. Автор определяет стереотипы восприятия нациями друг друга, подчеркивает особую роль в этом религиозного сознания, делает вывод об эмоциональной насыщенности взаимодействия представителей двух стран.

Вс.С. Соловьев, «Царское посольство», историческая проза, Россия XVII в., имагология, образ России, образ Италии.

Всеволод Сергеевич Соловьев (сын историка С.М. Соловьева) принадлежит к так называемому «второму ряду» русских писателей второй половины XIX в. и известен, прежде всего, как автор исторических романов. «Царское посольство» – один из них, написанный в 1890 г. Сам автор высоко ценил этот роман, в письме другу он писал: «По отзывам людей, это самый веселый и игривый, самый интересный из моих романов; сам я его люблю очень, и писал его с отпуском <...> и вынашивал долго» [6, с. 127].

Действие романа происходит в 1656 г., в царствование Алексея Михайловича «Тишайшего». Царь снаряжает в Венецию посольство, цель которого – упрочить отношения с итальянским государством, просить средства на борьбу с общим врагом – турками и наладить торговлю венецианских купцов с Архангельском. Царское посольство в составе 33 человек отправляется из Москвы и от Архангельска морским путем направляется к Венеции, по пути совершая остановки в Ливорно и Флоренции. Главные действующие лица – воевода Алексей Прохорович Чемоданов, дьяк Иван Иванович Посников и толмач Александр Никитич Залесский.

Первые два из перечисленных персонажей не вымышлены, а взяты из исторических документов, ведь в основе сюжета лежит подлинная история русской миссии в Венецию во главе с Чемодановым. Имея (в том числе благодаря отцу – знаменитому историку) доступ к историческим архивам, Всеволод Соловьев внимательно изучил материалы посольства и использовал их в работе над романом. Со слов историка А.Н. Сахарова, в архивах «сохранилось дело этого посольства: “наказ” царя Алексея Михайловича посла, отчет <...> о путешествии и выполнении царского поручения, все сопутствующие документы» [8, с. 4], что дает основание утверждать, что в основу романа, бесспорно, легли реальные исторические со-

бытия. Кроме того, помогло и личное знакомство автора с Европой, в частности с Италией, о чем свидетельствовал дореволюционный критик П.В. Быков [1, с. 53].

Главный герой – Александр Залесский – персонаж вымышленный, введенный в историческую канву [7, с. 167]. Он влюблен в дочь Чемоданова, Настю, но вражда отцов двух семейств (Никиты Залесского и Алексея Чемоданова) не оставляет влюбленным надежды на счастливый брак. Однако в качестве переводчика с посольством едет именно Александр – и не только потому, что царь задумал примирить два враждующих знатных рода (их вражда, особенно в итальянском контексте, напоминает конфликт «монтекки» и «капулетти»), но и потому, что Александр – один из немногих русских, кто знает латынь и бойко осваивает итальянский. Своей образованностью он обязан Федору Михайловичу Ртищеву (человеку, также реально существовавшему [6, с. 135]). Этот боярин, сподвижник царя, резко отличался от своих современников тем, что, вопреки царившей в допетровской «дремотной» Руси отсталости, он являлся проводником прогрессивных идей. Много общаясь с жившими в Москве и приезжавшими по делам иностранцами, он убедился, что «у “немцев” лучше, куда они богаче и разумнее. А все почему: потому что у них есть наука, а русские люди в темноте ходят, дальше своих четырех стен ничего не видят. <...> Нужно поднять сыновей и внуков, нужно им открыть глаза, просветить их науками, – тогда и у нас все пойдет на лад, тогда и наша жизнь будет несколько не хуже, чем там, за морями. Учиться и учить надо!» [9, с. 24]. Соединивший в себе гармонично «древнерусское православное благочестие, евангельскую духовность и западноевропейское просвещение» [6, с. 135], Ртищев основывает в Москве Андреевский монастырь, куда для обучения способных юношей при-

глашает из Малороссии считавшихся в то время просвещенными монахов. В первый набор попадает и Александр, удививший Ртищева страстью к чтению. Юноша всецело отдается учебе, что рождает непонимание и опасения его родителей, чей интеллектуальный уровень очень низок: боярин Залесский (так же как и Чемоданов), хотя и умеет читать и писать, но кругозор его крайне скуден, он «учит» жену кулаками и советуется с мракобесом отцом Саввой, предвосхитителем староверческого учения. Под стать Залесскому и его жена Антонида – неграмотная, загнанная бытом женщина, получающая информацию извне только от перехожей странницы, рассказывающей ей, что «в городе Калуге летает змей огненный, и что поповская корова отелилась теленком о трех головах, и теленок этот говорит человеческим голосом» [9, с. 35], чему она наивно верит. Оба родителя против обучения сына «латинщине» и в штыки воспринимают новость о его отъезде в Италию: «Санюшку царь посылает к басурманам на погибель, <...> будут рвать нехристи на части и кидать его тело белое черному воронью» (Там же, с. 93), – рыдает Антонида.

Преодолевая страшный шторм и преследования пиратов, посольство прибывает в Венецию, где попадает в гущу разнородных чужестранцев: «Кого, кого здесь не было! Сюда сошлись люди изо всех стран – и немцы, и испанцы, и французы, и англичане. Все они отличались друг от друга <...> Но вот между ними оказывались люди уже совсем на них не похожие, совсем иного типа и в иных, по большей части длинных, одеждах. То были греки и всякие азиаты. Наконец, к изумлению своему, Александр увидел людей с лицами черными и блестящими, с толстыми синими губами и сверкавшими белками глаз, в тюрбанах, расшитых куртках и широчайших шальварах» (Там же, с. 154–155). Дипломаты оказались в стране, абсолютно не похожей на Московию, где все – климат, наряды, кухня, зодчество, нравы – ежеминутно удивляет их. Направляясь в Венецию, Чемоданов не верит, что город может быть построен на воде, называет это враньем (Там же, с. 124), и все-таки вынужден признать свою неправоту. Попав в новый мир, герои передвигаются на *гондолах*, живут и наносят визиты в *палаццо*, ужинают в *трапториях*, вместо привычной ромanei пьют красные и белые *вина*, вместо пирогов и кулебяк едят *сорбетты*, вращаются среди необычно одетых *синьор*.

Сама погода – яркий контраст привычной им: «Зимы, несмотря на вторую половину декабря, и в помине не было. Теплынь стояла, будто весною. В чудных садах росли невиданные лимонные и финиковые деревья, и были те деревья все в плодах» (Там же, с. 128). Когда итальянец, кутаясь в свою епанчу, спрашивает Александра, не холодно ли ему, тот отвечает: «Холод! Вы это называете холодом... в январе месяце! Вот у нас в Москве теперь так холодно, стоят лютые морозы, без шубы на улице не выйдешь» (Там же, с. 160–161).

Дворцы Италии восхищают москвитов своим величием. Всякий раз являясь на прием, они вынуждены «смутиться и растеряться» (Там же, с. 180). Даже дом купца Лонглана в Ливорно, куда поселили гостей, «оказался обширным, таким, какого на Москве не было и у самого богатейшего боярина. Убранство оказывалось тоже отменным. Покои <...> были свет-

лые и большие, с высокими окнами, сквозь которые как есть все было видно, так как в окна эти вставлена была не слюда, как на Москве, а значительной величины чистые и чудесные стекла» [9, с. 128]. Палаццо итальянской знати – контраст хоромам даже богатых бояр: «маленькие-премаленькие, низенькие-пренизенькие. Проветрены они плохо, и от частых постов сохранился всюду такой промозглый рыбный запах, что его ничем не выкуришь» (Там же, с. 17).

Изумление русских вызывает бал – «пляс, да такой, о каком на Руси никогда не было и слыхано. <...> Ишь, поганцы, ногами-то что выкидывают! Шабаш, как есть шабаш!» – критикует Чемоданов. «“На такое позорище греховно и глядеть-то!” – отвечал Посников, крестясь и жмуря глаза. Но поглядеть все же тянуло» (Там же, с. 133). Итальянок (хотя и Чемоданов, и Залесский увлеклись ими) они оценивают так: «голошеи, голоручки» и «бесстыжи», «сраму-то, сраму!» (Там же, с. 133).

Во Флоренции русских поражают ковры и гобелены, изображающие библейские сцены. Невольно сравнивая их с православными иконами, Посников рассуждает: «К чему оно? <...> Образа, иконы в церквях – это дело угодное Богу, святое... а сие – кощунственно оно как-то <...> Нечто человек своим искусством до такой живости дойти может? Так кто ж ему поможет обнаженные-то телеса изобразить, как не дьявол?». Эти доводы кажутся Чемоданову убедительными, и он «старался не глядеть на гобелены, а когда нечаянно взглядывал, то сейчас же отводил глаза и про себя читал молитву» (Там же, с. 148).

Москвиты любят магнитом, «поднимавшим полтора пуда железа», шарами, «на коих написаны все государства и все планеты» (глобусами), выдрессированными лошадьми (Там же с. 149). Они впервые попадают на оперу. Чемоданов охотно соглашается на то, чтобы итальянский живописец снял с него *парсуну* (портрет), а Посников наотрез отказывается, боясь, что «немец» напустит на него какую-нибудь порчу (Там же). Придворный поэт преподносит Чемоданову сонет в его честь, но тот понял смысл этого жеста лишь после объяснения Александра. Обидевшемуся, что ему не оказана такая же честь, Посникову преподнесли сонет позже, но на гораздо более красивой бумаге, и теперь обиделся Чемоданов (Там же, с. 150). Приключения послов в Италии наполнены подобными, полными доброго юмора, комичными ситуациями, в которые герои попадают по незнанию местной жизни.

Послы постоянно озабочены тем, достаточно ли почтительно относятся иностранцы к представляемой ими стране, монарху, к ним самим, и требуют уважения. Обращаясь к губернатору Ливорно, Чемоданов говорит: «Скажи ты ему, что наш государь – самый великий государь во всем мире, что богатства его неисчислимы, что страна наша самая великая страна и что всего у нас в изобилии – злата и серебра, мехов драгоценных, камней самоцветных и всякого богатства» (Там же, с. 130–131). Он упоминает мощь царской рати и то, что Русь «сбросила с себя иго поганых» и «во веки веков невредимой останется».

Стремясь не уронить перед итальянцами лицо, Чемоданов приказывает посольским ничему не удивляться явно: «Рты разевать не смей! – грозя пальцем,

крикнул он. – Что бы ни увидели – делайте вид, будто и не видите, а коли и видите, то не примечаете <...> Только чтобы эти немцы, али там итальянцы, что ли, вашего удивления не замечали. Ведь они, поганцы, над вами издеваться станут. Ишь, скажут, серые мужики наехали, дома-то ничего, видно, изрядного нету, беднота, видно, голь перекатная...» [9, с. 128].

В романе показаны не только стереотипы восприятия русскими итальянцев, но и наоборот. Знатная синьора Анжиолетта, расспрашивая своего чичисбея (слугу-компаньона) о далекой варварской Московии, узнает от него, что «там в течение двух недель, а не то трех месяцев, совсем не видно солнца», «большую половину года там идет снег, идет без остановки, день и ночь, так что образуются целые горы», сквозь которые московиты, преследуемые белыми медведями, роют коридоры, а мороз такой, что они и в нескольких звериных шкурах замерзают, а глаза их от холода лопаются. На удивление синьоры тем, как же может человек так жить, чичисбей заверяет, что «они и погибают в огромном количестве», и только благодаря тому, что русские женщины рожают каждый год, а часто и по 2–3 ребенка, население не уменьшается (Там же, с. 104). И хотя Анжиолетта и сомневается в правдивости этих домыслов, и получает их опровержение от Александра, с кем у нее завязывается роман, в сцене их расставания она все равно выкрикивает в его адрес обидные слова *дикарь, зверь, неотесанный варвар, глупый белый медведь* (Там же, с. 248–249). Набор этих стереотипов о России традиционен для европейцев в художественной литературе начиная с XVI в., о чем не раз писали отечественные исследователи [4; 5; 10; др.].

Сам вид московитов, столь отличный от местных жителей, возбуждал в итальянцах интерес и издевку: «Вокруг них всегда собирались толпы народа, разглядывали их без всякой церемонии и <...> подсмеивались» [9, с. 129]. Наряды русских (парчовые расшитые кафтаны, высокие меховые шапки – странные, но богатые, с точки зрения итальянцев) были «зрелищем для народа, а южный народ жадно ищет зрелищ» (Там же, с. 132).

Русский колорит проявляется и в том, какие дары везут послы: соболиные и горностаевые меха, ремень (Там же, с. 111), и в том, что иностранцев они угощают водкой (Там же, с. 132), а Александр отказывается целовать прекрасной синьоре Лауре руку, объясняя, что на его родине «нет обычая целовать руки чужих женщин» (Там же, с. 158). Время от времени он тоскует по родине, вспоминая звон колоколов, напев русской песни, скрип саночных полозьев, аромат черемухи и сирени, озаряемые светом лампад образа (Там же, с. 231).

С появлением «форестьеров» (иностранцев) по городу распространяются слухи, «далеко не всегда верные, с различными прибавлениями» (Там же, с. 129) о варварстве русских: о том, что те едят руками, а с тех пор, как узнали вилку, «берут с блюда кусок руками, потом втыкают в него вилку и отправляют в рот» (Там же, с. 189), о том, что русские «живут очень грязно и спят где ни попало, на полу, не раздеваясь», хотя в действительности итальянцы не имели шанса лично убедиться в этом (Там же, с. 129).

Однако и восприятие итальянцев русскими имеет преимущественно негативную окраску. Члены посольства зовут их нехристями, басурманами [9, с. 133], еретиками погаными (Там же, с. 234), идолами (Там же, с. 182), – в этом выражается конфессиональный антагонизм. Итальянских женщин они считают «срамницами» (Там же, с. 136), развлечения местной светской жизни – ведьменским шабашем (Там же, с. 221), позорищем греховным, дьявольским наущением, а надеваемые венецианцами маски – харями черными (Там же, с. 182), богомерзкими образами (Там же, с. 219), харями карнавальными (Там же, с. 251).

Так же, как тиражируемые чичисбеем небывальщины о России – сплошь преувеличение и выдумка, свидетельства вернувшегося домой Чемоданова далеки от истины. Домашним он рассказывает, что в Италии круглый год зеленые деверья, на которых «растут золотые яблоки» (Там же, с. 262) (их он, впрочем, привезти не мог, так как они бы испортились). На вопрос жены, видел ли он «людей с песьими головами», он отвечает: «Как же, пришлось сию погань видеть! <...> Я там и чертей видел» (Там же). Чтобы поразить родных заморским чудом, ради красного словца Чемоданов на ходу изобретает небылицы. Такое мифотворчество, по-видимому, свойственно не только русским и итальянцам, но любой нации. В романе русских послов посещает французский резидент. Удовлетворив свое любопытство, он «послал в Париж интересное сообщение о “московитах”, в котором правды было много – целая десятая часть», – иронизирует автор (Там же, с. 171).

Зачастую русские зовут итальянцев «немцами» (например, во фразе Чемоданова: «Только чтобы эти немцы, али там итальянцы, что ли, вашего удивления не замечали»). Для носителя русского народного сознания XVII (и даже XVIII–XIX) века «немец» – не обязательно выходец из германских земель, но любой европеец, чужестранец, неправославный, «немой» (не говорящий по-русски). Эта тенденция прослеживается как в литературе, так и в русском фольклоре, и в романе Соловьева связь самосознания героев с народной патриархальностью ярко выражена в их речи. Так, удивляясь изобретательности итальянцев, Чемоданов говорит: «Ишь ты, до чего исхитрились немцы» (Там же, с. 148), «Хитры они, немцы, на всякие измышления» (Там же, с. 210). Эти высказывания созвучны пословицам из сборника Даля: Немец хитер – обезьяну выдумал; Немец без штуки с лавки не свалится; У немца на все струмент есть; Немец своим разумом доходит (изобретает), а русский глазами (перенимает) [3, с. 271].

Однако две нации не воспринимают друг друга исключительно негативно. Они способны подметить в «чужом» и что-то положительное, и даже похвалить чужака. Так, красотой природы и зодчества Италии русские искренне восхищаются; возвращаясь домой через Амстердам, хвалят чистоту города: «такой нигде не видывали» [9, с. 254]. Приятно удивленный торжеством устроенных посольству проводов, Чемоданов, смягчившись, говорит: «Знатно провожают! <...> Добрый народ, вежливый, жаль вот, что немцы и басурманы» (Там же, с. 151). То же можно сказать об итальянцах: их отношение к русским как к «северным варварам» соседствует с интересом к далекой Моско-

вии, признанием в ней сильного государства, устраиваемые послам приемы подчеркнута помпезны.

Московиты очень дорожат своей религией и всячески оберегают православие от возможных посягательств иноверцев. Анжиолетте, удивленной тем, что «московский медведь» носит христианское имя, возмущенный Александр отвечает: «Я христианин, и даже более христианин, чем вы, синьора» [9, с. 164]. И в путешествии послы не забывают соблюдать Великий пост и молятся в минуты искушений. На вопрос, приедут ли русские послы к папе в Рим, те отвечают: «В Рим нам ехать незачем, ибо мы русские, православные, и папе римскому во век не поклонимся» (Там же, с. 172). И только греков русские считают братьями по вере: послы идут в греческую церковь, где их встречают «с большой торжественностью», после совместной амвонной молитвы греки восхваляют Алексея Михайловича как «пресветлого, непобедимого, сильного, преславного, благочестивого и благоверного защитника церкви Божией восточной, рачителя благочестия» (Там же, с. 183).

Итак, есть все основания полагать, что в историческом романе «Царское посольство» Вс.С. Соловьев с большой достоверностью отразил обстоятельства пребывания русской миссии в Италии (отметим, что именно исторические романы Соловьева пользовались наибольшей популярностью, ставя его имя в десятку наиболее читаемых авторов петербургских публичных библиотек рубежа XIX–XX вв. [2, с. 117]). Этот роман, обладающий богатейшим имагологическим материалом, в очередной раз подтвердил бытующие среди европейцев XVII в. (и раньше, и позже этого) стереотипы восприятия России как северной варварской страны, где полгода мороз, по улицам гуляют медведи, где роскошь соседствует с нищетой, а люди живут в невыносимых условиях и не знакомы с хорошими манерами. Преувеличение и выдумка свойственны и стереотипному восприятию итальянцев русскими: для них Европа – это край, где обитают нехристи, басурмане, где творятся всякие непотребства – обитают люди с песьими головами и можно встретить черта. Особую роль в оценке русскими людьми европейской действительности играет их религиозность и убежденность в истинности только православной веры: разные проявления жизни иностранцев (балы, маскарады, раскованность женщин, даже стиль изображения святых в ракурсе светского

искусства) воспринимаются ими как грех и богохульство. Стоит согласиться с мнением Е.В. Никольского, что роман показывает кризис обеих стран: для Италии – нравственного оскудения, а для России – социально-культурного застоя [7, с. 179]. И все же изредка русские отмечают положительное в жизни чужаков, а порой и готовы у них поучиться.

Восприятие народами друг друга эмоционально насыщено, экспрессивно: для русских все в Италии необычно и поражает, и наоборот, «дикие» московиты рождают огромный интерес к себе итальянцев. Удивление непривычным, отличным от «своего» подталкивает обоих к еще большему мифологизированию образа «чужого», рождая фантастические легенды. Приключения русских послов в Италии наполнены добродушным юмором автора, простодушно рисующего встречу двух культур, преисполненных стереотипными суждениями друг о друге.

Литература

1. Быков, П. В. Вс. С. Соловьев: его жизнь и творчество / П. В. Быков // Соловьев Вс. Полное собрание сочинений. – Петроград : Тип. П. П. Сойкина, 1917. – Кн. 1. – 184 с.
2. Васильева, С. А. Редакционно-издательская деятельность Вс. С. Соловьева : монография / С. А. Васильева. – Тверь : Марина, 2007. – 206 с.
3. Даль, В. И. Пословицы русского народа : в 2 томах / В. И. Даль. – Москва : Художественная литература, 1984. – Т. 1. – 383 с.
4. Зеленин, А. В. Образ России и русских у Шекспира / А. В. Зеленин // Русская речь. – 2005. – № 3. – С. 91–98.
5. Михальская, Н. П. Образ России в английской художественной литературе IX–XIX в. / Н. П. Михальская. – Москва : МПГУ, 1995. – 150 с.
6. Никольский, Е. В. Историческая романистика Всеволода Соловьева. Типология жанра / Е. В. Никольский. – Saarbrücken : Lambert Academic Publishing, 2010. – 206 с.
7. Никольский, Е. В. Проза Всеволода Соловьева: проблемы творческой эволюции : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Никольский Евгений Владимирович. – Тверь, 2014. – 546 с.
8. Сахаров, А. Н. Предисловие / А. Н. Сахаров // Соловьев Вс. Царское посольство. Царь-девица: исторические романы. – Москва : Дружба народов, 1994. – 429 с.
9. Соловьев, Вс. Царское посольство / Вс. Соловьев. – Москва : МП «Фирма АРТ», 1993. – 288 с.
10. Ощепков, А. Р. Россия в письмах и дневниках Стендаля / А. Р. Ощепков // Русский язык за рубежом. – 2010. – № 2. – С. 96–104.

E. V. Papilova

MUTUAL PERCEPTION BETWEEN RUSSIANS AND ITALIANS IN VSEVOLOD SOLOVYOV'S HISTORICAL NOVEL «THE TSAR'S DELEGATION»

Vsevolod Solovyov's historical novel «The Tsar's Delegation» is based on real historic events, when Tsar Alexei Mikhailovich sent a diplomatic delegation to the Republic of Venice in 1656. In the novel the Russian ambassadors, being in Europe for their first time, are fascinated with everything they see, involuntary comparing this unknown place with Russian realities, and they either become dissuaded in their fantasies about the «alien» peoples, or in some cases, they even strengthen their critiques and create more myths about the «aliens». In this article the novel is analyzed in the context of imagology. Stereotypical views of both Russians and Italians about each other are considered. The author determines the stereotypes of perception held by the two nations, emphasises the great role of religious consciousness in it, and makes a conclusion about the emotional intensity of the interaction of the two nations' representatives.

Vsevolod S. Solovyov, “The Tsar's Delegation”, historical prose, 17th century Russia, imagology, image of Russia, image of Italy.

А.Г. Плотникова

*Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук*

ЛЕОНИД АНДРЕЕВ И «ВЕЛИКИЙ КИНЕМО»

В статье исследуются стратегии взаимодействия писателя Л.Н. Андреева с ранним кинематографом. Впервые подвергнуты комплексному анализу литературно-критические статьи Андреева «Письма о театре» и киносценарии «Анфиса» и «Король, закон и свобода» с точки зрения жанрового своеобразия. Охарактеризованы прижизненные экранизации его произведений с привлечением мемуарного материала, рецензий в специальной прессе и современных научных исследований. Привлечение широкого круга источников позволяет сделать вывод о системном интересе Л.Н. Андреева к кинематографу, что выразилось в применении большинства существующих стратегий взаимодействия литературы и киноискусства в творческой жизни писателя.

Л.Н. Андреев, киносценарий, немое кино, кинодраматургия, А.А. Ханжонков.

Творчество Леонида Николаевича Андреева пользуется устойчивым интересом со стороны литературоведческой науки. Необычный талант автора, его своеобразный стиль, предвосхитивший многие эстетические тенденции XX века, тематическое и жанровое разнообразие его произведений приводят к тому, что к изучению его художественного мира обращаются многие исследователи. Особенно очевидно это стало в юбилейный для Андреева 2021 год, когда отмечался 150-летний юбилей со дня рождения писателя (см. обзор научной конференции «Учитель и ученики», прошедшей в Санкт-Петербурге [6]). Исследовательскому интересу в значительной мере способствует работа над полным 23-томным академическим собранием сочинений писателя, которое издается в Институте мировой литературы имени А.М. Горького РАН. В 2022 г. вышел 7-й том издания (отв. ред. Р. Дэвис, М.В. Козьменко), в который, кроме рассказов, очерков, пьес 1908–1910 гг., вошло произведение, демонстрирующее ранний интерес Андреева к молодому в начале XX века искусству кинематографии – киносценарная разработка «Анфиса» [3, с. 549–552].

О разнообразных стратегиях взаимодействия Л.Н. Андреева с кинематографом известно давно, комплексно этот вопрос рассматривался в статье Ю.В. Бабичевой, А.О. Коваловой и М.В. Козьменко «Л.Н. Андреев и русский кинематограф 1900–1910-х годов» [5]. О проблеме транспозиции литературных текстов в кинообразы писали также М.В. Козьменко [11] и Д.С. Тихомиров [15]. Участие Андреева в кинематографическом процессе описывала в своей монографии «Кино Серебряного века» И.Н. Гращенкова [9]. Филологи Л.И. Хайрулина и И.В. Монисова отмечают необходимость исследования пьес этого автора в контексте связей модернистского театра и кинематографа [16, с. 142].

Леонид Андреев стал одним из первых литераторов, вошедших в кинематограф. Вероятно, его интерес к эстетике немое кино можно обнаружить уже в раннем рассказе «Молчание», который, по мнению

Р.Л. Красильникова, является ключевым в творчестве писателя и наиболее характерным в процессе формирования авторского стиля и проявления в нем модернистских тенденций [13, с. 18]. Гнетущую атмосферу в доме священника отца Игнатия после самоубийства его дочери Веры автор характеризует так: «Это не была тишина, потому что тишина – лишь отсутствие звуков, а это было молчание, когда те, кто молчит, казалось, могли бы говорить, но не хотят» [4, т. 1, с. 199]. Обратим внимание на противопоставление тишины и молчания как пассивного и активного процессов, впоследствии почти в тех же выражениях говорил о специфике дозвукового кинематографа близкий друг Андреева Александр Вознесенский, один из первых русских киносценаристов [7, с. 22].

Андреев сделал много для принятия нового искусства в литературной среде. В отличие от многих писателей, в том числе М. Горького, Андреев с энтузиазмом откликнулся на предложение кинематографиста А.О. Дранкова сняться на киноленту. Писателя запечатлели на его даче в Финляндии в окружении семьи, там же присутствовал гостивший у Андреева литератор, драматург, публицист Е.Н. Чириков. Короткий фильм «Жизнь Л. Андреева» имел большой успех, и писатель с супругой посмотрели его в сентябре 1909 г. в петербургском кинотеатре «Сатурн».

В том же 1909 г. газеты публиковали интересное размышление Андреева о новом искусстве в философском или, скорее, антропологическом ключе: «Я часто думал о цветной фотографии, <так> как сам любитель, и о кинематографе. Люди не хотят вдуматься, а между тем психологически, может быть, это завоевание даже значительнее победы воздуха. Кинематограф уничтожает единство личности. Сейчас человек сознает себя в каждое мгновение тем, что он есть в данное мгновение. Представьте, что со временем я буду иметь возможность благодаря кинематографу в любую минуту видеть себя таким, каким я был восьми лет, восемнадцати, двадцати пяти! <...> Как же я могу цельно представлять себя вот в эту ми-

нута, когда мне возможно сейчас же представить себя в разные моменты жизни!» [14, с. 10].

Первым опытом в кинодраматургии для Л. Андреева стал сценарий «Анфиса» 1911 г. по его одноименной пьесе, вышедшей на два года раньше. Драматург основательно переработал текст, сократив количество героев и превратив некоторые описательные фрагменты в динамические. Так, в пьесе героиня Ниночка произносит: «Что я такое? Девочка, девчонка, которую еще можно на колени сажать» [4, т. 3, с. 473–474]. В киносценарии эта реплика превращается в небольшую сцену: «Ниночка кокетничает, Костомаров подзывает ее к себе и сажает на колена. А<лександра> П<авловна> хмуро качает головой и, указывая глазами на бонну и детей, но Костомаров смеется, показывает руками, что Ниночка еще совсем маленькая» [3, с. 550]. Андреев прибегает и к изменению общей композиции. Так, упоминание Александрой Павловной «истории» Анфисы в кинотексте трансформируется в отдельный кадр (первая картина), изображающий покаянное письмо офицера. В пьесе в репликах нескольких персонажей говорится о романе героини с этим офицером, а в сценарии драматический финал их отношений превращается в отдельную «картину». В то же время Андреев сохраняет органическую связь двух текстов, делая пометы в сценарии «здесь сцена по пьесе» (Там же, с. 551) или в конце – «дальнейшие картины идут по пьесе» (Там же, с. 552).

Фильм, снятый режиссером Я.А. Протазановым для товарищества «Тиман и Рейнгардт», вышел на экраны 24 января 1912 г. Картина была поставлена под влиянием театральной постановки, что отдельно отмечала кинопресса. В главных ролях блистали звезды столичных театров Екатерина Рощина-Инсарова и Владимир Максимов. М. Алейников высоко оценивал значение фильма и отмечал, что благодаря ему писатели стали проявлять последовательный интерес к киноискусству [1, с. 32].

В 1912–1913 гг. вышел программный текст Л. Андреева «Письма о театре» в нескольких частях, где он анализировал состояние театра в 1910-х гг. и его соотношение с «Великим Кином» (этот поэтический термин тоже придумал Андреев). Критикуя театр, он видел перспективу в разделении функций театра и кино, когда «пансихизм» должен был стать основой новой драмы, а бессловесное действие – полностью уйти в кинематограф. Интересно, что он предвидел будущее нового искусства: «Могущественная техника уничтожила дрожание, увеличив чувствительность пленок, дала предметам их естественную окраску и восстановила подлинную перспективность. Что это будет? Это будет зеркало во всю пятисаженную стену <...> зеркало есть *вторая* отраженная жизнь» [4, т. 6, с. 518]. Можно предположить, что, по мнению Андреева, этот новый кинематограф не заставит себя долго ждать, поскольку даже за тот год, что прошел между первым и вторым «Письмами о театре», его изменения, усложнение были очевидны. Писатель иронично отзывается о театральных актерах, которые за несколько лет изменили свое отношение к кино от демонстративного презрения до «служения» (Там же, с. 521). Яркие образы неостановимой чумы, нашествия, скрытые шекспировские цитаты придают

публицистическому высказыванию Андреева художественную силу и выразительность. Многие утверждения, высказанные в «Письмах о театре», и сегодня звучат актуально, что обнаруживают современные исследователи, предполагая, что эти идеи – предтеча той ветви кинематографа, который в наши дни называют «лирическим» [5, с. 151]. Андреев высказывал важную мысль о способности кинематографа изменить литературу, придать ей больший динамизм, лаконичность, энергию.

Следующим этапом стало участие в съемках фильма «Король, закон и свобода» (1914), на истории которого остановимся подробнее. Сценарий был основан на одноименной пьесе Андреева, написанной по горячим следам событий Первой мировой войны. В августе 1914 г. Германия внезапно напала на Бельгию, проигнорировав договор о нейтралитете. Силы захватчиков многократно превосходили защищавшихся, и 25 октября было принято отчаянное решение затопить значительную часть северных территорий страны, открыв шлюзы плотин. Значительная часть Бельгии оказалась под водой или превратилась в болото, но это сдержало германскую армию и потрясло весь мир. Подвиг бельгийцев был увековечен в литературе и в живописи. Английские писатели и поэты издали сборник «Книга короля Альберта», посвященный королю и народу Бельгии, который был вскоре переведен и на русский язык. И.Е. Репин написал картину «Бельгийский король Альберт в момент взрыва плотины в 1914 году».

Потрясенный этими событиями Андреев опубликовал несколько публицистических статей: «Бельгийцам», «Бельгия», «О Бельгии». В этом ряду была написана драма «Король, закон и свобода». В основу сюжета положена история бельгийской семьи писателя Эмиля Грелье (его прототипом служил М. Метерлинк), которую разрушает война. В названии пьесы использована строчка, завершающая каждый куплет национального гимна Бельгии – «Король, свобода и закон», которая в тексте повторяется несколько раз, ее напевает Жанна, жена писателя. На протяжении действия произведения погибают герои – старший сын Грелье и старый слуга, но страстный монолог бельгийского писателя в финале звучит оптимистично: «Бельгия будет жива! Мне дано видеть, и я вижу: здесь зазвучат песни, Жанна. Здесь будет новая весна, и деревья покроются цветами <...> И матери будут ласкать своих детей, и солнце будет светить на их головы, на их золотые головки <...> Я вижу мой народ: вот с пальмовыми ветвями он встречает Бога, вновь сошедшего на землю» [4, т. 5, с. 176–177].

Пьеса была опубликована и поставлена на сцене, параллельно постановке шла работа над фильмом. Такое соединение литературного, театрального и кинематографического представления произведения было обусловлено требованиями момента, стремлением предложить читателям и зрителям остроактуальный сюжет.

По воспоминаниям А. Ханжонкова, Леонид Андреев сам написал сценарий, однако текст его пока не известен. В Российском государственном архиве литературы и искусства хранится оттиск страниц журнала «Экран и рампа» (1915, № 7), атрибутированный

как «сценарий Л. Андреева» (фонд 11, оп. 5, ед. хр. 5). Однако этот текст был опубликован в нескольких киножурналах в те же месяцы, и нигде он не подписан именем писателя, так что авторство его остается под вопросом. В жанровом отношении этот текст тяготеет к расширенному либретто, поскольку почти никаких формальных сценарных признаков в нем нет. Он не разделен на «картины» или «сцены» (как, например, «Анфиса» 1911 г.), в нем не помечены фразы для интертитров, описания декораций или внешнего вида актеров также не обозначены. Однако объем текста существенно, в три-четыре раза превышает обычные рекламные либретто, публиковавшиеся в кинематографических журналах. Содержание «сценария» полностью совпадает с текстом пьесы, некоторые фразы повторяются дословно. Текст изобилует многоточиями, особенно в моменты наивысшего эмоционального напряжения, а реплики персонажей переведены в косвенную речь. Однако в некоторых фрагментах особое внимание уделяется жестам, мимике, пластике героев (или актеров), что указывает на то, перед нами именно кинотекст (возможно, описание уже существующего фильма): «И безропотно склоняет Жанна свою голову – сын умер за родину... так случилось... так должно было случиться... И только судорожно стиснутые руки и нахмуренные брови выдают в Грелье сильнейшее волнение, когда он узнает о смерти сына от своего командира» [2, с. 15]. Можно предположить, что жанр текста «Король, закон и свобода», опубликованного в журнале «Экран и рампа», представляет собой промежуточный жанр между либретто и сценарием и, скорее всего, не принадлежит перу Леонида Андреева.

Фильм снимался на кинофабрике А. Ханжонкова режиссером П. Чардыниным. Кинопромышленник оставил интересные воспоминания о съемках. Поначалу он не хотел ставить «военную» картину, но спрос на них был огромен, и новая пьеса популярного писателя оказалась как нельзя более кстати. Мемуары Ханжонкова рассказывают и о технической стороне съемок, например, о решении масштабной кульминационной сцены затопления Бельгии, которую снимали в павильоне: «На полу декоративной мастерской, примыкающей непосредственно к ателье, был разостлан огромных размеров брезент; края его со всех сторон были приподняты кверху. Эту импровизированную цистерну наполнили водой. Рядом, в ателье, декорация изображала поле, на котором у костров отдыхали немецкие солдаты после нашествия на маленькую, беззащитную страну. Результаты взрыва шлюзов были показаны очень просто: был опущен край брезента между декоративной и ателье. Вода хлынула на солдат и на костры с таким напором и в таком количестве, что создалась полная иллюзия наводнения» [17, с. 84–85].

Фильм, вышедший на экраны 25 октября 1914 г., имел огромный успех. Публику тронул драматизм произведения, трагедия гордого народа, защищавшего родную землю. Рецензент журнала «Кинема» писал, что картина оказалась сдержанной, лишенной чрезмерного изображения батальных сцен и шаржированного показа врага, авторам удалось передать сильнейшее переживание, что обусловило мощный худо-

жественный эффект и эмоциональное воздействие на зрителей: «Здесь нет дешевых, обычных для кинематографа, эффектов. В строгих, благородных тонах, как нельзя более подходящих к сюжету, идет картина» [10, с. 10].

Театральная постановка «Король, закон и свобода» была, напротив, не очень хорошо принята критикой. Андреева упрекали в публицистичности, в чрезмерном пафосе, в отсутствии художественной дистанции. Ольга Форш, которая в те годы публиковала рецензии под псевдонимом «Шах-Эддин», написала подробный анализ пьесы, в котором также отмечала «торопливость» Андреева: «...одна затея кристаллизировать действие, находясь фактически еще в “истории”, лишает пьесу глубины и перспективы и вульгаризирует ее до кинематографичности» [18, с. 255]. Интересно, что Форш ставит знак равенства между «кинематографический» и «вульгарный», в то время как почти те же особенности пьесы ставили Андрееву в заслугу в кинематографической прессе. Так, в 1914 г. журнал «Кинема» писал, что как раз на сцене пьеса «много теряет», лишившись технических возможностей [12]. Те элементы действия, которые казались на сцене неестественными и даже неправдоподобными, стали основой успеха фильма, поскольку иным был не только способ представления сюжета, но и механизм восприятия зрителя: посетители театра и кинематографа желали разного от ожидаемого зрелища.

В 1914 г. вышел фильм В.Р. Гардина «Дни нашей жизни». Это была вторая киноадаптация пьесы Л. Андреева, первую, менее удачную, снял П. Чардынин в 1910 г. (фильм назывался «В студенческие годы»), но тогда писатель ограничился лишь формальным разрешением. Экранизация Гардина оказалась значительно более успешной, и негатив картины был приобретен фирмой братьев Пате у П. Тимана за значительную сумму денег.

Годом позже на экране появились два фильма по мотивам произведений Андреева – «Тот, кто получает пощечины» (реж. А. Иванов-Гай) и подлинный шедевр дозвукового кинематографа – «Мысль», снятая В.Р. Гардиным. Режиссер подробно рассказал о работе над этим фильмом в своей книге воспоминаний, а в дневнике он записал по окончании съемок, что фильм стал одним из его высших достижений [8, с. 129]. (Детальный анализ работы Андреева и Гардина над текстом приведен в статье Ю.В. Бабичевой, А.О. Коваловой и М.В. Козьменко [5].) Драматичная история развернулась вокруг пьесы «Анатэма», которая была запрещена Синодом. Несколько лет А.О. Дранков, которому было обещано право постановки, добивался отмены запрета, но не преуспел в этом.

К сожалению, Андреев не увидел ни кинематографического авангарда, ни экспрессионистского кино, ни появления звука в кино. Последней данью ему от «Великого Кинемо» стал фильм «Саботажники», снятый в 1918 г. Н.А. Салтыковым о последних годах жизни писателя.

В целом, можно сказать, что интерес Л.Н. Андреева к кинематографу был глубоким и последовательным, соответствовал новаторскому характеру его творчества. Творческий путь писателя демонстрирует большинство стратегий взаимодействия литературы и

киноискусства: от высказываний о кинематографе до системного сотрудничества с киностудиями, от участия в биографических фильмах до написания оригинальных сценариев.

Литература

1. Алейников, М. Н. Чувство нового / М. Н. Алейников // Яков Протазанов : сборник статей и материалов / составитель М. Н. Алейников. – Москва : Госкиноиздат, 1948. – С. 13–68.
2. Андреев, Л. Король, закон и свобода (Описание картины) / Л. Андреев // Экран и рампа. – 1915. – № 7. – С. 15–16.
3. Андреев, Л. Н. Полное собрание сочинений : в 23 томах / Л. Н. Андреев. – Москва : Наука, 2022. – Т. 7. – 750 с.
4. Андреев, Л. Н. Собрание сочинений : в 6 томах / Л. Н. Андреев. – Москва : Художественная литература, 1995–1996.
5. Бабичева, Ю. В. Л. Н. Андреев и русский кинематограф 1900–1910-х годов / Ю. В. Бабичева, А. О. Ковалова, М. В. Козьменко // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 15. – 2012. – Вып. 4. – С. 149–163.
6. Боева, Г. Н. «Учитель и ученики»: научная конференция в честь 150-летия со дня рождения Леонида Андреева и к 90-летию со дня рождения Л. А. Иезуитовой / Г. Н. Боева // Гуманитарная парадигма. – 2021. – № 3 (18). – С. 98–106.
7. Вознесенский, А. С. Искусство экрана / А. С. Вознесенский. – Киев, 1924. – 143 с.
8. Гардин, В. Р. Воспоминания. В 2 томах. Том 1. 1912–1921 / В. Р. Гардин. – Москва : Госкиноиздат, 1949. – 229 с.

9. Гращенкова, И. Н. Кино Серебряного века. Русский кинематограф 10-х годов и кинематограф Русского послеоктябрьского зарубежья 20-х годов / И. Н. Гращенкова. – Москва : Щербинская типография, 2005. – 432 с.

10. Златоцвет. Сухум (Театр Самуриди) // Кинема. – 1915. – № 8/9. – С. 10–11.

11. Козьменко, М. В. Кино Леонида Андреева: к проблеме транспозиции литературных текстов в кинообразы / М. В. Козьменко // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2012. – № 1(45). – С. 272–276.

12. «Король, закон и свобода» [рецензия] // Кинема. – 1914. – № 16-7. – С. 3.

13. Красильников, Р. Л. На пути к «подозрительному символу»: еще раз о «Молчании» Л. Н. Андреева / Р. Л. Красильников // Гуманитарная парадигма. – 2019. – № 3 (10). – С. 16–23.

14. Мысли современников. Л. Н. Андреев // Сине-Фоно. – 1909. – № 1. – 1 октября. – С. 10.

15. Тихомиров, Д. С. Проблема интерпретации прозы Л. Андреева средствами киноязыка на примере экранизации рассказа «Он. Записки неизвестного» / Д. С. Тихомиров // Гуманитарная парадигма. – 2021. – № 3 (18). – С. 67–77.

16. Хайрулина, Л. И. Драматургия Леонида Андреева в контексте европейского литературного процесса: анализ отечественных исследований / Л. И. Хайрулина, И. В. Монисова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2019. – Т. 11, вып. 1. – С. 140–147.

17. Ханжонков, А. А. Первые годы русской кинематографии / А. А. Ханжонков. – Москва ; Ленинград : Искусство, 1937. – 176 с.

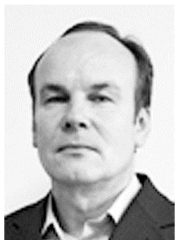
18. Шах-Эддин [Форш, О. Д.] О новой пьесе Л. Андреева / Шах-Эддин [О. Д. Форш] // Современник. – 1914. – № 7. – С. 255–258.

A.G. Plotnikova

LEONID ANDREEV AND «GREAT CINEMO»

The article analyzes the interaction strategies of L.N. Andreev with early cinema. For the first time, Andreev's literary critical articles «Letters on the Theater» and the film scripts «Anfisa» and «The King, Law and Freedom» were subjected to a comprehensive analysis from the point of view of genre originality. The lifetime film adaptations of his works are characterized using memoirs, reviews in the specialized press and modern scientific research. Involving a wide range of sources allows us to draw a conclusion about the systemic interest of L.N. Andreev to cinema, which was expressed in the application of the majority of the existing strategies of interaction between literature and cinema in the writer's creative work.

L.N. Andreev, film script, silent cinema, film dramaturgy, A.A. Khanzhonkov.

В.А. Черкасов

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

ХОДАСЕВИЧ-ТЕАТРАЛ (БИОГРАФИЯ): ЗАМЕТКИ К ТЕМЕ

В настоящей работе представлены сведения о биографическом аспекте проблемы «В. Ходасевич и драматический театр» до Октябрьской революции 1917 г. С опорой на различные историко-литературные документы восстанавливается целостная картина увлеченности критика этим видом искусства.

В.Ф. Ходасевич, драма как род литературы, история театра, биографический метод в литературоведении.

В научной литературе до сих пор не существует целостного исследования, раскрывающего тему «Ходасевич и драматический театр». Поэтому наша статья носит первооткрывательский характер. В ней мы намереваемся осветить, с нашей точки зрения, наиболее значимые биографические аспекты указанной темы, поскольку они отражены в воспоминаниях, письмах, литературно-критических и театроведческих статьях Ходасевича, а также в свидетельствах его современников. При этом в данной статье мы ограничиваемся дореволюционным периодом деятельности критика.

В письме П. Зайцеву от 11 июня 1922 г. Ходасевич точно указал свой возраст увлечения драматическим творчеством: «Первые стихи – 6-7 лет, также “комедии” и “драмы” (в прозе)» [10, т. 4, с. 444]. В мемуарном очерке «Младенчество» (1933) он достаточно подробно описал историю создания своих первых драматических опытов, вспомнил даже их название, а также содержание «драмы»: «Тогда же я пробовал силы в драматургии. Симметрия, должно быть, казалась мне основным архитектурным законом драмы. Поэтому в толстой клеенчатой тетради сосчитал я страницы, разделил ее на четыре равные части и в соответствующих местах надписал: “Действие первое”, “Действие второе”, “Действие третье”, “Действие четвертое”. Затем тетрадь была заполнена текстом, представлявшим собою комедию “Нервный старик” – подражание какой-то комедии Мясницкого, которую в то время мои братья репетировали для любительского спектакля. За комедией последовала драма “Выстрел”. Страницы были отсчитаны, как и в первый раз, но дальше одной сцены дело не пошло. Зато эту сцену я помню в точности: “Гостиная в доме г-жи Ивановой. Г-жа Иванова, г-жа Петрова. Перед поднятием занавеса за сценою слышен выстрел.

Г-жа Петрова. Ах, что это такое? Кажется, выстрел!

Г-жа Иванова. Не беспокойтесь, пожалуйста. Это мой муж застрелился» (Там же, с. 206).

В заметке Гулливера «Нервный старик» от 29 апреля 1938 г. содержится другой вариант воспоминаний Ходасевича о своих первых драматических про-

изведениях, согласно которым «драма» так и не была завершена, в отличие от «комедии», характер заглавного героя которой был достаточно полно обрисован и, в таком качестве, нашел своих слушателей – «няню и бабушку»: «Имея лет восемь отроду, Гулливер написал драму “Выстрел” и комедию “Нервный старик”. Драма осталась лежать неконченной, комедия же была благополучно дописана и прочитана вслух подневольным слушателям – няне и бабушке. Героем ее был почтенный профессор, обуреваемый благородством, который по нервности своей не успевал толком вникать в окружающие события, но реагировал на них сильно – и непрестанно попадал в нелепое положение» [1]. Следует заметить, что в варианте воспоминаний Гулливера указан уже восьмилетний возраст создания первых драматических опытов.

Судя по статье «Театр Станиславского» (1938), к восьми годам относятся и первые собственно театральные впечатления Ходасевича: «Мне было лет восемь, я лежал в оспе и слушал в полубреду разговоры о том, что в Охотничьем клубе, куда однажды возили меня на елку, какой-то Станиславский играет пьесу “Потонувший колокол” – и там есть русалка Раутенделейн и ее муж, Водяной, который все высовывается из озера, по-лягушачьи квакает “брекекекек” и кричит: “Раутенделейн, пора домой!” – и ныряет обратно, а по скалам скачет бес, который закуривает папиросу, чиркая спичкою о свое копыто» [8]. Как видно, критик предельно «остранил» свои первые детские впечатления от игры МХАТа, передав их через восприятие заболевшего оспой ребенка, с недоумением прислушивающегося к не менее недоуменным разговорам взрослых по поводу натуралистических подробностей в постановке драмы Гауптмана «Потонувший колокол». Однако, согласно логике упомянутой статьи, эти первичные детские впечатления, пусть даже опосредованные, точно зафиксировали неизменно существовавший «когнитивный диссонанс» между мистической по своей природе символистской драматургией и быговистской, натуралистической режиссерской практикой К. Станиславского и В. Немировича-Данченко. Впрочем, очевидно, что в приведенном фрагменте воспоминаний Ходасевича даже найден-

ные в натуралистическом ключе находки МХАТа неуловимо преображаются в сказочные подробности под волшебным воздействием детского воображения.

Согласно Ходасевичу, его увлечение театром только усилилось в гимназические годы. Этому увлечению во многом способствовала творческая атмосфера гимназии, о которой Ходасевич поведал в биографическом очерке «Виктор Викторович Гофман» (1917). Причем, следует заметить, что заглавный герой этого произведения во многом представлен как двойник его автора. «В гимназии время от времени устраивались литературно-музыкальные вечера, – свидетельствует Ходасевич, – ученики играли, пели, декламировали. Оба мы [т. е. Ходасевич и В. Гофман – В. Ч.] принимали в этих вечерах участие» [6, с. XV]. Ходасевич характеризует личность Гофмана, указывая на его предпочтения в выборе для чтения на этих вечерах в том числе и драматических произведений. По его словам, уже в четвертом классе на вечеру 1899 г. Гофман «читал вступление к “Медному Всаднику”» (Там же), а в шестом классе, в 1901 году, – «монолог Годунова из “Царя Федора Иоанновича”»: “Высокая гора был царь Иван”...» (Там же). Сам Ходасевич, согласно его автобиографическим свидетельствам в очерке «Здравница» (1929), в это время страстно увлекается трагическими героями Шекспира – Ричардом III, Гамлетом, Кориоланом, на фоне которых персонажи натуралистического романа Н. Чернышевского «Что делать?» кажутся ему пресными и приземленными: «В гимназии в это время читал я Гомера, Овидия, Гита Ливия, “Слово о Полку Игореве”. Дома зачитывался Шекспиром, декламировал монологи Ричарда III и знал наизусть “Гамлета” в переводе Полевого. В кругу таких чтений Чернышевский сразу показался мне каким-то провинциалом. Мысленно я вводил Ричарда или Кориолана в круг персонажей “Что делать?” – и мне представлялся образ орла в курятнике. После прозы Ливия или “Слова о полку” доморощенная проза Чернышевского была жалка. Прочитав страниц восемь-десять, я вернул книгу брату. В тот день я узнал, что в мировой литературе существует свое захолустье» [10, т. 4, с. 266].

К ноябрю 1898 г., когда Ходасевичу исполнилось 12 лет, раз и навсегда определилось и его театральное тяготение к традиционно-условной драматургии, в данном случае к трагедиям Шекспира и Шиллера. «Я уже видел в Малом театре не то “Ричарда III”, не то “Макбета”, – вспоминает Ходасевич в упомянутой статье «Театр Станиславского», – я видел Ермолову в “Орлеанской Деве”. Я знал, что такое трагедия: это – плащи, шпаги, латы, сияющие, как зеркала, это – руки, судорожно сжимающие рукоять кинжала, это – не люди, а страшные существа, голосом покрывающие раскаты грома, живущие среди ужаса и сеющие вокруг себя ужас» [8]. В изображении Ходасевича, точно так же, как при чтении оказываются несопоставимыми высокие герои Шекспира и бытовленные персонажи Чернышевского, при постановке на сцене МХАТ трагедия А. Толстого «Царь Федор Иоаннович» роковым образом утрачивает свой трагедийный, героический статус, приобретая бытовую и низменный характер: «Когда же раздвинулся (а не ушел в небеса) серый занавес Художественного театра, я вдруг уви-

дел обыкновенных людей: царя с незначительным лицом, похожим на печеное яблоко, степенную симпатичную царицу, ее несимпатичного брата. Таких людей (только в других костюмах) я видел вокруг себя каждый день. И когда появилась М.Ф. Андреева – княжна Мстиславская, – все кругом зашептали: “Какая хорошенькая! Что за ямочки на щеках! Ах, прелесть!” Все было обыкновенно, просто, почти уютно. И я, который в трагедиях испытывал только ужас и потрясение, на этот раз понял все, что происходило между этими людьми. Но трагедии не было: она осталась в Малом театре» [8].

Таким образом, согласно автобиографическим свидетельствам Ходасевича, его самого и Гофмана в гимназический период одинаково остро интересовали сильные, властолюбивые личности, типа Ричарда III в изображении Шекспира или Годунова в изображении А. Толстого, поправшие ради своих честолюбивых целей божеские и человеческие законы. То есть у них обоих, как внушает читателю Ходасевич, заранее существовала духовная предрасположенность к восприятию подобных жизненных установок. На наш взгляд, Ходасевич внушает читателю, что именно поэтому Гофман и соответственно он сам глубоко и без внутреннего сопротивления восприняли аморальную философию «мигов» В. Брюсова, от адептов которой требовалось предпочесть обыкновенной жизни с ее традиционными моральными нормами гностическое стремление духа к воссоединению с Плеромой, необходимым условием для которого является разрушение телесной оболочки, мыслимой как «тюрьма». В другом очерке, посвященном памяти В. Гофмана «Виктор Гофман К двадцатипятилетию со дня смерти» (1925), Ходасевич показал, что именно подобная философия привела его героя в итоге к самоубийству. Что касается самого Ходасевича, то сохранилось уникальное свидетельство его восторженного приятия философии «мигов» Брюсова, легшей в основу пьесы последнего под названием «Земля» (1905). В письме А. Брюсову от 26 июня 1905 г. Ходасевич утверждал: «Драма – изумительна» [10, т. 4, с. 379]. Согласно комментарию И. Андреевой, философия «мигов» Брюсова, запечатленная в его пьесе «Земля», оказала существенное влияние на идейно-образный мир стихотворения Ходасевича «В моей стране», которым открывался его первый стихотворный сборник «Молодость» (1907): «...пьеса “Земля”, которая произвела на Ходасевича столь сильное впечатление, что в ст-нии “В моей стране” отразился и ее бессолнечный («мертвенный») колорит, и реплики: “Число рождений сокращается с каждым поколением. Женщины выкидывают, не доносив...”» (Там же, с. 602–603). Однако, как показала история духовной эволюции Ходасевича, он, в отличие от Гофмана и других подобных ему поэтов-современников, не только сумел преодолеть губительный брюсовский гностицизм, но и произвести над ним суд ради потомков, ради будущего русской культуры.

В итоге, в изображении Ходасевича, он сам и Гофман духовно встретились на поэтическом поприще: и сильнее, и глубже, чем разрушительная философия «мигов», жила в их душах святая для каждого истинного поэта заповедь божественного происхож-

дения своего искусства, сформулированная в драме В.А. Жуковского «Камознс» (1839). Об этой бес- смертной встрече со своим «братом по музе, по судь- бам» Ходасевич наиболее подробно рассказал в очер- ке «Виктор Викторович Гофман»: «Но вот, в 1902 году, весной решено было поставить целый спек- такль. В тот год исполнилось пятьдесят лет от кончи- ны Гоголя и Жуковского. Шел второй акт “Ревизора” и “Камознс”. В последнем Гофман играл самого Ка- мознса, а я Васко» [6, с. XV]. «Помню точно в како- то тумане розовом шла весна девяносто второго года. Помню и наш спектакль. Помню Гофмана в страшно “испанском” костюме (из костюмерной коршевского театра), в седом парике, с ярко-багровой чертой на лбу: это шрам, что остался от раны, которую Камознс получил при штурме Цейты... В последней сцене я стоял на коленях перед кроватью умирающего Камо- знса. Он простирал надо мною руку:

Мой сын, мой сын, будь тверд, душою не дремли
Поэзия есть Бог в святых мечтах земли.

И шуршал занавес...

Немного смешно: романовский зал на Бронной, детский спектакль, – а ведь право же, много-много всего звучало для нас в этих словах...» (Там же, с. XVI).

В очерке «Виктор Гофман К двадцатипятилетию со дня смерти» Ходасевич перенес сцену своей игры вместе с Гофманом в «Камознсе» в концовку, тем самым драматизируя изображаемую им судьбу поэта, подобную, по его замыслу, мотивами пророческого служения и связанной с ним жертвенности судьбе Муни (очерк «Муни» из «Некрополя») или Н. Гуми- лева (очерк «Гумилев и Блок» из «Некрополя»): «О смерти Гофмана я узнал в поезде, когда, едуци из Венеции в Москву, на вокзале в Ченстохове купил “Речь”. И Гофман вспомнился так отчетливо – в гим- назической куртке, а потом – в неправдоподобном “испанском” костюме, в седом парике, с накрашен- ным шрамом на лбу. Гофман полулежит в кресле, я стою перед ним на коленях. Он протягивает руку над моей головой и говорит протяжно, в нос:

Мой сын, мой сын, будь тверд, душою не дремли
Поэзия есть Бог в святых мечтах земли.

Это мы в гимназическом спектакле разыгрываем “Камознса”» [10, т. 4, с. 291].

И хотя, в изображении Ходасевича, Гофман исполняет роль истинного поэта устами Жуковского, а не своими собственными, как это происходит в случае с Муни и Гумилевым, все же, по мысли Ходасевича, «божий луч» поэзии «проник» и ему «в душу» («Ка- мознс»). Этому нашему утверждению служит руча- тельством немного наивное, но необычайно искрен- нее и теплое признание Ходасевича о тех чувствах, которыми он и Гофман были проникнуты, разыгрывая по-детски, то есть без тени иронии и совершенно все- рьез, роли «истинных» поэтов в представлении Жуковского – Лудвига Камознса и Васко де Кведо Кастель Бранка: «...а ведь право же, много-много все- го звучало для нас в этих словах...» [6, с. XVI].

После того как Ходасевич окончил гимназию, его увлечение драматическим театром перешло на про- фессиональный уровень. Его первой опубликованной литературно-критической статьёй является рецензия

на русский перевод пьесы М. Метерлинка «Чудо свя- того Антония» (1905 г.) [11, с. 23–24]. Он активно освещал новейшие пьесы современных российских драматургов: представителей товарищества «Знание» М. Горького, С. Юшкевича, Е. Чирикова (Там же, с. 31–33, 35–36); модернистов Ф. Сологуба (Там же, с. 82–85), М. Кузмина (Там же, с. 191–192), А. Реми- зова (Там же, с. 199–201); особенно много его статей было посвящено драматургии Л. Андреева (Там же, с. 41–44, 102–105).

К этому же времени относятся опыты Ходасевича по переводу на русский язык пьес зарубежных драма- тургов, – как удачные, так и не удачные. К числу пер- вых относится публикация в 1910 г. в московском частном издательстве «Польза» пьесы «Иридион», принадлежащей перу польского драматурга первой половины XIX в. С. Красинского [2]. К числу его не- удачных опытов относится документально зафикси- рованная в письме издателя К. Некрасова к Ходасеви- чу от 2 апреля 1912 г. попытка по переводу сказки Гоцци «Принцесса Турандот»: «...о Вас же много слышал от П.П. Муратова; между прочим, он расска- зывал мне о Вашей попытке переводить Гоцци и о том, что пришлось отказаться от перевода вследствие чрезвычайной его трудности» [10, т. 3, с. 520–521]. Впрочем, с другой стороны, сама эта попытка свиде- тельствует о возникновении у Ходасевича большого и не ослабевающего с годами интереса к итальянской комедии дель арте, в традиции которой написана ука- занная пьеса Гоцци. В этой связи уместно привести сообщение Дж. Мальмстада о том, что в 1913–1914 гг. Ходасевич в соавторстве с режиссером Н.А. Поповым написал интермедию «Счастливое заблуждение или выбор Пьеретты», которая была поставлена на до- машней сцене З.Г. и А.А. Рейнбот [14, с. 191]. По справедливым словам исследователя, авторство Хо- дасевича в этой пьесе «показывает, что он, подобно многим из его современников, разделял интерес к комедии дель арте» (Там же, с. 192).

Что касается деятельности Ходасевича в рассмат- риваемый период его биографии как собственно теат- рального рецензента, то на этот счет существуют раз- норечивые сведения. С одной стороны, известно сви- детельство А. Чулковой, согласно которому из всех московских драматических театров 1900–1910 гг. Ходасевич предпочитал исключительно Художе- ственный театр, да и поставленные на его сцене спек- такли посещал лишь на стадии генеральных репети- ций: «В.Ф. не любил ходить в театры и концерты, но посещал генеральные репетиции Художественного театра, в то время бывшего в полном расцвете» [12, с. 275–276]. Очевидно, что столь редкое посещение театров никак не способствует деятельности теат- рального рецензента, первой задачей которого являет- ся освещение и оценка театральных постановок. Однако этому одинокому, пусть и считающемуся ав- торитетным, свидетельству супруги Ходасевича про- тиворечит целый ряд исторических фактов, доказы- вающих его глубокую вовлеченность в московскую театральную жизнь, по крайней мере 1910-х гг. Так, известно, что в конце 1912 г. Ходасевич рассматривал рецензирование театральных постановок как один из желательных для себя видов профессиональной дея-

тельности. Когда Б. Садовской, приглашенный завести отделом литературы в газете «Русская молва», предложил ему вести московскую литературную хронику, тот в ответном письме от 23 декабря 1912 г. сразу же попытался выяснить, с позиции профессионального театрального критика, одобрит ли редакция его предложение писать в газету о драматическом театре: «И еще дело. Предстоят две-три театральных постановки, о которых стоило бы написать (пьеса Толстого и еще кое-что). Пригодится ли это “Молве” и нельзя ли прислать мне корреспондентский билет, ибо ходить в театр за деньги не в моих принципах? Есть у меня билет из “Аполлона” (старый), да в театрах мало чтут толстые журналы. Кроме того, неудобно пользоваться билетом Аполлона, а писать для Вас» [3]. В письме тому же корреспонденту от 27 декабря 1912 г. Ходасевич повторяет тот же вопрос, что может свидетельствовать о его крайней заинтересованности в положительном ответе: «Ответьте также о театре. Тут предстоит кое-что небывалое. Писать ли? Входит ли сие в “Литер. хронику”, Вами мне врученную» (Там же). Как поясняет И. Андреева в своем комментарии, Ходасевич имеет в виду, в частности, пьесу А.Н. Толстого «Насильники», которую к тому времени лишь репетировали в Малом театре, а ее премьера «ожидалась в феврале 1913 г.» [9, с. 380]. То есть Ходасевич был в курсе премьерного репертуара Малого театра и, скорее всего, также и других московских драматических театров.

Планируемое сотрудничество Ходасевича с «Русской молвой» в плане освещения московской театральной жизни не состоялось. Однако он проявил себя на этом поприще в такой популярной газете, как «Утро России». Ходасевич сообщает об этом факте своей творческой деятельности в письме Садовскому от 26 февраля 1916 г.: «Я ушел из “Русских ведомостей”, где занимаюсь литературой, когда есть свободное время. Ушел, ибо “Утро России” меня сманило. Теперь ведаю там критику стихов самодержавно и в очередь с Брюсовым пишу о театре» [3]. В самом деле, театральные рецензии Ходасевича, появившиеся в газете «Утро России», позволяют судить о нем, вопреки свидетельству Чулковой, не только как о профессионале, лишь по долгу службы вынужденном посещать спектакли различных московских драматических театров, но и как о внимательном и благодарном зрителе, глубоком знатоке и ценителе традиций этого вида искусства. В частности, уникальным культурологическим и историческим значением обладают отзывы Ходасевича на постановки Польского театра в Москве [4; 5; 13]. Принадлежащий к чрезвычайно редкому типу писателя-билингва, «изнутри» знающего зараз две культуры, Ходасевич со знанием дела судил как о литературном качестве польского репертуара, так и об игре польских актеров, оказавшихся впервые в России по объективным причинам. Некоторые из этих актеров, об игре которых Ходасевич отзывался с теплотой, впоследствии прославились как реформаторы польского театра. В этой связи следует упомянуть прежде всего имена Стефана Ярача (1883–1945) и Юлиуша Остервы (1885–1947).

Однако, несмотря на всю значительность литературно-критической, театроведческой и переводческой

деятельности Ходасевича в сфере драматического театра, наиболее тесно он сблизился с этим видом искусства, можно сказать, стал частью его, в качестве драматурга, сотрудничающего с театром-кабаре Н. Балиева «Летучая Мышь».

По словам И. Андреевой: «<...> для этого театра Ходасевич в 1913–1916 гг. писал много стихов, сценок, инсценировок, представление из которых можно получить главным образом из газетных репортажей: успехом пользовалась его пьеса “Любовь через все века” (сентябрь 1913 г.)» [10, т. 4, с. 614]. Текстов Ходасевича, как и других авторов, писавших для «Летучей мыши», не сохранилось, поскольку они были изначально рассчитаны только на импровизацию актеров и поэтому подвергались постоянной редакции, в зависимости от репертуарных нужд театра.

Сохранились различные по своему эмоциональному настрою свидетельства о характере сотрудничества Ходасевича с «Летучей Мышью». Воспоминания А. Чулковой полны светлым чувством, поскольку передают царившую во взаимоотношениях между ее мужем и коллективом театра, возглавляемого Балиевым, бескорыстную дружбу. Судя по ее словам, хотя Ходасевич был не высокого мнения об интеллектуальном уровне артистов театра, включая и самого Балиева, тем не менее, он дорожил беспечной и легкой атмосферой, которую те умели создавать во время их совместных праздников и застолий: «В.Ф. скоро свыкся с его театром и бывал там почти ежедневно то утром, то вечером. В труппе его полюбили и прозвали почему-то “Гриша”. Однажды “Гриша” пришел днем на репетицию и увидел молоденькую актрису “Верочку-тонконожку”, увлеченную чтением какой-то книжки. Она стояла, опершись локтями на рояль, и читала что-то, что ее, видимо, очень увлекало. “Что это вы читаете, Верочка, с таким увлечением?” – “Ах, оставьте, Гриша, очень интересная книга – “Дети капитана Гранта”». Он очень смеялся. Балиев с нами очень сдружился, и однажды в декабре месяце, в выходной день театра он нам позвонил по телефону и сказал: “Сегодня лето, наденьте летнее платье и приезжайте в театр”. Мы нарядились в светлые туалеты и поехали. Сцена была обращена в террасу. На одной половине ее стоял ломберный стол с подсвечниками и колпачками “от ветра”, и за ним сидели четыре актера и играли в преферанс, а на другой половине террасы стоял стол с приготовленным ужином. Молодые актеры на авансцене играли в серсо, а потом танцевали. Все были в летних платьях, и театр был сильно натоплен. Другой раз Никита Федорович Балиев праздновал день рождения; мы опять были приглашены. Балиев был в очень веселом настроении и танцевал на столе лезгинку с бокалом вина на плече. Все это было забавно, но отвлекало В.Ф. от серьезной литературной работы, и скоро ему надоел театр» [12, с. 271–272].

Однако письма самого Ходасевича, расположенные в хронологическом порядке, скорее рисуют безрадостную картину вынужденной поденщины ради куса хлеба и совершенно не содержат каких-либо мотивов беспечности и дружбы, которую, по словам Чулковой, он якобы разделял с артистами «Летучей мыши».

Письмо Ходасевича Садовскому от 27 октября 1913 г.: «Дай Бог Витольду самому так процветать, как я! Выжал из “Летучей Мыши” 3 600 целковых – и все тут. А в душу я себе наплевал на 600 тысяч. Бала-нец неутешительный. М.б., Витольду это было бы нипочем, а мне трудно... Ну, да я из Мыши ухожу. Уступаю ему или кому угодно поле действий. Да ведь у него и на это не хватит силенки, – я 2000 рифмован-ных строк отмочил. Не шутка» [3].

Письмо Садовскому от 23 февраля 1914 г. свиде-тельствует о поддержке, которую оказывал Ходасевич своему другу и литературному соратнику во время их совместного сотрудничества в «Летучей мыши»: «И еще по секрету. Получив “Ревизора” и “Горе от ума”, Никита объявил, что они столь плохи, что ставить их нельзя. Стал заказывать мне разную другую литера-туру. Я поступил так, как должен был поступить: ни-чего не написал и заставил ставить Вас. Завтра обе пьесы идут, с двух или трех репетиций, необычайно плохо, особенно “Горе от ума”: играют ужасно, осо-бенно Лиза и Фамусов. Никита за все это на меня зол – и на Вас тоже. Нет, все-таки, кажется, вся эта исто-рия не для нас с Вами. Дело в том, что в Летучке идет борьба партий. Пускается в ход даже эротика – и вот, появляется партия, требующая изгнания нас с Вами и замены нас г. Лоло и Янтаревым» (Там же). Из ком-ментария И. Андреевой следует, что имеются в виду переделки «Ревизора» и «Горе от ума» в исполнении Садовского: «...для которой [«Летучей Мыши» – В. Ч.] в 1915–1916 гг. Садовской создал множество переделок классических произведений: “Горе от ума”, “Мертвые души”, “Ревизор”, “Пиковая дама” и др. [9, с. 400].

Письмо Ходасевича Г. Чулкову от 16 апреля 1914 г.: «Отсутствия “Летучей Мыши” я пока не ощущаю денежно, но с радостью ощущаю душой: уж очень противно с ней возиться» [10, т. 4, с. 389].

Письмо Ходасевича Садовскому от 9 ноября 1914 г.: «Никаких начинаний нет. Сижу без денег (поймите намек!). Никита мрачен. Дела у него плохо-ваты. Поэтому Нюра, Гаррик и я худеем не по дням, а по часам. Я бы сам с ним разъехался, да нельзя: сразу худеть вредно» [3].

Письмо Ходасевича Г. Чулкову от 15/28 декабря 1914 г.: «“Летучая Мышь” меня извела окончательно, но я ей хоть сыт, и то хорошо» [10, т. 4, с. 392].

Письмо Ходасевича Садовскому от 26 февраля 1916 г.: «Никитин сезон кончается 2 марта, т. е. это будет последняя постановка. Новое в этом году вряд ли поставит. Советую Вам, не предлагая работы сей-час, истребовать с него денег в счет будущего. Я его почти не вижу, в будущей программе моих вещей нет. Не ссорясь, эмансипировался. Скучно там, к тому же чувствую, что в направлении, нужном “Л.М.” я просто исписался» [3].

Письмо Ходасевича Садовскому от 14 августа 1916 г. из Коктебеля: «Писал Балиеву, предлагал ему себя в обмен на золото, – молчание. Он тут водил за нос Нюру – и все. Ни работы, ни золота я не получил. Он, вероятно, надеется, что по примеру прошлых лет использует меня в Москве для экстренных работ. Увы, это ему не удастся. Не стану. В моей болезни Лет. Мышь очень повинна. Довольно» (Там же).

Письмо Ходасевича М. Волошину от 19 октября 1916 г.: «...выкроил стихотворную пьеску для “Лету-чей Мыши”» [10, т. 4, с. 406].

В некрологе «Памяти Б.А. Садовского» (1925) Ходасевич изобразил атмосферу пошлости, царив-шую в «Летучей мыши», особенно сильно проявляю-щуюся в качестве фона для высоких и трагических переживаний его героя о гибельной судьбе России: «Но как холодностью, сухостью прикрывал он доб-рое, отзывчивое дружеское сердце, так под вызываю-щей крепостнической позой прятал огромнейшую, благоговейную, порою мучительную любовь к Рос-сии. Никогда не забуду, как встретились мы однажды в “Летучей Мыши” на репетиции. Кажется, было это осенью 1916 года. Вдребезги больной, едва передви-гающий ноги, обутые в валенки (башмаков уже не мог носить), поминутно отступающий, падающий, Са-довской увел меня в едва освещенный угол пустой столовой, сел за длинный дубовый, ничем не покры-тый стол – и под звуки какой-то “Катеньки”, донося-щейся из зрительного зала, – заговорил. С болью, с отчаянием говорил о войне, со злобной ненавистью – о Николае II. И заплакал, а плачущий Садовской – не легкое и не частое зрелище! Потом утер слезы, погля-дел на меня и сказал с улыбкой:

– Это все вы Россию сгубили, проклятые либера-лы. Ну, да уж Бог с вами» [7].

На наш взгляд, в этой картине интерьер «Летучей мыши» с пронизывающей его мелодией мещанского романа поднимается Ходасевичем до уровня символа старого греховного мира, которому суждено погиб-нуть по воле Бога. Здесь для нас очевидны переключ-ки с поэмой А. Блока «Двенадцать», в которой, прав-да, Катя играет совсем другую роль.

Таким образом, если проследить работы В. Хо-дасевича, посвященные драматическому театру, нельзя не заметить, сколь важную роль в его жизни и творчестве сыграл этот вид искусства. В самом деле, и в стихах, и в мемуарах, и в художественной прозе, и в литературной критике, и в переводческой деятель-ности Ходасевича красной нитью проходит мотив его увлеченности, какой-то замороженности драматиче-ским театром. О том, насколько глубоко и проникно-венно Ходасевич его воспринял, свидетельствует и его собственное драматургическое творчество в рам-ках кабаре-театра «Летучая мышь» Н. Балиева. Октябрьская революция 1917 г. отнюдь не прервала тес-ной связи Ходасевича с драматическим театром. Как на родине, так и в эмиграции он продолжал вращаться в театральные круги, создав при этом множество приме-чательных работ, посвященных различным аспектам драматическо-театральной темы. Однако характери-стика этого периода его жизни и деятельности в аспекте театральной темы заслуживает отдельной работы.

Литература

1. Гулливер. Литературная летопись: «Нервный старик» / Гулливер // Возрождение. – 1938. – № 4129. – 29 апреля. – С. 9.
2. Красинский Сигизмунд. Иридион: [Пьеса] / Сигиз-мунд Красинский ; перевод с польского [и предисловие] Владислава Ходасевича. – Москва : «Полюза» В. Антик и К°, [1910]. – 208 с. ; 14. – (Универсальная библиотека; № 234–235).

3. Письма В. Ф. Ходасевича Б. А. Садовскому / после-словие, составитель и подготовка текста И. Андреевой. – URL: http://az.lib.ru/h/hodasevich_w_f/text_1100.shtml (дата обращения: 15.01.2024). – Текст : электронный.
4. Ходасевич Владислав. «Мечь», гр. А. Фредро (Польский театр в Москве) / Владислав Ходасевич // Утро России. – 1916. – № 63. – 3 марта. – С. 5.
5. Ходасевич Владислав. «Фантазий» («Fantazy») Ю. Словацкого (Польский театр) / Владислав Ходасевич // Утро России. – 1916. – № 83. – 23 марта. – С. 6.
6. Ходасевич, В. Ф. Виктор Викторович Гофман. (Биографический очерк.) / В. Ф. Ходасевич // Гофман Виктор. Собрание сочинений. Том I. Любовь к далекой. Рассказы. – Москва : Издание В.В. Пашуканиса, 1917. – С. XI–XXX.
7. Ходасевич, В. Ф. Памяти Б. А. Садовского / В. Ф. Ходасевич. – URL: <https://bibra.ru/composition/pamyati-b-a-sadovskogo/> (дата обращения: 15.01.2024). – Текст : электронный.
8. Ходасевич, В. Ф. Театр Станиславского / В. Ф. Ходасевич. – URL: http://az.lib.ru/h/hodasevich_w_f/text_0930.shtml (дата обращения: 15.01.2024). – Текст : электронный.
9. Ходасевич, В. Некрополь. Литература и власть. Письма Б. А. Садовскому / В. Ходасевич ; под редакцией Н. Богомолова и И. Андреевой. – Москва : СС, 1996. – 464 с.
10. Ходасевич, В. Ф. Собрание сочинений : в 4 томах / В. Ф. Ходасевич ; редактор В. П. Кочетов. – Москва : Согласие, 1996–1997.
11. Ходасевич, В. Ф. Собрание сочинений : в 8 томах / В. Ф. Ходасевич ; составитель, подготовка текста, комментарии Дж. Мальмстада и Р. Хьюза ; вступительная статья Р. Хьюза. – Москва : Русский путь, 2010. – Т. 2. Критика и публицистика (1905–1927). – 720 с.
12. Чулкова-Ходасевич, А. О Владиславе Ходасевиче / А. Чулкова-Ходасевич ; подготовка текста, комментарии, вступительная статья Дж. Миллер // Часть речи. – 1981/1982. – № 2/3. – С. 263–294.
13. W. [В. Ходасевич]. «Свадьба» (Польский театр) / В. Ходасевич // Утро России. – 1916. – № 70. – 10 марта. – С. 5.
14. Malmstad, John E. Vladislav Hodasevič in the theater / John E. Malmstad // Studies in the Life and Works of Mixail Kuzmin / Ed. by John E. Malmstad. – Wien, 1989. – P. 191–206.

V.A. Cherkasov

**KHODASEVICH–THEATER LOVER (BIOGRAPHY):
NOTES ON THE TOPIC**

The article deals with the biographical aspect of the problem «V. Khodasevich and the drama theater» before the October Revolution of 1917. Based on various historical and literary documents, a holistic picture of the critic's passion for this type of art is restored.

V.F. Khodasevich, drama as a type of literature, theater history, biographical method in literary criticism.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 821.133.1.0

5.9.6. Языки народов зарубежных стран (германские языки)

Л.М. Бузинова, В.П. Павлючук
Московский международный университет

О ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫХ ГРАНИЦАХ В НЕМЕЦКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ

В настоящей статье рассматривается пространственно-временное состояние, отраженное в литературных произведениях в период пандемии. Предлагается небольшой теоретический экскурс по вопросу реализации времени и пространства в языковой системе, характеризуется хронотоп как глубинная текстовая категория. В широком смысле это явление распространяется на все речевые проявления сопряженности двух категорий – пространства и времени – в одной точке отображаемого события.

Рассмотренные произведения немецких авторов (*Raum, Zoom, Poesie und Pandemie*) совершенно неожиданно побуждают к ряду общих и частных рассуждений. Лингвистические пространственно-временные границы в языковой картине мира носителей современного немецкого языка занимают, казалось бы, очень узкий, но весьма значимый сегмент восприятия и осознания реального мира. Паутина пространства и времени формируется согласно абстрагированным представлениям, реально существующим лишь в мышлении и манифестируемым средствами языка. Следует полагать, что общественные изменения модифицируют пространство и время. Заостряются вопросы литературного качества, то есть нормативной оценки на основе конкретных критериев, в которых вымышленное из повседневного, интеллектуальное из тривиального как бы растворяется в вездесущности текста, в медиальном и формальном разнообразии. Результаты проведенного анализа указывают на некую размытость пространственно-временных границ между реальностью и ирреальностью.

Пространство, время, хронотоп, категоризация, немецкая литература.

Изучение тандема художественного времени и пространства не теряет своей актуальности и стоит на острие лингвистических исследований [11; 14; 12; 8; 2]. Лингвистическое пространственно-временное состояние всегда связано с картиной мира носителя языка и векторно ориентировано на прошедшее и будущее. В рамках настоящей статьи рассматриваются произведения, появившиеся в период пандемии коронавируса. Актуальность исследования определяется необходимостью лингвистического анализа «нового» времени и пространства как основополагающих понятий немецкой картины мира в период пандемии. Однако в ментальном мире эти понятия могут отображаться с отклонением от объективной картины. О нарушении объективных свойств пространства и времени в художественной литературе говорит А.С. Микоян. Автор справедливо отмечает, что «всю свою историю человечество стремится преодолеть пространственно-временные границы и ограничения, правящие миром и регламентирующие жизнь людей» [10, с. 191]. Однако все попытки в этом вечном состязании человека со «стихиями» пространства и времени неспособны на нынешнем этапе развития человечества преодолеть или разрушить их всеобщие свойства: одномерность и необратимость времени, бесконечность пространства и т. п. «Все это так в реальном мире, но не так в мире, который создает вооб-

ражение человека. Даже если ограничиться лишь словесным творчеством (в том числе и словотворчеством в языке), устным и письменным, разных народов и эпох (начиная с глубокой древности), то в нем можно найти великое множество проявлений стремления человека преодолеть пространственные границы, нарушить “связь времен”, вырваться за рамки одномерности времени, победить его необратимость, в которой заключен и величайший смысл развития жизни и ее величайшая трагедия» [10, с. 191–192].

Целевая установка предполагает выявление закономерностей реализации принципов поэзии локдауна в корреляции с пространственно-временными характеристиками. Основное направление исследования базируется на способах концептуализации мира в поэзии локдауна, на особенностях языкового оформления поэзии, на участии времени и пространства в оформлении стилистических характеристик текстов. Материалом для исследования послужили произведения немецких авторов.

Нашей эстетике ближе живое общение, но время предъявляет свои требования и выдвигает новые стандарты коммуникации. Время стирает границы между часовыми поясами, сокращая расстояния... «Рассматривая с точки зрения репрезентативной функции соотношения между миром и его отражением в сознании и языке, можно полагать, что языковой мир

есть репрезентант концептуального мира, который в свою очередь репрезентирует реальный объективный мир» [5, с. 66]. Язык, литература и лирическая поэзия должны приспособляться к обстоятельствам или сознательно отличаться от них.

Категории *пространство* и *время* подвергаются трансформации под влиянием общественных изменений. Если изначально «категория пространства появляется на основе наблюдения и практического использования положения и отношения объектов друг к другу, их объема, протяженности» [9, с. 185], то сегодняшнее повседневное представление о пространстве в физическом смысле определяется высотой, длиной и шириной, которые описывают объем твердых тел, а также протяженность и расстояние. В определенной степени пространство является «вместилищем» материи и полей, в которых происходят все физические процессы. Интересна концепция социального пространства Пьера Бурдьё, которая используется для представления и анализа социальных структур и индивидуальных позиций. Социальное поле образует уровень действия, «игровое поле» в социальном пространстве, которое также используется литературой как пространство для действия. Социальная среда, социальные влияния, культурные конфликты и идиосинкразии составляют повествования, предвосхищают конфликты и влияют на индивидуальную конфигурацию персонажей, черты характера, удары судьбы во взаимодействии влияния на пространство и время [6].

Что касается времени, то мы его рассматриваем в рамках «семантической категории, отражающей восприятие и осмысление человеком времени обозначаемых ситуаций и их элементов по отношению к моменту речи говорящего или иной точке отсчета» [3, с. 5].

Одной из основных категорий, сопрягающих время и пространство в восприятии и интерпретации действительности, является *хронотоп*, своего рода «закон пространства-времени» для повествования. Российский литературовед М. Бахтин выявляет взаимную и неразрывную связь между пространством и временем в художественных текстах. Они взаимопроникают друг в друга в том пространстве, которое структурирует и измеряет хронологическое движение повествования, и, наоборот, время наполняет пространство смыслом. Дизайн мест и время повествования играют роль, прежде всего, в характеристике вовлеченных людей и представлении мировоззрения. Пространства в повествовании не случайны, а символичны, как и пространственные отношения, такие как взгляды, движения, архитектура, путешествия и т. д. Таким образом, связь между пространством и временем представляет собой образ действий и возможные действия персонажей.

Как правило, это понятие считается неотъемлемой частью любого художественного текста. Совершенно справедливо отмечает Е.А. Гончарова: «Художественный текст, представляя собой одну из наиболее совершенных словесно-речевых форм системного отражения бытия и сознания человека, обнаруживает многомерные и разнонаправленные структурно-смысловые отношения между универсалиями Человек – Время – Пространство» [7, с. 40–41]. Понятием хронотопа связывается установление даты реальных событий, имевших

место в действительности, которые представлены в каком-либо письменном документе, чаще всего в литературном произведении. При этом хронологизация событий осуществляется на основе анализа географических реалий, представленных лексикой текста (топонимами), в контексте исторически засвидетельствованных фактов [13, с. 73]. Согласно М.М. Бахтину, «хронотоп в произведении всегда включает в себя ценностный момент... Все временно-пространственные определения в искусстве и литературе неотделимы друг от друга и всегда эмоционально окрашены» [3, с. 391]. Можно сказать, что хронотоп повествования является одновременно «картой» и «временной шкалой» повествования, и сочетание обоих измерений характерно для определенных литературных жанров: приключенческие романы растягивают или собирают пространство, превращая его в гибкую форму представления, тогда как романы, ориентированные на биографию, должны соответствовать временным и пространственным условиям в мире.

В нарративных исследованиях к хронотопам часто относят определенные символические места, имеющие условные функции, такие как порог, врата (для встречи, прощания), суд (для решительности, суждения), путь (для жизни, путешествия), дом, изгнание, пейзаж, место преступления, река, остров, корабль, маяк, город, крепость, дом, сцена и т. д. Все они посредством своей условности сообщают читателю определенные оппозиции и внутрисюжетные процессы, управляют сюжетом и временем и тем самым становятся элементами, несущими и структурирующими смысл.

Ориентация субъекта в пространстве и времени служит для структурирования окружающей среды и определения в ней самого себя. Субъект связан с паутиной пространства и времени и должен найти свой путь в ней. Эту сеть можно испытать в реальной жизни, а также можно найти в повседневном языке: один говорит о техническом прогрессе, то есть о движении во времени с определенной точки зрения, сравнивает его с прошлым или будущим состоянием и, таким образом, определяет местонахождение рассматриваемых фактов в одно время. Эти языковые локализации находят свое отражение в самоопределениях общества как локализации во времени и пространстве.

Говоря о пространстве и времени, точнее о языке в этих измерениях, следует проводить концептуальные разграничения, чтобы сделать их более четко видимыми в настоящем.

В своем небольшом стихотворении «Raum» Р. Ауслендер, немецкая поэтесса XX в. еврейского происхождения, облачает поэзию в метафорически определенное пространство, приписывая пространственные качества самой поэме. Интересен тот факт, что лексема *Raum* довольно многозначна и обозначает пространство как в дифференцированном, так и недифференцированном виде «sich drei dimension als ausgedehnter Platz, Weite, Zimmer, nicht genau begrenztes geographisches Gebiet, Weltall» [15, с. 1381]. В древневерхненемецком слово отмечено XI в. в форме «gūm». В средневерхненемецком эта форма модифицируется, сосуществуя с «gūn, roum» в значении «Raum, Platz zu freier Bewegung oder Aufenthalt», а также «was weg zuräumen ist, Kehrlicht». Наблюдается, что через одну из форм этого слова в раннем языке

отображается сопряженность пространства и времени. В узком сочетании с двумя существительными сохраняется адъектив *geraum*: *eine geraume (längere) Zeit, eine geraume Weile*. Это прилагательное зафиксировано в древневерхненемецком в VIII в. в форме *gîrûmi* «weit» [15, с. 1381].

Способ манифестации лингвистического пространственного состояния имеет национальную специфику, обратимся к стихотворению Р. Ауслендер.

Raum

Noch ist Raum für ein Gedicht
Noch ist das Gedicht ein Raum
Wo man atmen kann [20].

Здесь пространственно-временная утопия оформлена почти в формальной манере, в которой слово и его интерпретация поэтически все еще осязаемы. «Дышащее» пространство, в котором говорящее «я» может существовать, осознавать свою человечность в поэзии и, следовательно, свои экзистенциальные потребности. Лирико-сжатый язык как постоянная органическая необходимость, которая «все еще» в данном пространстве, но сталкивается с различными опасностями и поэтому никоим образом не может считаться само собой разумеющимся и видится навсегда как естественная данность.

Рассмотрим стихотворение «Zoom» К. Hůrková, которое лирически отражает период пандемии [17].

Zoom

Nie habe ich in so viele
fremde Zimmer hineingeschaut
wie in letzter Zeit
Bücher gesehen, die andere lesen
Betten erblickt, in denen andere schlafen
Landschaften besucht hinter anderen Fenstern
Auf meinem Bildschirm ein-
und heruntergeladen
erschieden Schülerinnen und Schüler
schüchtern lächelnd mit verschlafenen Augen
Sie sahen Bilder an meinen Wänden
meine Kaffeetasse, mein
ungeschminktes Dasein
Ich habe mich in das Haus meiner Freundin
in New Jersey gebeamt ihr beinah geholfen,
Umzugskartons auszapacken
Ich betrat ihren verschneiten Garten
An meinem Geburtstag habe ich
mit meiner Schwester in Brünn Wein getrunken
Lachen geteilt von Laptop zu Laptop
sogar mit ihren beiden Meerschweinchen
Seltsam, wie sich unsere Astralkörper
im virtuellen Raum umarmen
Wie glücklich sie sein können
Auch ohne uns.

Это стихотворение можно отнести к недавно возникшему литературному жанру, так называемой «лирике локдауна», то есть текстам, созданным во время пандемии коронавируса, в которых рассматриваются последствия контрмер, изменения в повседневной жизни, ограничения, одиночество, страхи, заботы и трудности, а также странности и абсурды того периода. Стихотворение начинается с лексемы *nie* (никогда),

выражающей категорию времени. Никогда еще не было такой ситуации, как в период пандемии, когда люди не могли покинуть свой дом и определенное время должны были находиться в изоляции от всего мира. Но в то же время существовало общение между людьми, но оно было иным. Неслучайно произведение называется «Zoom». Данная номинация с некоторого времени не вызывает вопросов, всем известно, что это программа, которая организует онлайн-встречи пользователей, видеоконференции, групповые чаты, аудиозвонки. Один щелчок мышки... И на экране компьютера появляются ученики, ученицы, смущенно улыбаясь, с заспанными глазами, как бы стерлись границы, автор, находясь у себя дома, видит множество чужих комнат, чем занимаются там люди, какие они читают книги, где они спят. Теперь нет необходимости присутствовать лично, можно виртуально быть на занятии, в гостях в доме своей подруги, в Нью Джерси, далеко от своего дома. И это все так реально, что создается иллюзия, что в следующую секунду можно распаковать коробки по ту сторону экрана, зайти в заснеженный сад. Реальный и виртуальный миры становятся все ближе друг другу. Время стирает границы, исчезают понятия времени и пространства в привычном понимании. И вот уже можно общаться на расстоянии, трудно отличить реальный мир от виртуального, выпить бокал вина с сестрой в свой день рождения, преодолевая одиночество и расстояние. В завершении автор рассуждает о встрече двух астральных тел, перенося нас уже в метафизическую реальность, за пределы реального пространства и времени (*Seltsam, wie sich unsere Astralkörper im virtuellen Raum umarmen*). Странно, как наши астральные тела обнимаются в виртуальном пространстве, они могут быть счастливы и без нас. Что хочет сказать нам поэт? Способен ли автор отличить реальный мир от виртуального? Топографическое ограничение на домашнюю среду было встречено виртуальным стиранием границ, ограничение контактов – социальными сетями, домашним офисом и домашним обучением. Время растянулось на кажущуюся бесконечность, человек жаждал скачка во времени до такой степени, чтобы контроль над вирусными опасностями позволил вернуться к нормальной жизни.

Во времена коронавируса преодолеваются межличностные расстояния с помощью цифровых средств общения: социальных сетей, веб-конференций, учебных платформ, цифрового обучения, домашнего обучения, домашнего офиса. Центральной смысловой нитью приведенных дискурсивных эпизодов является тактическая ориентация на сопоставление, поиск общих черт, выдвигание обобщающих идей [4, с. 90]. Это заставляет осознать, что не только мир может проходить через экран, телевидение и Интернет в соборной гостинице, но мы также можем общаться, обмениваться идеями, видеть и слышать друг друга, несмотря на запреты контактов, хотя это не может полностью заменить личные встречи, непосредственный разговор. Из-за пандемии наша повседневная жизнь меняется внезапно и, вероятно, навсегда. Остается посмотреть, насколько эффективно мы справляемся с межличностными контактами, с нашей потребностью в близости. В любом случае это окажет влия-

ние на литературу, которую еще предстоит написать, а лирика локдауна – это только начало.

С философской точки зрения время описывает прогресс настоящего, исходящего из прошлого и ведущего в будущее. Этот феномен также известен как поток времени. Кажущийся поток рассматривается многими физиками и философами как субъективное явление или даже как иллюзия. Предполагается, что он очень тесно связан с феноменом сознания, не поддается физическому описанию или даже объяснению и поэтому является одной из великих загадок естествознания и философии. «Вся современная литература – это гораздо меньшие тексты, которые формируют наш сегодняшний день: короткие сообщения и коммерческие сообщения, обмены и рекламные фильмы, которые мы подбираем и изменяем, чтобы пересылать их, публиковать, «твитнуть». В непрерывно повторяющемся цикле чтения, письма и перечитывания этих частиц возникает литература, поэтику которой <...> разрабатывает Хольгер Шульце» [16, с. 65].

В начале пандемии в Германии в основном появлялись поэтические форумы, блоги, посвященные этому периоду, где литераторы могли опубликовать свои произведения, выразить свои заботы, трудности и надежды в стихах, оказать поддержку в это время читателям. В этот период появляется онлайн-сборник стихов «Lockdown Lyric» [19]. Параллельно выходит сборник стихов немецкой поэтессы Сафи Кан с почти аллитерационным названием «Поэзия и пандемия» по одноименному стихотворению. Ограничиваясь рамками статьи, приведем небольшой отрывок.

Poesie und Pandemie

Wir haben in diesem Jahr gelernt
wie man sich die Hände wäscht
Wir haben in diesem Jahr gelernt
was wichtig ist
nämlich die einfachsten, simplen Dinge
wie Mehl, Salz, Zucker, Seife
Natron, eine gute Handcreme
Essig, Kolonya
die Anwesenheit von Familienmitgliedern
die Stimme am anderen Ende der Leitung
Vitamine für die Abwehrkräfte
und das Einatmen frischer Luft... [18, с. 26].

«Мы научились в этом году» – самое распространенное начало строфы. Иногда также со словами: «vielleicht gelernt», «hoffentlich verstanden», «zu verstehen bekommen», «hoffentlich und endlich gelernt» «может быть, узнал», «надеюсь, понял», «разобрался», «надеюсь и наконец, научился» и другие. В первой части стихотворения «Поэзия и пандемия» приблизительно сорок раз повторяется фраза «Мы научились в этом году», сочетаясь со все новым, иногда повторяемым, содержанием. Это предложение характеризует поэзию Кан. Его можно читать как закливание: предложение повторяется так часто, что в конце концов возникает сомнение, действительно ли мы научились?

Увлечательным образом поэтесса сочетает повседневные переживания, такие как мытье рук, с политическими взглядами на массовое производство и по-

требление. Она цитирует сообщения прессы, которые связывают стихотворение с реальностью, с категориями пространства и времени, которые пробуждают воспоминания об определенных инцидентах. Она широко трактует термин «пандемия», включая сюда не только пандемию с «медицинскими показаниями» Covid-19, но и другие пандемии в мире, такие как дискриминация, расизм, депривация женщин и т. д. Сафи Кан оглядывается назад, размышляет о том, как пандемия изменила мир и людей. Продолжая поднимать этот вопрос, она тем самым указывает на тот факт, что еще ничего не завершено. Неустанно указывает на страдания каждого человека. Согласно последней строке стихотворения, все и каждый «находятся в состоянии пандемии», и «чрезвычайное положение наступает в одночасье, без предупреждения, внезапно и может вернуться в любое время (dass der Notstand über Nacht kommt, unangemeldet, plötzlich da ist). Субъект связан с паутиной пространства и времени и должен найти свой путь в ней. При этом стихотворение не погружается в безнадежность. Но это дает понять, что еще многое предстоит понять и многое предстоит изменить. Модифицируются категории пространства и времени.

В основных уравнениях теории относительности А. Эйнштейна время и пространство кажутся почти полностью эквивалентными и поэтому могут быть объединены в четырехмерное пространство-время. Упомянутые релятивистские эффекты, в принципе, можно интерпретировать как путешествие во времени. Насколько, в принципе, возможны путешествия в прошлое из-за искривления пространства-времени и других явлений, окончательно не выяснено. Но с момента своего открытия они послужили материалом для литературной «научной фантастики».

Аналогично пространственному стиранию границ мы также имеем дело с временным. Под этим часто подразумевается стирание границ между трудовой деятельностью и личной жизнью. В домашнем офисе пространственно-временные сферы стираются между профессиональным и личным. Биоритмы также не остаются нетронутыми. Мы потенциально доступны для всех в любом месте и в любое время, благодаря использованию средств массовой информации мы становимся рабами наших постоянных потребностей в обмене информацией.

Возникают вопросы литературного качества, то есть нормативной оценки на основе конкретных критериев, в которых вымышленное из повседневного, интеллектуальное из тривиального как бы растворяется в вездесущности текста, в медиальном и формальном разнообразии. Это также делает устаревшими общие термины, которые больше не могут отдавать должное этому разнообразию. Потому что современная литература возводит в конечном счете стирание границ с точки зрения содержания, формы, языка и средств массовой информации до принципа.

Это включает в себя явления изменений от больших, сложных форм к более мелким, но также и очень сложные ссылки на разные средства массовой информации, цитаты, коллажи, монтажи, надписи, которые требуют исторических знаний при чтении литературы, чтобы их можно было оценить. От описания жен-

ского туалета до нескольких тысяч страниц романов, от поста в WhatsApp до графического романа, от экранизации до ролевой игры на компьютере – сегодня литература может быть отсортирована по знакомым категориям и требует новых типологий и классификации. По аналогии с литературой литературоведение также стирает границы и давно превратилось во всеобъемлющую культурологию, которая ищет адекватные термины и методы для понимания.

Литература

1. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского [Текст] / М. М. Бахтин. – 4-е изд. – Москва : Советская Россия, 1979. – 318 с.
2. Бахтин, М. М. Формы времени и хронотопа в романе / М. М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики [Текст] : Исследования разных лет / М. Бахтин. – Москва: Художественная литература, 1975. – С. 234–407.
3. Бондарко, А. В. Теория функциональной грамматики : Темпоральность. Модальность / [А. В. Бондарко, Е. И. Беляева, Л. А. Бирюлин и др.; редколлегия: А. В. Бондарко (ответственный редактор) и др.] ; АН СССР, Институт языкознания. – Ленинград : Наука : Ленингр. отд-ние, 1990. – 262 с.
4. Бузинова, Л. М. Языковая идентичность: российский и немецкий преподаватель : монография / Л. М. Бузинова. – Москва : Спутник+, 2020. – 223 с.
5. Бузинова, Л. М. Концепты «ДУША» и «СУДЬБА» в русской лингвокультуре / Л. М. Бузинова // Вестник славянских культур. – 2019. – Т. 52. – С. 65–72.
6. Бурдые, П. Социология политики / П. Бурдые ; перевод с французского Н. А. Шматко ; составитель, общая редакция и предисловие Н. А. Шматко. – Москва : Socio-Logos, 1993. – URL: http://bourdieu.narod.ru/sp/PB_SP_espace_physique.htm (дата обращения: 20.12.2022). – Текст : электронный.
7. Гончарова, Е. А. Антропоцентризм хронотопа как концептуальная основа художественного текста / Е. А. Гончарова // Категоризация мира: пространство и время / Материалы научной конференции. – Москва : Диалог-МГУ, 1997. – С. 40–43.
8. Кубрякова, Е. С. Категоризация мира: пространство и время (вступительное слово) / Е. С. Кубрякова // Категоризация мира: пространство и время. Материалы научной конференции. – Москва : МГУ. 1997. – С. 3–14.
9. Материалистическая диалектика. В 5 томах. Том I. Объективная диалектика / под общей редакцией Ф. В. Константинова и В. Г. Марахова ; ответственный редактор Ф. Ф. Вяккерев. – Москва : Мысль, 1981. – 374 с.
10. Микоян, А. С. Нарушение объективных свойств пространства и времени как литературно-художественный прием / А. С. Микоян // Категоризация мира: пространство и время : материалы научной конференции. – Москва, 1997. – С. 190–193.
11. Свидерский, В. И. Пространство и время [Текст] : Философский очерк / В. П. Свидерский. – Москва : Госполитиздат, 1958. – 200 с.
12. Чудинов, Э. М. Пространство и время в современной физике [Текст] / Э. М. Чудинов, доктор философских наук. – Москва : Знание, 1969. – 47 с.
13. Шама, И. Н. К вопросу о хронотопе «страшной местности» Н. В. Гоголя / И. Н. Шама // Культурологічний вісник: Науково-теоретичний щорічник Нижньої Наддніпрянщини. – Запоріжжя, 1995. – С. 73–75.
14. Штейнман, Р. Я. Пространство и время [Текст] / Р. Я. Штейнман. – Москва : Физматгиз, 1962. – 240 с.
15. Etymologisches Wörterbuch des Deutschen : Bd. 1-3 / W. Pfeifer ; Akademie der Wissenschaften der DDR, Zentralinstitut für Sprachwissenschaft. – Berlin : Akademie-Verlag, 1989. – 2093 S.
16. Schulze, H. Ubiquitäre Literatur. Eine Partikelpoetik. (Fröhliche Wissenschaft) Matthes & Seitz / H. Schulze. – Berlin, 2020. – 189 S.
17. Hürková, K. Licht in der Manteltasche. Gedichte / K. Hürková. – URL: <https://dasgedichtblog.de/> (дата обращения: 10.12.2022). – Текст : электронный.
18. Can, Safiye. Poesie und Pandemie / Safiye Can. – Wallstein, Göttingen, 2021. – 98 S.
19. Dasgedichtblog.de. – URL: <https://dasgedichtblog.de/> (дата обращения: 08.04.2024). – Текст : электронный.
20. Ausländer, R. Raum. Gedichte / R. Ausländer. – URL: <https://dasgedichtblog.de/> (дата обращения: 10.12.2022). – Текст : электронный.

L.M. Buzinova, V.P.Pavlyuchuk

SPACE-TIME BOUNDARIES IN GERMAN ARTISTIC DISCOURSE IN THE PANDEMIC PERIOD

This article is devoted to the description of the spatiotemporal linguistic state released in German literature. A small theoretical digression on the implementation of time and space in the language system is presented, a chronotope is characterized as a deep text category. In a broad sense, this phenomenon applies to all speech manifestations of the conjugation of two categories – space and time – at one point of the displayed event.

The reviewed works by German authors (*Raum, Zoom, Poesie und Pandemie*) unexpectedly encourage a number of general and special discussions. The linguistic spatiotemporal boundaries in the linguistic picture of the world of German native speakers take a small, but very significant part of the perception and awareness of the real world. The system of space and time is formed according to an abstracted representation that really exists only in the mind and is manifested by means of language. That is why the linguistic spatiotemporal state is extremely important in terms of processing information accumulated in the past experience of both the collective and individual native speaker, in predicting the possible development of events in the future. It should be assumed that these categories of mental activity along with the perception of current events and a phenomenon of reality determine the content of human consciousness and the structure of their mental activity. However, it should be assumed that social changes modify space and time, tending to erase boundaries. The article touches upon the issues of literary quality, that is, the normative evaluation based on specific criteria. The analysis reveals certain blurring of the spatiotemporal boundaries between real and unreal.

Space, time, chronotope, categorization, modern German literature.

*О.А. Бурсина**Вологодский государственный университет*

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОКРАЩЕНИЙ-НЕОЛОГИЗМОВ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В рамках исследования сокращений-неологизмов английского языка автор приходит к выводу о продуктивности сокращения как способа словообразования. В работе подробно проанализированы структурные модели сокращений, вошедших в Оксфордский учебный словарь английского языка в 2020–2023 гг., их значение, понятийно-тематические сферы употребления.

Неологизм, сокращенное слово, структурная модель, семантика, продуктивность.

Сокращение как способ словообразования не только характерен для многих языков, но является современным актуальным и продуктивным способом пополнения словаря. К.В. Манерова исследует причины популярности редукции и возможные семантические модификации у сокращений в современном немецком языке [8]. Л.В. Эрстлинг рассматривает механизмы телескопии во французском языке [10]. По наблюдениям Т.В. Максимовой «отличительной особенностью словарного состава современного английского языка является существование большого количества сокращенных слов» [7].

Неопровержимо утверждение о том, что разного рода сокращения являются незаменимым способом экономии места, времени, усилий и языковых средств. Употребление сокращений в письменной и устной речи позволяет за более короткий промежуток времени написать или произнести сокращенную лексическую единицу, потратив при этом меньшее количество материалов, времени и усилий со стороны пишущего или говорящего. Лингвистическая экономия кроется в удобстве использования сокращенных слов вместо слов, образованных аффиксальным способом, сложных слов, а также соответствующих сочетаний слов, причастных оборотов, приложений, придаточных предложений, со свойственными им пунктуацией и наличием служебных слов. Тем самым любого рода экономия противостоит избыточности, которая зачастую является непозволительной роскошью в современном обществе с его постоянным запросом на информацию, быстрым темпом распространения и усвоения знания, бесконечной коммуникацией во всевозможных режимах.

По мнению М.К. Махмудовой, расцвет сокращений в языковых системах приходится на XX век [9]. Действительно, это эпоха двух мировых войн, холодной войны и противостояния двух военно-политических и экономических блоков, огромных достижений мировой науки и техники, общественно-социальных сдвигов. М.Я. Блох и Т.С. Сергеева отмечают, что сокращения, будучи продуктивным способом словообразования,

играют немаловажную роль в развитии современной культуры и общественно-государственной жизни современных наций [4]. Вероятно, под «общественно-государственной жизнью современных наций» авторы понимают широкий спектр областей деятельности человека, будь то экономика, политика, научно-технический прогресс, образование, медицина, экология, спорт и т.д. На основании пережитых потрясений первых 23 лет XXI века, а также прогнозов на несколько десятилетий вперед, касающихся новых технических и технологических революций и их последствий для человечества, можно с уверенностью утверждать, что период бурного роста сокращений определенно не закончился в прошлом веке, и данный тип словообразования в языках продолжает оставаться продуктивным.

Диалектическая связь языка и общества неоспорима, они не могут существовать изолированно [5]. На примере сокращений-неологизмов в английском языке, очевидно, что в развитии языка лингвистические и экстралингвистические факторы играют важную роль, являясь взаимодополняющими инструментами, как в свою очередь язык и общество, тесно сосуществующие и неразрывно связанные друг с другом. Актуальность данного исследования определяется тем, что современный период жизни человечества характеризуется как некий переходный этап, когда мы наблюдаем трансформацию темпов развития человечества, внедряем качественно новые технологии, которые безвозвратно меняют привычную сложившуюся картину мира и образ жизни. Возможно, данные глобальные изменения не являются очевидными и приоритетными для большинства людей, однако исследования человеческого ДНК, новые методы и технологии разворачивания и ведения вооруженных конфликтов, исследование нейронных сетей и возможностей искусственного интеллекта являются неопровержимым доказательством того, что мы совершаем огромный шаг в своем развитии. Язык в свою очередь быстро реагирует на изменения и потребности общества, активизируя наиболее продуктивные и

соответствующие целям средства для описания современной действительности. Цель данного исследования – проследить тенденции влияния экстралингвистических факторов на появление неологизмов-сокращений в тех случаях, где они являются релевантными, и определить семантические и структурные особенности сокращений-неологизмов в современном английском языке. В работе проанализированы 75 сокращений-неологизмов, зафиксированные в период с мая 2020 по сентябрь 2023 в электронном онлайн-словаре Oxford Advanced Learner's Dictionary.

В процессе изучения трудов И.В. Арнольд, Г.Б. Антрушиной, О.В. Афанасьевой, Н.Н. Морозовой, Т.В. Максимовой, О.Ф. Бусаровой, С.О. Бариновой и др. исследователей данной проблемы приходим к выводу, что среди лингвистов до настоящего времени нет единого мнения относительно терминологического аппарата и типологии сокращений. В данной работе придерживаемся общепринятых терминов, используемых в лексикологической традиции германистики. В качестве общего родового термина используем термин *сокращение*. Тщательно исследовав известные классификации сокращений таких ученых, как И.В. Арнольд, С.О. Баринова и других лингвистов, представляется логичным и удобным придерживаться общепринятой классификации лексических сокращений, выделяя среди них следующие большие группы: слоговые, сложнослоговые и инициальные сокращения. Классификацией удобно пользоваться при подробном анализе лексических сокращений, она помогает получить детальную, последовательную и логичную картину структуры и семантики сокращений-неологизмов.

Самой многочисленной группой среди отобранного материала является группа инициальных сокращений (56 единиц). Среди них 30 аббревиатур: сокращение каждого элемента сложного слова или словосочетания до инициальной буквы, каждая буква имеет алфавитное прочтение, например, *AGV* – *autonomous guided vehicle*, *AQI* – *air quality index*, *BRT* – *bus rapid transit*. Данные примеры представляют собой самую распространенную модель образования аббревиатур – сокращение корней трехкомпонентного начального слова/словосочетания (17 единиц). За исследуемый период находим 2 аббревиатуры, созданные путем сокращения корней четырехкомпонентного слова/словосочетания, *ALPR* – *automatic license plate recognition*, *ANPR* – *automatic number plate recognition*. Численный перевес трехбуквенных аббревиатур доказывает, что они наиболее удобны в использовании и действительно отвечают одному из главных требований сокращений – экономии усилий при произношении и написании.

Однако 4 аббревиатуры образованы по другой модели: сокращение префикса/постфикса и корня слова до начальной буквы, например, *to KO* – *to knockout*, *DQ* – *disqualification*, *MFA* – *multi-factor authentication*, *NFT* – *non-fungible token*. Два последних примера усложнены тем, что наряду с сокращением префикса происходит сокращение каждого корневого элемента сложного слова, что приводит к аббревиатуре, состоящей из 3 букв.

Интересно появление 3 многобуквенных аббревиатур, образованных путем сокращения словосочета-

ний. В октябре 2020 Оксфордский учебный словарь включает в корпус сразу две единицы: *LGBTQI* – *lesbian, gay, bisexual, transgender, queer (or questioning) and intersex*, *LGBTQIA* – *lesbian, gay, bisexual, transgender, queer (or questioning), intersex and asexual (or allies)*. В сентябре 2023 вводится еще одна аббревиатура *LGBTQIA+* – *lesbian, gay, bisexual, transgender, queer (or questioning), intersex, asexual (or allies)*, знак + расшифровывается Оксфордским учебным словарем следующим образом – *and other kinds of identity that are not described by these names*. Небуквенный математический символ +, входящий в состав аббревиатуры, имеет свое семантическое значение, дополняющее значение всей буквенной аббревиатуры. На наш взгляд, этот символ является универсальным средством, которое не позволит данной аббревиатуре усложниться и дополниться еще какими-либо буквами в последующие годы.

Еще одна модель создания аббревиатур представляет собой сокращение двухкомпонентного словосочетания, элементы которого соединяются союзом/предлогом. В данном исследовании выявлено 3 подобные единицы: *Ts and Cs* – *terms and conditions*, *Q and A (Q & A)* – *question and answer*, *IoT* – *internet of things*. Примеры показывают, что союз *and* не подлежит сокращению, прочитывается в устной речи, однако, может быть заменен соответствующим графическим символом (амперсанд) на письме. Что касается аббревиатуры *IoT*, она является примером того, что предлог *of* также может сокращаться до инициальной буквы как на письме, так и в устной речи. Особенностью его сокращения является использование строчной буквы вместо прописной, что вполне закономерно и удобно для распознавания и использования аббревиатуры. Что касается сфер употребления исследуемых аббревиатур, то они употребляются в технических сферах (транспорт, компьютерные технологии, строительство), экономике и бизнесе, экологии, медицине, моде, спорте, а также затрагивают проблемы развития современной личности в обществе.

Наряду с аббревиатурами среди инициальных сокращений было обнаружено 8 акронимов. Акроним представляет собой разновидность буквенной аббревиатуры, которая читается как слово, т.е. в соответствии с правилами чтения того или иного языка, а не отдельными буквами. В следующих акронимах каждый элемент сложного слова/словосочетания сокращен до начальной буквы: *SPAC* [*spæk*] – *special purpose acquisition company*, *HIIT* [*hit*] – *high-intensity interval training*, *BRICS* [*briks*] – *Brazil, Russia, India, China, South Africa*. В тех случаях, когда сокращению подвергается структура, содержащая служебные слова (предлоги, союзы и т.д.), последние также сокращаются до начальной буквы, неопределенный артикль *a* соответственно остается в неизменном виде, например, *GOAT* [*gəʊt*] – *greatest of all time*, *SaaS* [*sæs*] – *software as a service*, *JOMO* [*dʒəʊməʊ*] – *joy of missing out*. Из приведенных примеров следует, что на письме сокращенные служебные слова могут быть написаны как строчными, так и прописными буквами. Однако данная модель сокращения служебных слов не универсальна, так в примере *VIPOC* [*'bapɒk*] – *black, indigenous and people of colour* видим, что в от-

личие от предлога *of*, который вошел в акроним в сокращенном виде, союз *and* не входит в состав соответствующего акронима. В целом, проанализированные акронимы представляют собой ряд из 4–5 инициальных букв, гласных и согласных, оформленных в один закрытый, реже в два (открытый и закрытый) слога, что связано со словообразовательной спецификой английского языка, в котором наиболее продуктивным является закрытый слог, в устной речи состоящий из трех компонентов (звуков), в письменной – из трех-четырех букв.

Довольно уникальным является еще один акроним, который вошел в корпус Оксфордского учебного словаря в октябре 2020 года – *Mx* [*mʌks*] or [*mæks*] – *a title that comes before somebody's family name or before their first and family names together, used by people who wish to avoid saying whether they are male or female*. В разделе словаря *Word Origin* находим следующее пояснение о возникновении этого сокращения – 1970s: apparently from *M* (as in *Mr, Mrs, Ms, etc.*) + *x*, probably denoting an unknown or variable factor or quantity. Таким образом, акроним *Mx* возник на базе общего компонента уже существующих сокращений, не указывающего на мужской/женский пол (*M*), оформленного конечным компонентом *-x* с традиционным семантическим значением во многих дисциплинах и областях, например в математике, литературе и т.д.: переменная, непостоянная величина, неизвестное значение, неизвестный объект.

Достаточно большую группу (17 единиц) среди инициальных сокращений занимают инициально-словные сокращения, представляющие собой комбинацию инициальной аббревиатуры и полного слова. Одна из моделей образования инициально-словных сокращений – это сокращение всех компонентов сложного слова/словосочетания до начальной буквы и сохранение последнего компонента в полной форме, например, *R number* – *reproduction number*, *EV charger* – *electric vehicle charger*, *MLK Day* – *Martin Luther King Day*, *PCR test* – *polymerase chain reaction test*. В сокращениях начальные буквы читаются по типу аббревиатур, т.е. имеют алфавитное чтение, графически они представлены прописными буквами.

Следующая модель инициально-словных сокращений – это сокращение первого компонента двухкомпонентных сложных слов/словосочетаний до начальной буквы и сохранение второго компонента в полной форме, например, *e-payment* – *electronic payment*, *e-wallet* – *electronic wallet*, *e-sport* – *electronic sports*, *e-ink* – *a way of presenting text on the screen of an electronic device, typically used in e-readers*, *e-liquid* – *a liquid with a pleasant taste and containing nicotine that is used in a vape (= an electronic device used instead of a cigarette, for taking vapour into the lungs rather than smoke)*, *e-scooter* – *a vehicle, powered by an electric motor, with two or three small wheels attached to a narrow board with a handle that rises straight up at the front, the person riding it holds the handle and stands on the board*, *K-beauty* – *beauty products from South Korea*, *K-drama* – *South Korean TV drama series*, *K-pop* – *pop music from South Korea*.

За исследуемый период обнаружены 9 сокращений по вышеописанной модели: 6 сокращений с ком-

понентом *e-* и 3 сокращения с компонентом *K-*. В Оксфордском учебном словаре находим соответствующие словарные статьи для данных приставок: *e-* (*combining form*) – *from electronic, connected with the use of electronic communication, especially the internet, for sending information, doing business, etc.*; *K-* (*prefix*) – *relating to South Korea and its popular culture*. Приставка *K-* вошла в словарь в августе 2022, приставка *e-* вошла в словарь до исследуемого периода, обе приставки продуктивны в современном языке в силу экстралингвистических предпосылок. Во-первых, в настоящее время мы наблюдаем социально-культурный феномен стремительного распространения корейской культуры во всем мире. Причины успеха корейского продукта не только в азиатских странах, но и на российском и западном рынках кроются не только в привлекательности и позитивности корейской музыки и культурных традиций, но и в умелой тактике и экономике создания и продвижения конечного продукта. Английский язык наиболее оптимально отреагировал на потребность называния явлений, связанных с корейской культурой, приставка *K-* будет продуктивна по мере пополнения словаря новыми наименованиями, т.к. она удобна и экономична в использовании, прозрачна и понятна в плане ее семантического значения. Что касается приставки *e-*, то она также оптимально отражает реалии современного мира, когда происходит сдвиг парадигм и многие аспекты жизни человека переносятся в сферу новых технологий и глобальной сети Интернет.

Особый интерес представляет собой структура инициально-словного сокращения *C-suite* – *the senior executives of a company, for example the CEO, CFO, etc.*, т.к. его первый компонент представляет собой начальную букву-общий компонент перечисленных в дефиниции аббревиатур. В разделе словаря *Word Origin* находим следующее пояснение о возникновении этого сокращения – 1990s: from *C* (in *CEO, CFO* and similar executive titles) + *suite*. При анализе семантики компонентов данного сокращения его значение также становится очевидным и закономерным. Начальный компонент *C-* означает *Chief* – *highest in rank*. *Suite* – многозначное слово, Оксфордский учебный словарь приводит 4 значения: 1) a set of rooms, especially in a hotel; 2) a set of matching pieces of furniture; 3) a piece of music made up of three or more related parts, for example pieces from an; 4) a set of related computer programs. Прямого искомого значения слова, используемого в составе сокращенной единицы, не обнаруживаем, однако отметим, что общим компонентом значения является a set of, three or more related parts (набор, группа, круг лиц, три или более соотносящиеся части, единицы). Таким образом, именно данный компонент значения составляет вторую часть семантики инициально-словного сокращения *C-suite* (высшее руководство, руководители высшего звена).

Среди инициальных сокращений также находим 1 пример инициально-словных сокращений, которые являются комбинацией сокращения компонентов сложного слова/словосочетания до начальной буквы и до начального слога. Например, в сокращении *nCoV* [*enkəʊ'viː*] – *new (or novel) Corona Virus* буквы *n, V* являются инициальным сокращением слов *new* (or

novel) и Virus, однако слово Corona сокращено до первого слога, а не буквы.

Среди инициальных сокращений следует отметить сокращение SARS-CoV-2 [*sa:z kəʊ.vi: 'tu:*] – *Severe Acute Respiratory Syndrome Coronavirus 2*, поскольку оно сочетает в своей структуре акроним, инициально-слоговое сокращение и содержит числительное; графически все три компонента написаны через дефис, начальные буквы – строчные.

Слоговые сокращения представлены относительно небольшой группой – 11 единиц, среди них не выявлено случаев афферезы и синкопы, однако выявлено 9 случаев апокопы, т.е. сокращения слова путем усеечения одного или нескольких звуков в конце слова: *tat* – *tattoo*; *rep* – *representative*; *Gen Z* – *Generation Z, the group of people who were born between the late 1990s and the early 2010s, who are regarded as being very familiar with the internet*. Данное наблюдение доказывает, что апокопа более удобный и понятный способ сокращения слов, в отличие от афферезы, когда выпадают звуки/группы звуков/слоги в начале слова и синкопы, когда выпадение звуков происходит в середине слова. Очевидно, сам механизм сокращения, а также опознавание сокращенного слова по его начальным слогам проще. Следующие примеры апокопы доказывают, что сокращенные лексические единицы довольно быстро адаптируются в языке и начинают функционировать как самостоятельные единицы: 1) появление фразового глагола на базе сокращенной глагольной основы – *amp up* – *to play something, usually music, through an electric amplifier; to increase the volume of sound of amplified music*; 2) появление новых слов в результате аффиксации сокращенных слов – *Gen Zer* [*dʒen 'zedə*] – *a person who was born between the late 1990s and the early 2010s, which makes them a member of Generation Z*, *Gen Yer* [*dʒen 'waɪə*] – *a person who was born between the early 1980s and the late 1990s, which makes them a member of Generation Y*.

Интересен пример апокопы *inspo* – *a person or thing that inspires you*, т.к. сокращение оформлено словообразовательным элементом -o, по модели уже существующих в английском языке сокращений *convo* – *conversation* и *rando* – *random*. Также отметим графическое изменение в апокопе *vax* – *a vaccine or vaccination*, поскольку в произношении [*'væksɪ.n*] удвоенная буква с имеет идентичное чтение с буквой х, то при сокращении, которое призвано упростить и сэкономить, довольно логично использовать букву х.

В примерах также выявлены 2 случая синерезы/стяжения: *wassup* [*wɒ 'sʌp*] (*exclamation*) – *used to say hello*. В разделе словаря Word Origin находим следующее пояснение о возникновении этого сокращения – *early 20th century: representing an informal pronunciation of what's up*. В результате фонетической ассимиляции и соединения частей нескольких слов из фразы получаем сокращенное слово-стяжение. В сокращении *smize* – *to make a smiling expression with your eyes* также объединены части слов словосочетания. Согласно разделу словаря Word Origin находим следующее пояснение о возникновении этого сокращения – *early 21st century: coined by the American model and TV host Tyra Banks, as a contraction of the phrase smile with your eyes*. Сокращение данного сло-

восочетания основано на том, что глагол и существительное имеют общий фонетический элемент [aɪ]: [smaɪl]+ [aɪz]. Отметим графические изменения элемента *eyes* в составе стяжения, которые объясняются тем, что для глагола в английском языке характерен аффикс -ize, который является омофоном с элементом *eyes*.

Группа сложнослоговых сокращений также относительно небольшая – 8 единиц. Среди них 1 единица – собственно сложнослоговое сокращение, состоящее из двух начальных слогов исходных слов: *incel* – *a member of an online community of mostly young men who do not feel that they are attractive to women and who often have negative views of women*. В разделе словаря Word Origin находим следующее пояснение о возникновении этого сокращения – 1990s: (originally in the form *invcel*): blend of *involuntary* and *celibate*.

Слова-накладки (5 единиц) – представляют собой сокращенные слова, образованные путем объединения частей двух слов, имеющих фонетически идентичную часть в месте соединения, т.е. идентичные части слов «накладываются» друг на друга в месте соединения. Например, в сокращении *mockumentary* – *a documentary designed to criticize its subject in a humorous way*, объединены слова *mock* (to laugh at somebody/something in an unkind way, especially by copying what they say or do) и *documentary* (a film or a radio or television programme giving facts about something) на основе идентичных фонем [ɒk]: [mɒk] + [ˌdɒkjʊ'mentri]. В сокращении *Juneteenth* – *a holiday on 19 June to celebrate the emancipation (= freeing) of slaves in the United States* объединены слова *June* и *nineteenth* на основе фонемы [n]: [dʒu:n] + [ˌnaɪn'ti:nθ]. В сокращении *athleisure* – *comfortable clothing that is designed to be suitable both for exercise and for wearing as casual clothes* объединены слова *athletics* и *leisure* на основе фонем [le]: [æθ'letɪks] + ['leɪzə]. В сокращении *covidiot* – *a person who annoys other people by refusing to obey the social distancing rules designed to prevent the spread of COVID-19* объединены слова *COVID* и *idiot* (a word for a person with very low intelligence that is now considered offensive) на основе фонем [ɪd]: [kəʊ'vɪd] + ['ɪdiət]. В сокращении *elbump* – *an act of briefly touching somebody's elbow with your own to greet them, done to avoid spreading disease through touching each other's hands* объединены слова *elbow* и *bump* (the action or sound of something hitting a hard surface) на основе фонемы [b]: ['elbəʊ] + [bʌmp].

В ходе структурно-семантического анализа слов-накладок приходим к выводу, что сокращение происходит в силу фонетической и графической аналогии частей слов. При анализе некоторых случаев подобных сокращений может возникнуть вопрос с определением того, какое из двух начальных слов следует считать редуцированным, а какое остается в своей полной форме, например в случае с *covidiot*. Представляется не релевантным искать границу в подобных словах, т.к. она проходит не четко между компонентами исходных слов, а в пределах одного-двух фонетических и графических элементов, которые не соприкасаются, а накладываются друг на друга. Однако подобный вопрос может помочь с определением моделей образования слов-накладок. Так единица *covidiot* образована таким образом, что первое (*covid*)

и/или второе (idiot) исходное слово, которые редуцировались в слово-накладку, представлены полной формой. Это первая модель образования слов-накладок. В результате того, что в подобном сокращении присутствуют полные формы обоих исходных слов, его семантика является наиболее понятной и прозрачной. В остальных описанных случаях следует говорить о второй модели образования слов-накладок, когда одно исходное слово представлено в своей полной форме, второе слово редуцируется.

К сложнослововым сокращениям также отнесем сложносокращенные слова, образованные путем объединения полного слова с частью другого слова без общего фонетического или графического элемента. За исследуемый период обнаружены 2 сложносокращенных слова: *EpiPen (epinephrine + pen) – a small device used to give an injection of epinephrine in order to treat a severe allergic reaction; alt-rock – alternative rock*. Согласно приведенным примерам следует отметить вариативность написания сложносокращенных слов. Что касается их семантики, то она складывается из значений каждого исходящего слова и достаточно логична и понятна благодаря тому, что элемент сокращенного слова при необходимости легко восстанавливается в контексте до исходного слова.

В заключение отметим, что в исследовании удалось выявить современные тенденции и особенности пополнения словаря сокращениями-неологизмами. В ходе анализа структуры сокращений и их семантики было доказано, что сокращение является продуктивным способом словообразования в английском языке, о чем свидетельствует разнообразие моделей сокращений и сфер их употребления.

Источники

1. Оксфордский учебный словарь английского языка. – URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/wordlist/new_words (дата обращения: 31.01.2024). – Текст : электронный.

Литература

1. Антрушина, Г. Б. Лексикология английского языка / Г. Б. Антрушина, О. В. Афанасьева, Н. Н. Морозова. – Москва : Дрофа, 1999. – 288 с.

2. Арнольд, И. В. Лексикология современного английского языка / И. В. Арнольд. – Москва : Высшая Школа, 1987. – 296 с.

3. Барина, С. О. Типология англоязычных сокращений, используемых в сети Интернет : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Барина С. О. – Воронеж, 2008. – 22 с.

4. Блох, М. Я. Аббревиация как продуктивный способ словообразования в истории европейских языков / М. Я. Блох, Т. С. Сергеева. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/abreviatsiya-kak-produktivnyy-sposob-slovoobrazovaniya-v-istorii-evropeyskih-yazykov> (дата обращения: 31.01.2024). – Текст : электронный.

5. Бурсина, О. А. Экстралингвистические предпосылки пополнения словаря английского языка (на примере неологизмов синхронического среза: 2020–2021) / О. А. Бурсина // Вестник Вологодского государственного университета. – Вологда, 2021. – С. 65–69.

6. Бусарова, О. Ф. Сокращения и аббревиатуры в деловом английском языке / О. Ф. Бусарова. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sokrascheniya-i-abbreviatury-v-delovom-angliyskom-yazyke> (дата обращения: 31.01.2024). – Текст : электронный.

7. Максимова, Т. В. Современные тенденции развития сокращения как способа словообразования в английском языке / Т. В. Максимова. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-tendentsii-razvitiya-sokrascheniya-kak-sposoba-slovoobrazovaniya-v-angliyskom-yazyke> (дата обращения: 31.01.2024). – Текст : электронный.

8. Манерова, К. В. Сокращения в современном немецком языке как результат словообразовательной редукции / К. В. Манерова. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sokrascheniya-v-sovremennom-nemetskom-yazyke-kak-rezultat-slovoobrazovatelnoy-reduktsii> (дата обращения: 31.01.2024). – Текст : электронный.

9. Махмудова, Н. К. Причины образования аббревиаций в различных языках / Н. К. Махмудова. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prichiny-obrazovaniya-abbreviatsiy-v-razlichnyh-yazykah> (дата обращения: 31.01.2024). – Текст : электронный.

10. Эрстлинг, Л. В. Телескопные слова во французском языке / Л. В. Эрстлинг. – URL: https://mgimo.ru/upload/iblock/86e/reclamaPSTGU-1.pdf?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 31.01.2024). – Текст : электронный.

O.A. Bursina

STRUCTURAL SEMANTIC ANALYSIS OF NEW SHORTENED WORDS IN MODERN ENGLISH

While analysing the introduction of new shortened words and their meanings in modern English the author proves that various types of word shortening remain to be productive. The article studies the structural patterns of the shortened words introduced by the Oxford Advanced Learner's Dictionary in 2020–2023, their meanings and distribution within the thematic lexical groups.

Neologism, shortened word, structural pattern, word meaning, productivity.

Л.М. Генералова

Волгоградский государственный университет

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В ЭПОХУ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

В статье представлены результаты лингвистического исследования политической речи в немецкой блогосфере, делается вывод о том, что использование языковых средств выражения экспрессивности в политической речи всегда обусловлено интенциями и стратегиями агентов института политики.

Политическая блогосфера, политическая речь, цифровая демократия, стилистические средства, манипуляция.

Технические инновации и связанная с ними возможность беспрепятственного свободного обмена информацией стали основой возникновения политической блогосферы как дискуссионной площадки, служащей для удовлетворения естественной потребности политиков в общении и олицетворения феномена личного самовыражения. Растущее внимание средств массовой информации к политическим блогам и постепенная интеграция этого интернет-формата в онлайн-предложения политических деятелей и авторитетных партий лишней раз доказывают его значимость в современном обществе. Различные действия в данных социально консолидированных и формализованных моделях коммуникативной деятельности служат решению всевозможных общественно-политических проблем, являясь подходящими инструментами для онлайн-диалога между политическими партиями, отдельными политиками и гражданами.

Возможность ведения подобного онлайн-диалога является главной целью не только многих предвыборных политических программ, но и цифровой демократии в целом. Сутью этой демократии является учение Юргена Хабермаса о том, что центральное значение в демократическом обществе занимает дискуссионное обсуждение гражданами политических вопросов [6; 7].

Под дискуссией понимается рациональное обсуждение, в ходе которого с помощью аргументов выясняются плюсы и минусы определенных позиций. Это должно оказывать положительное влияние на ключевые проблемы современных демократий, особенно в ситуации растущего отчуждения между политиками и гражданами, интересы которых они представляют.

Демократия в обществе процветает благодаря успешному общению. Коммуникативные отношения между политическими функционерами и общественностью являются одной из культурных основ общества. Интерактивные процессы цифровой политики способствуют более эффективному диалогу, от которого напрямую зависят формирование общественного мнения и процессы принятия решений. При этом потенциально повышается легитимность и рациональность принятия политических решений. Прозрачность «онлайн-

гласности», а также интенсивный обмен информацией между политиками и гражданами играют значимую роль для укрепления доверительных отношений, улучшения использования ресурсов для принятия результатов и получения точной информации о настроениях и мнениях среди населения. Основная цель направлена на передачу необходимой информации, формирование мнения и демонстрацию своих преимуществ, а также максимизацию голосов в предвыборной гонке.

В противоположность форумам, дискуссионным группам, частным блогам политический блог всегда имеет хорошо продуманную структуру повествования, направленную на перспективу и имеющую глобальную коммуникационную стратегию [12, с. 30]. Эмпатия, отсутствие цензуры, диалоговость, открытость доверительного общения между адресатом и адресантом способствуют формированию необходимой репутации политика в довершение к его профессиональным компетенциям. Доминирующая рациональность общения в блогах основана на формулировании мнений, а не на установлении темы для обсуждения как таковой. Однако не стоит забывать, что экспрессивная коммуникация, преобладающая в блогах, не только обеспечивает «подлинность» повествования и идеально культивирует репутацию, но и «является мощнейшим политическим оружием манипулирования сознанием людей» [1, с. 5]. Политики могут использовать умело подобранные термины и фразы для достижения своих политических целей, чтобы вызвать страхи или надежды. Дело не только в содержании сказанного сообщения, но и в том, как оно подано. Убедительная риторика может помочь принять политические решения или поставить определенные вопросы на повестку дня. Благодаря целенаправленному выбору языка и риторики политики могут повысить ценность своего признания и продвигать свою политическую программу. Часто это включает в себя определенные ключевые слова или термины, связанные с политиком или партией. Политики, ведущие блоги, или их помощники стараются любыми способами оправдать возлагаемые на них высокие ожидания. Хочет того или нет, он вынужден опираться в своем блоге на культурные практики, широко распро-

страненные в этой онлайн-субкультуре. На первый взгляд, политические блоги представляют собой своего рода мезальянс: неудачную связь между культурной практикой, основанной на открытости, сильных формах самовыражения и оживленных дебатах, и политической культурой, в которой участники коммуникации боятся нарушить приличия, если они общаются спонтанно или оригинально [4, с. 204].

Коммуникация в политической блогосфере всегда основана на прагматическом подходе, включающем в себя субъект коммуникации, адресант, тематику коммуникации и коммуникативную установку. Эти критерии определяют политическую коммуникацию и помогают политикам в определении набора языковых средств для центральных тем коммуникации.

В речи политика заложена всегда «интенция воздействия на собеседника и передачи определенной информации о важном событии. Он позиционирует себя как компетентного эксперта по данному вопросу, которому есть что сказать. Его субъектные интенции проявляются в выражаемых оценках, где он представляет себя как “знатока политики”, который имеет представление о манере поведения в этой сфере» [3, с. 502].

Выступающий политик должен учитывать множество аспектов, чтобы его речь была эффективной, а также следовать необходимым этическим, моральным и демократическим принципам. Задача многих выступлений политиков – отвлечь слушателя от реального положения вещей и вызвать у него иное толкование знакомого смысла [8, с. 54].

Хорошо подобранная стилистика и риторика – составные элементы успеха, так как необходимо убедить электорат «любой ценой». Конечная цель каждого политика – создать приятную атмосферу, показать заслуживающим доверия, а для этого хороши все языковые средства.

Язык политики – это особый жанр, в котором коммуникационный процесс реализуется через различные типы текстов и рассматривается как форма публичного дискурса. Он характеризуется использованием определенных выражений в разных ситуациях с разными семантическими контентом, поэтому дать точное лингвистическое определение этой форме языка сложно, поскольку она имеет разнообразный внешний вид и широкие возможности применения. Сообщения политиков выполняют несколько функций – проинформировать, напомнить, уговорить, убедить и т.д. Язык политиков связан с использованием конструкций с элементами экспрессивности, риторических средств и стилистических фигур, обогащающих его речь. Стилистический прием, выбранный в каждом конкретном случае, должен показать, к кому обращается политик, к своим избирателям, экспертам, партийному оппоненту и т.д. Лингво-риторическая характеристика его речи изобилует такими добродетелями, как понимание, вежливость, признание, порядочность, а основополагающими факторами являются стратегии воздействия и поучения.

Стремление к экспрессии детерминировано использованием конструкций с разговорной окраской: частиц, междометий, инверсий, бессоюзных предложений, пропуск того или иного члена предложения и др. Политическая речь содержит много неологизмов,

англицизмов, метафор, эвфемизмов и т.д. Как видно из вышеперечисленного, политики используют широкий спектр языковых средств, потому что они «злоупотребляет силой языка, и вербальное общение берет на себя роль доминирования» [9, с. 7].

Проведенный нами анализ эмпирического материала показал, что чаще всего политики используют в своей речи различные эвфемизмы с целью придать речи большую стилистическую окраску и экспрессивность. Они могут использоваться в сознательно скрывающей, запутывающей, фальсифицирующей форме, приукрашивая или критикуя настоящее положение вещей.

При анализе практического материала чаще всего мы имели дело с так называемыми «обволакивающими эвфемизмами», которые используются политиками для описания «неприятных» лексических единиц. К ним относятся всевозможные социальные табу, которые придают нормам и условиям определенное значение в обществе. Они используются политиками с целью привлечения к целенаправленным манипуляциям.

Из общественно-политических дискурсов таким известным эвфемизмом является *aufenthaltsbeendende Maßnahmen* как смягчающий эвфемизм для *Abschiebung*, *Den Konflikt zwischen Erteilung einer Ausbildungsduldung und der Durchführung **aufenthaltsbeendender Maßnahmen** hat der Gesetzgeber zu Gunsten der Durchführung aufenthaltsbeendender Maßnahmen entschieden* (<http://julia-seeliger.de>).

Все эвфемизмы, мотивированные ли они табу, условностями или интересами власти, содержат элемент преднамеренного обмана. В повседневном языке ложь приравнивается к сознательному сообщению неправды. Неясные эвфемизмы служат для сокрытия эмоциональных и социальных проблемных аспектов. Особенно широко они используются там, где необходимо скрыть негативные последствия политических мер. Так, например, министр обороны Германии в беседе о применении боевых дронов в зонах боевых действий описал их как этически нейтральное оружие – *ethisch neutrale Waffen*, «Ethisch ist eine Waffe stets als neutral zu betrachten» (https://www.welt.de/print/die_welt/politik/article108476743/Ethisch-neutrale-Waffe.html).

Часто политики обращаются к этому риторическому приему для получения собственной выгоды. Такими стилистическими приемами богата речь Кристиана Линднера – самого неординарного политика в современной Германии, лидера либеральной Свободной демократической партии Германии, который ведет онлайн-диалоги с потенциальными избирателями в своем блоге при помощи видеообращений. Линднер – интеллигентный политик, который постоянно подвергает жесткой критике правящую власть и находит многочисленную поддержку немецкого электората: *Ich könnte länger sprechen über Bürokratie, ein Hemmnis für uns alle. In Deutschland gibt es einen verbreiteten Glauben, widersprüchliche Wahlprogramme von Parteien seien im Grunde schädlich. Wir sollen Steuervergünstigungen für Menschen mit Behinderung haben* (<https://www.christian-lindner.de/reden>).

На втором месте следуют метафоры. Политики широко используют их в своих выступлениях, что делает возможным констатацию значимой роли метафор в политическом применении языка. Метафоры образуются из слов, принадлежащих к разным лекси-

ческим полям, но имеющих хотя бы один общий семантический признак, основанный на внешней форме, свойстве, функции или использовании. Метафоры активно применяются в политической речи, когда нужно заменить более длинное выступление, сохраняя интерес аудитории и делая речь более выразительной.

Используемые в политической речи метафоры, как правило, принадлежат разным частям речи. Чаще всего политики используют метафоры с существительными и глаголами, реже встречаются метафоры с прилагательными. Мы приведем некоторые из метафор политической речи, чтобы продемонстрировать на практике использование данных понятий в роли «проективных интенций» [11], которые служат для выражения протеста против целей политиков и методов их работы:

Jetzt darf niemand mehr teilnahmslos am Seitenrand stehen, jetzt ist ein Anlass gegeben, wieder Politik zu machen, Unterschiede zu zeigen und dem Land eine Wahl zu geben (<https://www.christian-lindner.de/reden>).

Barrosos Rede zündete nicht (<http://blog.auchkomm.com/tag/silvana-koch-mehrin/>).

Wir möchten in ein gutes Viertel ohne arabische Einflüsse (<http://www.prabelsblog.de>).

Es ist ein Minenfeld zwischen Religionsfreiheit, Außenpolitik, Frömmigkeit und Asylkrise entstanden, ein gordischer Knoten (<https://www.prabelsblog.de/2023/07/andere-laender-andere-sitten-2/>).

Das sozialdemokratische Mantra... bleibt falsch (www.blog.focus.de/kloeckner/).

Scholz muss Lindner in die Schranken weisen (<https://www.rnd.de/politik/.html>).

В данном случае метафора означает, что нужно кому-то разъяснить правила и очертить границы дозволенного.

Eine ganze Milliarde ist in den Plänen verdunstet (<https://www.christian-lindner.de/reden>).

Критикуя политику Меркель, Кристиан Линднер говорит о том, что миллиард евро был незаметно потрачен на сомнительные цели. Метафоры, используемые в его речи, связаны с определенными денотатами. Аудитория интерпретирует это, основываясь на чувствах, которые данная метафора у нее вызывает.

Описанные примеры не только демонстрируют возможности использования метафор для выражения протеста и неудовольствия правящей партией, но и оказывают воздействие на коммуникантов за счет реализации аффективных, насыщенных оценочных оборотов, что позволяет формировать положительный имидж критикующего политика как борца «за лучшее будущее» [3].

Третье место по степени распространенности в политической речи занимают риторические вопросы. Это популярный языковой элемент, позволяющий подчеркнуть свою точку зрения, так называемый «фиктивный вопрос», на который не ждут ответа. Используя риторические вопросы в речи, политики пытаются привлечь внимание слушателей. Цель таких вопросов – проиллюстрировать определенные проблемы, подчеркнуть общие черты и в определенной степени направить ход разговора. Неудивительно, что риторические вопросы часто используются в политике и средствах массовой информации, потому что они играют существенную роль для устного убеждения собеседника.

Wie tretet Europa auf der Weltbühne auf? (<https://www.christian-lindner.de/reden>).

Wann oder zu welcher Gelegenheit hat de Gaulle dieses Träumchen in Aussicht gestellt? (<https://www.prabelsblog.de/2023/06/jugoslawien-in-frankreich/>).

Меркель, используя в своей отчетной речи риторический вопрос *Deshalb liebe Freunde, wie schwer war es damals für diejenigen, die zu den Gründungsmitgliedern unserer CDU gehören?..*, дошла до заключительной части своего выступления, заставляет задуматься о наступлении лучших времен и располагает аудиторию к тому, чтобы все проголосовали за ее правящую партию.

Трудность интерпретации и, следовательно, перевода или толкования таких риторических вопросов заключается в точном определении их функции в речи. Все зависит от контекста и конкретной денотативной ситуации.

Анализируя немецкую политическую речь, мы отметили примечательный факт, что все политики в равной степени используют различные оригинальные сложные слова, перевод которых на русский язык также может вызвать определенные трудности, за неимением подходящего аналога.

Europa-Affinität, PanamaPapers, Problemlöser, Nervenkitzel, Erstaufnahmeneinrichtung, Hassprediger, Moggelpackung и др. [3].

Weiß noch jemand, wie sehr Europa-Affinität der Kanzlerin zu Beginn ihrer Amtszeit angezweifelt wurde? Heute kämpft sie wie Löwin um Europa (<http://blog.auchkomm.com/tag/silvana-koch-mehrin/>).

Deshalb braucht er den Staat auch nicht als Aufpasser oder Erziehungsberechtigten – sondern als Problemlöser (<https://www.christian-lindner.de/reden>).

Насколько обоснованно использование заимствованных?

По мнению Цёлльнера [13], иностранные слова являются эвфемистическими в двух отношениях:

- для маскировки табуированных тем с целью создания некой искусственной неопределенности. Не всегда слушатель и говорящий понимают их смысл;
- заимствованные слова часто рассматриваются как элегантный, вежливый вариант соответствующего выражения на родном языке.

Заимствованные слова составляют основу идеологической лексики, которая играет важную роль в отношении между политикой и обществом [5, с. 18]. Этот словарь лучше всего встречается в его денотативной (означающей), оценочной (оценивающей) или деонтической (призыв к действию) функциях.

Несмотря на то что английский язык популярен во всем мире и находит свое применение во всех языках, политики используют заимствованные слова в своей речи крайне редко, а перевод таких конструкций часто вызывает определенные затруднения.

Merkel gibt Erdoğan faktisch Freifahrtschein für Krieg gegen kurdische Zivilbevölkerung. Pfui! Preis für Outsourcing der Flüchtlingsabwehr [3] (<http://blog.auchkomm.com/tag/silvana-koch-mehrin/>).

Comeback der FDP ist noch längst nicht erreicht (<https://www.christian-lindner.de/reden>).

Schon gibt es eine Kampagne, «Not my President», die aber eher deren Anhänger blamiert (<http://julia-seeliger.de>).

Еще одной характерной особенностью речи политиков является использование «пластиковых слов» [10], которые представляют собой «коннотативные стереотипы», означают все и ничего одновременно. Порой им трудно дать определение, они научно звучат и подталкивают к реализации в политическом дискурсе в качестве семантических заимствований или метафор. «Пластиковые слова» все чаще встречаются в речи современных политиков во всевозможных комбинациях и становятся инструментом манипуляции в руках политических экспертов. К словам такого типа относятся *Information, System, Struktur, Kommunikation, Prozess, Ressource, Qualität, Zukunft, Strategie, Fortschritt* и другие.

Mehr Kommunikation ist gut, mehr Demokratie wäre besser (<http://blog.auchkomm.com/tag/silvana-koch-mehrin/>).

Подводя итог проведенному нами исследованию о стилистических особенностях политической коммуникации в эпоху цифровых технологий, можно с уверенностью констатировать, что интернет-пространство является идеальным местом для проведения онлайн-дискуссий между политиками и электоратом ввиду специфики формата этой онлайн-субкультуры. Анализ речи политиков показал, что все они используют примерно одинаковые стилистические приемы и одни и те же стратегии, чтобы убедить слушателей (потенциальных избирателей) в своей правоте, завоевать власть. Специфика речевого содержания немецких политиков объясняется определенным набором стратегий и тактик, которые они используют в качестве манипулятивного инструмента для реализации своих интенций. Как показало исследование, речь политиков изобилует всевозможными апеллятивными языковыми элементами с маскировочной функцией, которые направлены на привлечение внимания электората к той части выступления, где спикер преподносит свою озабоченность текущим положением вещей. Для языка политической блогосферы характерно применение выразительно-эмоциональных конструкций с высокой степенью экспрессивности. Это конструкции с восклицательными или вопросительными предложениями, с риторическими вопросами, метафорами, эвфемизмами и т.д. Для достижения необходимой красочности и выразительности практикуются конструкции со всевозможными междометиями, частицами, инверсией. Использование таких конструкций и эвфемизмов в речи политиков объясняется желанием поддержать «социальную гармонию», при-

украсить или завуалировать подаваемую информацию при описании неприятных социальных, экономических и политических фактов окружающей внеязыковой действительности.

Литература

1. Волков, С. Ю. Блоггинг как форма политической коммуникации / С. Ю. Волков, В. А. Никитенко // *Огарев-online*. – 2015. – № 17. – URL: <https://journal.mrsu.ru/arts/blogging-kak-forma-politicheskoy-kommunikacii> (дата обращения: 08.04.2024). – Текст : электронный.
2. Генералова, Л. М. Интерпративные характеристики современного протеста (на материале немецкоязычной политической блогосферы) / Л. М. Генералова // *Современные исследования социальных проблем*. – 2020. – Т. 12, № 4. – С. 27–42.
3. Генералова, Л. М. Жанровая специфика политического блога / Л. М. Генералова // *Мир науки, культуры, образования*. – 2020. – № 3 (82). – С. 500–503.
4. Coenen, C. Neue Medien, neue Politik? TAB-Projekte zu Informations- und Kommunikationstechnologien / C. Coenen // *Technikfolgen-Abschätzung für den Deutschen Bundestag. Das TAB – Erfahrungen und Perspektiven wissenschaftlicher Politikberatung* / Petermann, Th., Grunwald, A. (Hg.) – Berlin, 2005. – S. 175–212.
5. Dieckmann, Walther. (2005). Deutsch: politisch – politische Sprache im Gefüge des Deutschen. In: *Thema Deutsch. Bd 6: Sprache und Politik. Deutsch im demokratischen Staat*. Hg. von Jörg Kilian, Mannheim: Dudenverlag.
6. Habermas, J. Faktizität und Geltung. Beiträge zur Diskurstheorie des Rechts und des demokratischen Rechtsstaats / J. Habermas. – Frankfurt am Main, 1992. – 661 s.
7. Habermas, J. Die Einbeziehung des Anderen. Studien zur politischen Theorie / J. Habermas. – Frankfurt am Main, 1996. – 404 s.
8. Holly, Werner. *Politikersprache : Inszenierungen und Rollenkonflikte im informellen Sprachhandeln eines Bundestagsabgeordneten*. 1. Auflage / Werner Holly. – Berlin : Walter de Gruyter & Co, 1990. – 406 s.
9. Novotna, Viera (2008): *Stilistische und persuasive Mittel der politischen Rede* / Viera Novotna. – Brno : Masarykova Univerzita. Bachelor-Arbeit, 1993. – 135 s. (veröffentlicht).
10. Porsken, Uwe. *Plastikwörter: Die Sprache einer internationalen Diktatur Germany*: Verlag: Klett-Cotta, 2000. – 128 p.
11. Schröter/Carius Schröter, Melanie / Carius, Björn : *Vom politischen Gebrauch der Sprache: Wort, Text, Diskurs. Eine Einführung*. – Frankfurt am Main, 2009. – 148 s.
12. Ansgar Zerfaß und Dietrich Boelter: *Die neuen Meinungsmacher. Weblogs als Herausforderung für Kampagnen, Marketing, PR und Medien*. Nausner & Nausner: Graz. – 192 s.
13. Zöllner, Nicole. *Der Euphemismus im alltäglichen und politischen Sprachgebrauch des Englischen* / Nicole Zöllner. – Frankfurt/Main : Lang, 1997. – 444 s.

L.M. Generalova

STYLISTIC FEATURES OF POLITICAL COMMUNICATION IN THE AGE OF DIGITAL TECHNOLOGIES (ON THE MATERIAL OF THE GERMAN LANGUAGE)

The article presents the results of the linguistic study of political speeches in the German blogosphere. The author proves that the employment of the linguistic means of expressiveness in political speeches mainly depends on the intentions and strategies of the political institutions representatives.

Political blogosphere, political speech, digital democracy, stylistic means, manipulation.

Е.Н. Иванова

Вологодский государственный университет

СТРУКТУРНЫЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО ГНЕЗДА СЛОВ С ПРАСЛАВЯНСКИМ КОРНЕМ *PER-/POR- В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье дается структурно-диахроническое описание исторического гнезда слов с праславянским корнем *per-/por-, устанавливаются мотивационные отношения между лексемами, определяются способы деривации.

История русского языка, словообразование, праславянский корень, диахрония.

В работе охарактеризован лексический состав и словообразовательная структура исторического гнезда слов (далее ИКГ) с праславянским корнем *per-/por- в русском языке. Вслед за Л.Г. Яцкевич под ИКГ понимается «комплексная динамическая система слов, восходящих к единому этимологическому (историческому) корню и формирующаяся одновременно в двух измерениях – в диахронии и в синхронии» [3, с. 97]. Исследование выполнено в рамках проекта «Русский Древослов. Историко-словообразовательный словарь русского языка» (руководитель – д.ф.н., проф. А.М. Камчатнов), схематическое изображение данного ИКГ представлено на сайте www.drevoslov.ru [1]. Материал для исследования извлекался из словарей современного русского языка, начиная со Словаря Академии Российской 1789–1794 г.

Корень, алломорфами которого в современном русском языке являются *per-/por-/pъr-/pъrъ*, восходит к праславянскому чередованию *per-/por- (основная ступень чередования)/*pъr- (ступень редукции)/*pъrъ- (ступень продления редукции). Продолжением этого корня в славянских языках являются укр. *pérty*, блр. *perць*, болг. *zaprá* ‘задерживаю, запрещаю’, сербохорв. *zaprjujemi*, словц. *spor*, ст.-слав. *pъrъty* ‘спорить’, ссориться’, чеш. *přítí* ‘спорить’, польск. *przeć się* ‘противиться, ссориться’ и др.

Праславянский глагол *perti, *pъrъ ‘идти’, ‘нажимать, давить’ в этимологических словарях сопоставляется с др.-инд. *píparti* ‘переправляет, перевозит’, лат. *porto, portare* ‘перевожу, переносу’, *spernere* ‘отталкивать, пренебрегать’, гот. *farjan* ‘ехать, везти’, нем. *spornen* ‘пришпоривать’ и т. д. [ЭССЯ, вып. 42, с. 308; Фасмер, т. 3, с. 240]. Семантическая противоречивость лексем, восходящих к индоевропейскому корню *per-/por- ~ *sp^her(ə)-/*sp^hor-, может объясняться энантиосемией, свойственной корневым морфемам индоевропейского происхождения.

Противоположные значения объединяются и в корне *mъk-, дериваты которого близки по семантике к производным корня *per-/por-. Как отмечает А.М. Камчатнов, корень *mъk- заключал в себе две идеи: идею тесного объединения чего-либо в ограниченном пространстве и идею выхода, освобождения из ограниченного пространства [2]. По мнению

А.М. Камчатнова, древняя энантиосемия сохраняется в белорусском языке: «гл. *мкнуць*, с одной стороны, значит ‘совать’, то есть погружать в тесное пространство, с другой стороны, он значит ‘тронуть с места; потянуть; дернуть; пуститься бежать’, то есть избавиться от пребывания в тесном пространстве» [2].

На наш взгляд, значения глагола *переть* ‘нажимать, давить’ и ‘идти’ также можно рассматривать как составляющие единого энантиосемичного комплекса. Взаимосвязь значений ‘напирать’/‘идти, передвигаться’ в индоевропейских языках, в том числе и в славянских, отмечается и в Этимологическом словаре славянских языков [ЭССЯ, вып. 42, с. 308].

Исследуемое ИКГ является гнездом глагольного типа, оно организовано глаголами *пру – переть, перу – прать, прю – преть, перю – перить*, которые дали большое количество производных на разных этапах развития русского языка.

Наименьшее число дериватов имеют существительные *праца* и *паром*, образованные с помощью предметных суффиксов *m, *t и суффиксов древних именных основ *ǫ, *jā от праславянского корня *por-: праслав. *por-m-o-s > др.-рус. *поромъ* > русск. *паром* (в связи с возникновением аканья и закреплением его на письме), *por-t-ja > ст.-сл. *праца*. В результате фонетических изменений существительные *паром* и *праца* подверглись дезимологизации, утратили членность и производность.

В структуре данного ИКГ на современном этапе развития русского языка самым многочисленным (114 слов) является словообразовательное гнездо (далее СГ) с вершиной *пру – переть*. Инфинитив *переть* восходит к праславянской основе на основной ступени чередования: *per-ti > ст.-сл. *prѣti*, др.-рус. *per-ti* > русск. *переть*. От корня на ступени редукции образована форма настоящего времени: *pъr-o-t > *pъrъ* = ст.-сл. *pъrъ*, др.-рус. *pъру* > русск. *пру*.

Глагол *переть* фиксируется в памятниках письменности с XVII в., в древнерусских текстах отмечены только префиксальные глаголы и отглагольные имена: «Верхъ же цркъвныи не до конца созданы камнемъ, но таково **спертъ** деревомъ тесаномъ аки полостьничнымъ образомъ, и тако есть безъ верха, не покрыта ничемъже. Х.Дан.иг.» [XV в. ~ 1113 г.] (СлРЯ

XI–XVII вв., вып. 27, с. 23); «Иже нашь грѣшных сподобилъ входа церковнаго, – не имѣюще собѣ **подъпоры** стѣны, ни стлѣпа. Феод. Печ. (Ер.)» [XV в. ~ XI в.] (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 16, с. 41).

Уже в древнерусский период у глаголов данного СГ на базе значений физического воздействия формируются значения речевого действия и взаимодействия: «...и ци о ка<ковѣ> дѣлѣ межи собе **сопутрся**, ѣхати имѣ на третии, кого собѣ изберуть, тамо ѣхавъ перемолвятся. Дух. и дог. гр.» [1364–1365 гг.] (Там же, вып. 27, с. 23); «Аже гдѣ възыщеть на друзѣ проче, а он **ся запираги** почнетъ, то ити ему на изводѣ пред 12 человекъ. Правда Рус. (кр.)» [XV в. ~ XI в.] (Там же, вып. 5, с. 264). От глагола *спереться* ‘вступить в спор, заспорить’ способом обратного словообразования произведено существительное *спор* со значением отвлеченного действия. Лексема *спор* известна в литературном употреблении с XIII в., первая фиксация в памятниках письменности глагола *спереться*, по данным исторических словарей, относится к XIV в., однако имперфектив *спираться* ‘спорить, отстаивая свое мнение, свою волю; вести дискуссию, прения’ отмечается в текстах с XI в.

По ряду признаков можно предположить существование праславянского глагола **pъrti* и производных от него префиксальных глаголов **zapъrti*, **priръrti* и др., которые в истории русского языка были вытеснены синонимичными *переть*, *запереть*, *припереть*. Инфинитивы *zapъrti*, *приръrti* не зафиксированы в памятниках письменности, однако доказательством их существования является наличие в древнерусском и современном русском языке имперфективов *запирати*, *опирати* и т. п., а также форм типа *спертъ*, *запъренъ* ‘запертый’, произведенных от основы инфинитива. В древнерусском языке от основ *zapъr-*, *приръr-* образовывались формы нового сигматического аориста: «(945): Слуги же Ольгины **запроша** мыльню и зажгоша их, и ту згорѣша вси числом 20. Арханг. лет.» (Там же, с. 277); «(1151): Устрои бѣ мъглу якоже на видѣти никамо же, толико до конецъ копья видити, и постиже дождъ, и в том **припрошася** ко озеру обои, и разиде ѣ озеро. Ипат. лет.» (Там же, вып. 19, с. 257).

От праславянской основы **ropъr-* при помощи суффикса **t* со значением предметности и суффикса древней именной основы **i* была образована форма **ropъrti*, которая вследствие фонетических преобразований изменилась в *паперть*. По той же модели была произведена форма **zapъrti* (ср. аналогичные имена *знать*, *печь*, *течь*, втянутые в систему глагола в качестве неопределенной формы). В результате конверсии на базе сочетания предлога **vъ* с именем **zapъrti* образовалось наречие *взаперти*: **vъ zapъrti* > др.-рус. *въ запърти* (с рефлексом «второго полногласия») > *въ заперти* (ср. *въ печи*) > *взаперти*.

В современном языке данное СГ имеет сложную семантическую структуру: на основе значений физического воздействия, движения в разговорной речи складываются значения социальной деятельности (*упереться* ‘идя, натолкнуться’ > ‘упрямо не согласиться’), развивается семантика присвоения чужого (*спереть* ‘сдвинуть с места’ > ‘украсть’) и т.д. По мнению А.Н. Тихонова, на современном этапе разви-

тия языка в результате нарушения семантических связей произошло отделение от словообразовательного гнезда с вершиной *переть* словообразовательных гнезд с вершинами *упереть*, *распереть*, *отпереть*, *опереть*, *запереть*, *припереть*, *спереть* (ССРЯ, т. 1, т. 2).

Вершиной второго СГ (13 слов) является переходный глагол *перу* – *np/almъ*. Инфинитив *пратъ* (др.-рус. *пърати*) – суффиксальное производное от основы **pъr-*. Форма настоящего времени образована от основы **per-* при помощи суффикса глаголов 1-го класса **e // *o*: и.-е. **per-o-t* > праслав. **perq* = ст.-сл. перж, русск. *перу*. В языке древнерусской письменности глагол употреблялся в значениях ‘попирать, топтать, ходить’, ‘давить’, ‘стирать (одежду)’ (СДРЯ, т. 9, с. 357).

Многозначность глагола *прати* частично отражается в семантической структуре его деривата *испрати* ‘затоптать ногами; задавить’, ‘вымыть, выстирать, колотая вальком (пралом)’ (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 6, с. 294). Префиксальный глагол *попрати* ‘затоптать, потоптать’ был унаследован из старославянского языка, в результате семантического калькирования с греческого в языке древнерусской письменности у глагола *попратъ* развиваются значения ‘попирать, одолеть, победить’, ‘презреть, оскорбить непочитанием, пренебрежением’, ‘попирать, грубо нарушить что-либо’ (Там же, вып. 17, с. 97).

От глагола *пратъ* ‘стирать (одежду)’ произведен глагол *опрати* ‘выстирать’ и существительное *прачка*, первая письменная фиксация которого относится к XVII – началу XVIII в. Опрощенный суффикс *-чек-/ -чк-* извлечен из таких слов, как *батрачек* – *батрачка* и т. п. Глаголы *испратъ*, *опратъ* были известны еще в XIX в.: обе лексемы отмечены в Толковом словаре живого великорусского языка В.И. Даля.

В истории русского языка происходит семантическое и грамматическое сближение исторически однокоренных глаголов *пратъ* и *переть*. В XVIII в. славянизм *пратъ* является стилистическим синонимом глагола *переть*, глаголы-синонимы употребляются в значениях ‘надавить, нажать с силой на кого, что-л., упереться в кого-, что-л.’, ‘двигаясь, тащить с силой, усилием’, ‘двигаться напролом, преодолевая все препятствия, запреты и т. п., сметая все на своем пути’, ‘противостоять против кого-, чего-л., противоборствовать кому-, чему-л.’ (Там же, вып. 19, с. 152).

Семантическую и грамматическую близость глаголов *пратъ* и *переть* отмечает В.И. Даль: «Глаг. *переть*, *пру* и *пратъ*, *перу* и *пру*, у Шмкв. отнесены къ разнымъ корнямъ, а они такъ близки, по корню и по значенью, что сливаются; нпр. *жестокю противу рожна прати*; или *агнцы и унци, быстро путь перуше*, *попираючи*; это и *переть* и *пратъ*» (Даль, т. 3, с. 93). В результате конкуренции однокоренных синонимов глагол *пратъ* выходит из употребления.

Вершина третьего СГ (20 слов) – глагол *np/лю* – *np/elmъ*, образованный от праславянского корня на ступени редукции **pъr-* при помощи суффикса *-e-* < **ĕ* (ѣ) со значением состояния, охваченности действием. В текстах XI–XVII вв. старославянизм *пърѣти* употреблялся в переносном значении ‘спорить, противиться’ (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 19, с. 67).

На второй ступени словообразовательной производности находятся префиксальные глаголы *прѣпърѣти* ‘переспорить, одержать верх в споре’, *распърѣтися* ‘поспорить; поссориться, рассориться’, *съпърѣтися* ‘заспорить, завести спор’, ‘вступить в борьбу’, отмеченные в древнерусских памятниках письменности: «Лѣпо же есть и намъ къ хульникомъ вѣры ꙗзати, егда **прѣпърѣти** хотятъ бѣносьныхъ (ὄταν... συλεῖσθαι μεθίσθαι). (Сл. Ио. Злат.) Усп. сб.» [XII–XIII вв.] (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 19, с. 31); «(1071): И **распърѣся** сотона с Бмь, кому... створити члвкв. Лавр. лет.» (Там же, вып. 22, с. 39); «Что бо мьсти Бжия прѣплютѣ, ли кто съ Бмь добль **съпърѣтися**. *Псалт. толк. XII в.*» (Срезневский, т. 3, с. 811).

От глагольной основы настоящего времени *съпър-* посредством суффикса *-ьн-* образовано прилагательные *суперный*, известное в литературном употреблении с XI в. Суффиксальным дериватом данного прилагательного является существительное *суперник* ‘противник’, которое фиксируется в памятниках письменности с XII в. (*суперник* > *соперник* под влиянием глаголов с приставкой *съ-* > *со-*).

В древнерусский период в результате активного действия словообразовательной модели отглагольных имен с суффиксом *-ни-* ветвь пополняется однокоренными синонимами *пъръние*, *распъръние*, *прѣпъръние*, а также именами *пъря*, *распъря*, произведенными способом обратного словообразования от глаголов и оформленными по типу склонения на **jā*. В XIX в. словообразовательная ветвь удлиняется за счет существительного с опрошенным суффиксом *-тельств-* *препирательство*, вытеснившего на периферию русского литературного языка однокоренной синоним *препирание*.

Первое звено четвертого СГ (5 слов) – переходный глагол *перлю* – *перлуть*, образованный от праславянского корня **per-* при помощи суффикса глаголов 4-го класса *-и-* со значением конкретно-длительного способа действия. В значении ‘сооружать (ограду) из косо врезанных (в столбы) досок’ глагол *перуть* отмечен в Словаре русского языка XI–XVII вв.: «От святых ворот от реки кругомъ ограда **перена** в столбы. Гр. Дв.» [1635 г.] [СлРЯ XI–XVII вв., вып. 14, с. 307]. К XVII в. также относится первая письменная фиксация существительного *перило*, произведенного от глагола *перуть* посредством суффикса *-л-* со значением

орудийности: «И рундукъ съ **периломъ** на башню ходити подь верхними дверьми здѣлали. Арх. Стр.» [1634 г.] (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 14, с. 307).

Таким образом, корень **per-/por-*, принадлежащий к древнейшему славянскому корнеслову, в истории русского языка развил словообразовательную продуктивность, исследуемое ИКГ включает большое количество производных лексем и имеет сложную семантическую структуру.

Словари

Даль – Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. – Репринт. – Москва, 1994. – Т. 1–4.

СДРЯ – Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. – Москва : Русский язык, 1988–2019. – Т. 1–12.

СлРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. – Москва : Наука, 1975–2019. – Вып. 1–31.

СлРЯ XVIII в. – Словарь русского языка XVIII века. – Ленинград, Санкт-Петербург : Наука, 1984–2019. – Вып. 1–22.

Срезневский – Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам / И. И. Срезневский. – Санкт-Петербург, 1912. – Т. I–III.

ССРЯ – Тихонов, А. Н. Словообразовательный словарь русского языка : в 2 томах / А. Н. Тихонов. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва : АСТ : Астрель, 2003.

Фасмер – Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 томах / М. Фасмер. – Москва : АСТ : Астрель, 2003.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. – Москва : Наука, 1974–2021. – Вып. 1–42.

Литература

1. Иванова, Е. Н. *Прать – переть* / Е. Н. Иванова // Русский Древослов. Историко-словообразовательный словарь русского языка / под редакцией А. М. Камчатнова. – URL: <http://www.drevoslov.ru/pratitree> (дата обращения: 15.08.2023). – Текст : электронный.

2. Камчатнов, А. М. *Мыкать* / А. М. Камчатнов // Русский Древослов. Историко-словообразовательный словарь русского языка / под редакцией А. М. Камчатнова. – URL: <http://www.drevoslov.ru/index.php/Mykatitree> (дата обращения: 15.08.2023). – Текст : электронный.

3. Яцкевич, Л. Г. «Словарь исторических корневых гнезд»: опыт составления / Л. Г. Яцкевич, И. Е. Колесова // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2015. – № 3. – С. 97–101.

E.N. Ivanova

DERIVATIONAL AND SEMANTIC STRUCTURE OF THE HISTORICAL PARADIGMS WITH THE PROTO-SLAVIC ROOT *PER-/*POR- IN THE RUSSIAN LANGUAGE

The author characterizes the derivational structure of the historical paradigms with the Proto-Slavic root **per-/por-*. The article describes motivational relations between lexemes and methods of derivation.

History of the Russian language, word formation, Proto-Slavic root, diachrony.

Е.В. Кургузова

*Военная академия войсковой противовоздушной обороны
Вооруженных Сил Российской Федерации*

НАЗВАНИЯ ВОЕННЫХ ОПЕРАЦИЙ КАК ОБЪЕКТ ОНОМАСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ КОДОВЫХ НАЗВАНИЙ ВОЕННЫХ ОПЕРАЦИЙ КРАСНОЙ АРМИИ И ВЕРМАХТА ПЕРИОДА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ)

Статья посвящена комплексному лингвистическому описанию кодовых наименований военных операций Красной армии и вермахта периода Второй мировой войны, рассматриваемых как милитариизмы-хрононимы. В результате структурно-морфологического анализа немецкоязычных названий военных операций установлено, что среди них доминируют однословные и односоставные именованья, что связано со стремлением к языковой экономии. С точки зрения ономастического наполнения, немецкие кодовые названия представлены именами собственными и именами нарицательными. Среди имен собственных, функционирующих в качестве названий военных операций, самыми многочисленными являются имена исторических личностей. Семантический анализ названий – нарицательных имен позволил объединить их в тематические группы, среди которых наиболее частотными оказываются названия животных, растений, явлений природы. Выявлены специфичные для кодовых названий военных операций ономастические функции (управленческая, мобилизующая, дезориентирующая, мировоззренческая, эвфемизирующая). В результате лингвокультурологического анализа кодовых названий военных операций, предполагающего описание ассоциативно-культурного фона имен собственных, выявлены отличия в ценностных ориентациях и картинах мира противоборствующих сторон. Делается вывод об отражении в названиях военных операций концептов русской и немецкой культур.

Военная ономастика, хрононим, милитариизм, кодовые названия, имя собственное, имя нарицательное ассоциативно-культурный фон, лингвокультурология.

Внимание современной лингвистики к имени собственному в целом и процессам искусственной номинации в частности обусловлено переходом к антропоцентрической парадигме, предполагающей изучение языка в тесной связи с человеком, его сознанием, мышлением и духовно-практической деятельностью. При этом языковые единицы, в особенности имена собственные, интерпретируются как культурные знаки, для понимания которых необходимо привлечение того историко-культурного контекста, в котором они возникли. Другими словами, анализ таких знаков невозможен без обращения к человеку как «творцу и потребителю языка» [3, с. 5]. Из этого следует, что комплексное изучение совокупности собственных имен позволяет получить информацию о картине мира номинатора – представителя определенной национальной и профессиональной культуры.

Исследование наименований событий, связанных с военной сферой жизнедеятельности человека, находится на начальном этапе и представляется перспективным в плане развития новой отрасли ономастической науки – военной ономастики (см. [13], [16], [17], [19], [5], [6]), а также вносит вклад в развитие концепции языковой личности военнослужащего, активно разрабатываемой Н.А. Родиной [11], [12] и др. Кроме того, названия военных событий, возникающих вследствие нестабильности политической ситуации в мире, представляют интерес не только для военных

специалистов, но и для филологов, как и для широкой общественности.

Под кодовыми названиями военных операций (ВО) будем понимать названия, используемые командованием для того, чтобы скрыть цели военных действий от противника и использовать фактор внезапности при их проведении. Кодовые названия военных действий не являются однородными. Г. Симински подразделяет их на две подгруппы – кодовые слова (code words), служащие для номинации военных планов и операций, имеющих гриф секретности, и кодовые наименования (nicknames), предназначенные для кодирования незасекреченных военных действий и используемые в информационных целях (цит. по: [4, с. 23]). В данной статье речь пойдет о второй подгруппе именованья.

Целью исследования является комплексная характеристика кодовых названий ВО Красной армии и вермахта в период Второй мировой войны.

Для достижения данной цели следовало решить следующие задачи:

- провести структурно-морфологический и семантический анализ кодовых названий ВО как разновидностей хрононимов;
- описать основные и дополнительные функции кодовых названий ВО;
- проанализировать способы кодовой номинации ВО;

- выявить различия в ценностных установках противоборствующих сторон, проявляющиеся в кодовых названиях ВО.

Материалом исследования послужили 15 кодовых названий военных операций Красной армии и 538 кодовых названий ВО вермахта периода Второй мировой войны [21]. Поскольку в системе кодовых названий ВО вермахта присутствуют случаи тезоименности, а также случаи, когда названия отличаются лишь порядковым номером или формой, мы производили статистическую обработку данных, исходя из 421 названия.

Достоверность и обоснованность полученных результатов обеспечиваются общей методологической и теоретической базой исследования, включающей работы в области ономастики и лингвокультурологии (В.Д. Бондалетов, В.В. Воробьев, В.А. Маслова, Н.А. Максимчук, В.А. Никонов, Н.В. Подольская, И.В. Привалова, А.В. Суперанская, В.И. Супрун, Э. Хоффман, Г. Бауэр и др.), а также использованием следующих общенаучных и специальных лингвистических методов исследования: исторического, описательного, аналитического, классификационного, структурного, сопоставительного, метода экспликации лингвокультурологической информации.

Согласно Военному энциклопедическому словарю, под операцией понимается совокупность согласованных и взаимосвязанных по целям, задачам, месту и времени сражений, боевых действий, боев, ударов и маневра войск (сил), проводимых одновременно или последовательно по единому замыслу и плану для решения задач на театре (театрах) военных действий, стратегическом (операционном) направлении или в определенном обширном районе (зоне) в установленный период времени; форма военных (боевых) действий [2]. Следует иметь в виду, что не все военные операции получали названия в период разработки и планирования, некоторым ВО были даны обозначения лишь *post factum* – после их проведения.

Поскольку названия военных операций представляют собой обозначения событий, их следует отнести к хрононимам – одному из периферийных разрядов ономастической лексики. Термин «хрононим» (от греч. *χρονος* – ‘время, пора’+ *оним*) [10, с. 147] является традиционным для отечественной лингвистики, однако в ономастической науке для названия событий применяются и другие термины – праксонимы (Г. Бауэр), эвентонимы (П. Донец), событийные имена (Э. Хоффманн).

Указывая на специфику ономастических полей разных сфер деятельности человека и соответственно возможности целенаправленного описания военной сферы, для обозначения разного рода военных действий Н.А. Фатеева предлагает ввести в научный оборот термин «милитарионим» (от лат. *militaris* – ‘военный’ и греч. *опута*, *опота* – ‘имя’) [14], [16, с. 255]. К милитарионимам было предложено относить названия военных конфликтов, наступлений, битв, сражений, планов операций и пр. Однако семантика компонента «*militaris*» – «военный» позволяет применить термин «милитарионим» к обозначениям не только военных событий, но и других объектов и субъектов военной сферы [5], [6], и в последующих работах ав-

тор пришел к выводу о необходимости расширить границы данного термина [17], [19]. Таким образом, названия военных операций, как и других военных событий, предлагается рассматривать как милитарионимные хрононимы.

Важной характеристикой имени собственного как культурного знака является его ассоциативно-культурный фон (АКФ) (Н.А. Максимчук), под которым в общем смысле понимается сопровождающая ним внеязыковая информация энциклопедического толка. При этом «компонент *культурный* указывает на то, что фоновые знания, сопровождающие имя собственное, носят прежде всего культурологический характер (культура в данном случае понимается максимально широко); компонент *ассоциативный* называет основной путь формирования, расширения и затем выявления фоновых знаний» [7, с. 166–167], [9]. Экспликация АКФ предполагает развертывание имени собственного в текст, что позволяет воссоздать мини-фрагмент соответствующей лингвокультуры.

Структура АКФ имени зависит, прежде всего, от его разряда, задающего набор направлений ассоциирования [8, с. 205]. Так, ассоциативно-культурный фон хрононимов включает информацию о главных участниках, месте, причинах и значении именуемых ими явлений и процессов, а также о произведениях литературы и искусства, посвященных данным событиям [5].

Мы предполагаем, что для онимов военной сферы, в том числе для кодовых названий военных операций, АКФ имеет особое значение, поскольку информация, ассоциируемая с именами, выбранными командованием для обозначения боевых действий, позволяет сделать выводы о его ценностных и мировоззренческих установках.

В структуру АКФ названий военных операций может входить следующая информация:

- время и место проведения операции;
- участники операции (с обеих сторон);
- образцы военной техники, (впервые) использованные в операции;
- результаты операции;
- мемориальные места, литературные, музыкальные произведения, посвященные данным событиям;
- информация об имени собственном или имени нарицательном, используемом в качестве кодового названия ВО.

Например, АКФ названия «Курская битва» содержит сведения о том, что данное сражение, длившееся 50 дней (5 июля – 23 августа 1943 года) на Курской дуге между армией фашистской Германии (командующие Э. фон Манштейн, Г.Х. фон Клюге, В. Модель, Г. Гот) и Красной армией под командованием Г.К. Жукова, Н.Ф. Ватутина, М.Е. Катюкова, И.С. Конева, К.К. Рокоссовского, является одной из крупнейших битв Второй мировой войны. В битве участвовали около 2 миллионов человек, 6 тысяч танков, 4 тысяч самолетов. С обеих сторон использовалась передовая военная техника (танки Т-34, «Тигры» и «Пантеры»). Сражение, состоявшее из ряда оборонительных и наступательных операций Красной армии (в том числе операций «Румянцев», «Кутузов»), закончилось крахом стратегического наступательного

плана немецкого командования под названием «Цитадель», победой Красной армии и ознаменовало завершение коренного перелома во Второй мировой войне, начатого под Сталинградом. Обе стороны понесли масштабные потери. Память о сражении увековечена в мемориальном комплексе «Курская дуга», а также в художественном фильме «Огненная дуга» (1969) из киноэпопеи «Освобождение».

В дальнейшем изложении, при описании кодовых названий военных операций вермахта и Красной армии, мы будем приводить элементы АКФ этих названий.

Немаловажным представляется вопрос о функциях, выполняемых кодовыми названиями ВО. Как и все имена собственные, такие названия выполняют основные ономастические функции – номинативную (называют военные операции), идентифицирующую (конкретизируют ВО), дифференцирующую (отграничивают от подобных им), коммуникативную (используются в общении для достижения определенных целей) [1], [15], а также такие дополнительные функции, как:

- кумулятивная, которая проявляется в способности ИС накапливать лингвокультурологическую и/или энциклопедическую информацию. Так, каждое кодовое название может стать заголовочным словом статьи в военном или энциклопедическом словаре, где будет раскрываться содержание соответствующей операции;

- функция «введения в ряд»: кодовые названия ВО как Красной армии, так и вермахта построены по определенным моделям или по определенной логике, в результате чего оказывается возможным выявить ассоциативные ряды или сгруппировать их по тематическому признаку;

- управленческая, которая заключается в обеспечении организации боевых действий;

- мобилизующая, направленная на укрепление боевого духа воинов;

- мировоззренческая: названия ВО отражают идеологические установки, национально-культурную принадлежность номинатора (ср. [4, с. 29]);

- дезориентирующая (используется для того, чтобы скрыть информацию о проведении операции от противника);

- камуфлирующая (эвфемизирующая), которая направлена на «представление операции в приуменьшенном или наиболее нейтральном ракурсе» [4, с. 28]. Суть данной функции заключается в том, что при выборе названий военных операций, неизбежно сопровождающихся потерями личного состава и убийством гражданского населения, избегают лексических единиц со значением убийства, насилия и агрессии. Предпочтение отдается нейтральным названиям, таким как личные имена, географические названия, мифонимы, астронимы.

Перейдем к структурно-семантической характеристике названий военных операций вермахта. С точки зрения структуры, абсолютное большинство кодовых названий ВО вермахта являются однокомпонентными, что может быть связано со стремлением к языковой экономии при выполнении управленческих задач. В рамках данной группы можно выделить существительные одноосновные (например, *Dora*,

Eiche) и сложные, включающие две, реже три основы, что связано с распространенностью в немецком языке такого типа словообразования, как словосложение (например, *Donnerschlag*, *Mondscheinsonate*, *Nordlicht-Bewegung*).

Как правило, в дискурсе кодовые названия ВО функционируют в сочетании с терминами «Unternehmen», «Operation» – «операция»: *Unternehmen Barbarossa*, *Operation Hedderich*.

Ряд названий представляют собой устойчивые сочетания и потому рассматриваются нами как двухкомпонентные. Это названия, включающие:

- термин *Fall* – «план»: *Fall Achse*, *Fall Rot* и др.;

- термин «*Bewegung*» – «маневр»: *Blaue Bewegung*, *Grüne Bewegung*;

- имя числительное: *Fredericus I*, *Fredericus II*; *Margarethe I*, *Margarethe II*, *Aktion 24*;

- указание на сторону света: *Tanne Ost*, *Tanne West*, *Weserübung Nord*, *Weserübung Süd*;

- небольшая группа названий, представляющих собой существительные с определением, выраженным прилагательным: *Großer Schlag*, *Hohes Venn*, *Trojantisches Pferd*, *Wirbelwind Klein*, существительным *Festung Holland*, *Mitte Juli*, как и одной буквой: *Nelly U*.

Трехкомпонентными являются названия, включающие в дополнение к термину *Fall* числительное: *Fall Forelle I/II*, *Fall Marder I/II*, *Fall Blume I/II*, а также названия, образованные при помощи предлога: *Kampf um Rom*, *Wacht am Rhein*, как и префикса *von*: *Götz von Berlichingen*.

С точки зрения лексического наполнения, кодовые названия военных операций представлены именами нарицательными (63,7 %, то есть почти две трети всех названий) и именами собственными (36,3 % названий).

По соотносительности с денотатом данные имена собственные распределяются на несколько разрядов¹:

1) антропонимы – собственные имена людей (69 имен):

а) имена исторических личностей: *Alarich*, *Attila*, *Fredericus*, *Georg*, *Konstantin*, *Barbarossa*, *Hannibal*, *Konrad*, *Schamil*, *Götz von Berlichingen* и др.;

б) имена персонажей литературных произведений: *Odyseus*, *Beowulf* и др.;

в) библейские имена: *Jacob*, *Judas*;

г) личные имена²:

- мужские имена: *Anton*, *Felix*, *Hartmut* и др.;

- женские имена: *Gisela*, *Isabella*, *Amina* и др.;

2) мифонимы – имена персонажей античной и древнегерманской мифологии (14 имен): *Cerberus*, *Ikarus*, *Juno*, *Rübezahl*, *Walküre*, *Siegfried*, *Brunhild* и др.;

¹ В некоторых случаях отнесение имен к тому или иному разряду оказывалось сложным, поскольку один и то же они в разных контекстах может рассматриваться как представитель разных разрядов, например: *Wallenstein* 1) имя полководца Тридцатилетней войны (антропоним); 2) название трилогии Ф. Шиллера (название литературного произведения); 3) имя героя данной трилогии (литературное имя). *Weber* 1) немецкая фамилия (антропоним); 2) название драмы Г. Гауптмана (название литературного произведения); 3) географическое название (топоним).

² Следует отметить, что 12 личных имен использовались в качестве букв фонетического алфавита варианта 1934 года: *Anton*, *Dora*, *Fritz*, *Otto*, *Richard*, *Siegfried*, *Viktor* и др. [20].

3) топонимы – географические названия (55 названий):

а) названия государств и регионов: *Irak, Lika, Attika*;

б) названия населенных пунктов: *Berlin, Braunschweig, Cottbus, Hannover, Cannae, Bogdanow* и др.;

в) названия островов и полуостровов: *Capri, Istrien*;

г) названия рек: *Elbe, Trave*;

д) названия отдельных объектов: *Kreml, Sanssouci*;

4) астрономы – названия небесных тел: *Merkur, Neptun, Mars* (3);

5) названия произведений литературы и искусства (14): *Freischütz (Вольный стрелок), Mondscheinsonate (Лунная соната), Zigeunerbaron (Цыганский барон), Zauberflöte (Волшебная флейта), Aida (Аида), Walzertraum (Сон в вальсе), Nussknacker (Щелкунчик), Kampf um Rom (Битва за Рим), Wintermärchen (Зимняя сказка), Wacht am Rhein (Вахта на Рейне), Weber (Ткачи), Sommernachtstraum (Сон в летнюю ночь)* и др.

Анализируя имена собственные, выступающие в качестве названий ВО, можно заметить, что большая их часть представляет собой имена исторических личностей – германских и римских полководцев, рыцарей и народных героев – и отражает таким образом мировоззренческие и культурные установки номинатора:

Аларих (ок. 370–410) – первый король вестготов, предпринявший опустошительные походы в Грецию и Италию, завоевавший и разграбивший Рим;

Аттила (ок. 406–453) – вождь гуннов, успешно воевавший с Византией и Западной Римской империей, захвативший территории от Рейна до Волги;

Фридрих I Барбаросса (1122–1190) – король Германии и император Священной Римской империи, которая в период его правления достигла расцвета и военной мощи. Предпринял пять походов в Италию, участвовал в Третьем крестовом походе;

Ганнибал (247–183 до н.э.) – один из величайших полководцев и военных стратегов древности, посвятивший большую часть жизни борьбе с Римом.

Мифонимы, выбранные немецким командованием для обозначения планов военных действий, являются в основном именами известных героев греческих и римских мифов. Однако в данной группе встречаются имена персонажей и германской мифологии:

Рюбецаль (Rübezahl) – горный дух, обитающий в Исполинских горах в Чехии, олицетворение горной непогоды; упоминается в немецких сказках и легендах с XV века;

Клабаутерман (Klabautermann) – корабельный дух, являющийся человеку в виде маленького матроса с трубкой, который помогает капитану в случае опасности.

Анализ тематического разнообразия названий ВО, представленных нарицательными именами, позволил объединить их в 15 тематических групп:

1) названия птиц, животных, рыб: *Birkhahn (тетерев), Delphin (дельфин), Eisbär (белый медведь), Fischreiher (цапля), Forelle (форель), Greif (гриф), Haifisch (акула), Leopard (леопард)* и др. (63 единицы);

2) названия природных явлений и объектов: *Donnerschlag (удар грома), Frühlingserwachen (весеннее пробуждение), Frühlingwind (весенний ветер), Herbstnebel (осенний туман), Kugelblitz (шаровая молния), Nordlicht (полярное сияние), Nordwind (северный ветер), Regenbogen (радуга), Schneesturm (вьюга), Wiesengrund (луговая долина), Wespennest (осиное гнездо)* и др. (56);

3) названия растений и их частей: *Alpenveilchen (альпийская фиалка), Aster (астра), Birke (береза), Edelweiss (эдельвейс), Eiche (дуб), Herbstzeitlose (безвременник осенний), Knospe (почка), Olivenbaum (олива)* и др. (18);

4) названия, включающие термин «маневр»: *A-Bewegung, Nordlicht-Bewegung, Hagen-Bewegung* (12);

5) названия, обозначающие разные виды действий и деятельности человека: *Ausladung (выгрузка), Herbstreise (осенняя поездка), Lichtschlag (рубка осветления), Olivenernte (сбор урожая оливок)* и др. (12);

6) названия видов охоты и используемых для нее приспособлений: *Harpune (гарпун), Safari (сафари), Störfang (лов осетра), Hasenjagd (охота на зайцев), Raubvogelkäfig (клетка для хищных птиц)* и др. (11);

7) названия, обозначающие род занятий, социальную или национальную принадлежность: *Eilbote (гонимец), Landwirt (крестьянин), Wiking/Wikinger (викинг)* и др. (11);

8) обозначения цвета: *Fall Blau (план «Блау» или план «Синий»), Fall Rot (в русскоязычных источниках – Французская операция или Падение Франции), Fall Gelb (план «Желтый»), Fall Braun (план «Коричневый»)* и др. (9);

9) названия, связанные с учебной деятельностью: *Lehrgang (учебный сбор), Rheinübung (учения на Рейне), Weserübung (учения на Везере), Gesellenprüfung (экзамен на звание подмастерья)* и др. (7);

10) названия материалов и инструментов, используемых в практической деятельности: *Stahl (сталь), Beton (бетон), Feuerzange (каминные щипцы), Dampfhammer (паровой молот)* и др. (7);

11) названия, обозначающие праздники и их атрибуты: *Erntefest (праздник урожая), Frühlingfest (весенний праздник), Maibaum (майское дерево), Pfingstausflug (прогулка на Троицу), Walpurgisnacht (Вальпургиева ночь), Weihnachtstmann (Рождественский Дед)* (6);

12) названия букв алфавита (латинского и греческого): *G, N, Alfa, Beta, Gamma, Delta* (6);

13) названия минералов, химических элементов: *Antimon (сурьма), Blei (свинец), Eisen (железо), Feuerstein (кремень), Granit (гранит)* (5);

14) названия, относящиеся к военной сфере: *Panzerfaust (фауст-пантон), Attacke (атака), Unternehmen 505 (план 505), Feuerzauber (зенитный огонь), Landsturm (ландштурм, ополчение)* (5);

15) названия строительных сооружений и их частей: *Sportpalast (дворец спорта), Zitadelle (крепость), Rumpelkammer (чулан), Loge (ложка)* (4).

В отдельную группу можно выделить названия военных операций с семантической доминантой «измена, предательство, коварство»: *Verrat (измена)*,

Judas (Иуда), Treuebruch (предательство), Trojanisches Pferd (Троянский конь).

Прочие кодовые названия ВО составили 35 единиц.

Перейдем к рассмотрению способов кодовой номинации военных операций. С.М. Кравцов и Е.А. Соловьева в результате анализа способов и источников формирования кодовой номинации французских военных операций выделили следующие их типы:

- аббревиация;

- названия объектов окружающего мира, не имеющих выраженной специфической связи ни с регионом развертывания, ни с характером и содержанием операции;

- названия различных реалий, имеющих смежную связь с зоной развертывания;

- названия реалий, имеющих смежную связь или ассоциативное сходство с содержанием или характером операции;

- кодовые онимы, имеющие связь с коалиционным взаимодействием [4; с. 23].

Среди кодовых названий ВО вермахта нет аббревиатур, однако в качестве специфического случая аббревиации можно рассматривать названия, состоящие из одной буквы-инициала: операции *G* и *N*, проведенные в мае 1940 под городами Гент и Намур соответственно. К данным названиям примыкают названия *A-Bewegung (Маневр А)* – перемещение войск перед нападением на Польшу в августе 1939 года и *Z-Plan (План Z)* по созданию флота, способного противостоять флоту Англии.

Что касается выбора германским командованием названия для той или иной операции, то можно констатировать, что большая часть именовании не имеет выраженной связи с отдельными аспектами проведения намеченных боевых действий. В ряде случаев четко прослеживается связь названия операции со временем ее проведения. Так, операция *Wintergewitter (Зимняя гроза)* была запланирована на декабрь 1942 г. с целью деблокады группировки немецких войск, окруженной под Сталинградом.

Несколько операций с названием, включающим компонент *Herbst* (осень), действительно, были запланированы на осенние месяцы: *Herbstreise (осеннее путешествие)* – осенью 1940 г., *Herbstlaub (осенняя листва)* – 15.09.1942 года, *Herbstnebel (осенний туман)* – 27.10.1944 года, *Herbstreise (осеннее путешествие)* – осенью 1940 года, *Herbstzeitlose (безвременник осенний)* – 15.09.1942 года. Однако антипартизанские операции *Herbstgewitter I и II (осенняя гроза I и II)* проводились 27 ноября и 22 декабря 1943 года, то есть ближе к зиме. Соответственно операции с компонентом *Frühling* (весна), такие как *Frühling, Frühlinganfang (начало весны), Frühlingserwachen (весеннее пробуждение), Frühlingfest (весенний праздник)* осуществлялись весной. Операция *Frühlingwind (весенний ветер)* намечалась на февраль 1944 года и могла ассоциироваться с приближением данного времени года.

Операция *Weihnachtsmann (Рождественский Дед/Дед Мороз)* проводилась 26.12.1943 года, то есть сразу после празднования Рождества по европейскому календарю (25 декабря).

Далее оказывается возможным выявить связь названия операции с местом ее проведения. В част-

ности, операция *Auda*, как и действие одноименной оперы Дж. Верди, проходила в Египте; операция *Шамиль*, получившая свое название в честь имама Дагестана и Чечни Шамиля, организовавшего в XIX веке борьбу против Российской империи, – на Кавказе; операция *Аларих*, названная именем короля вестготов – в Италии, которую он стремился завоевать.

Подобным образом названия *Olymp (Олимп)* и *Parnas (Парнас)* были выбраны для проведения операции в Греции, а передислокация подлодок через Адриатическое море в Эгейское получила название *Одиссей*.

Операция *Silberfuchs (Черно-бурая лисица)* представляла собой план совместных действий немецко-финских войск под Мурманском в 1941 г. Ее отдельные стадии носили названия *Rentier (Северный олень), Platinfuchs (платиновая лиса), Polarfuchs (немец)*. Все названия входят в тематическое поле «животные Севера» и косвенно указывают на место проведения военных действий.

В отличие от большинства кодовых названий, маскирующих намерения командования, абсолютно прозрачным является название операции *Кремль*, ставящей своей целью инсценировку наступления на Москву в 1942 г. для обеспечения реализации плана *Блау*. В данном случае командование немецких войск было заинтересовано в том, чтобы советская разведка поверила в истинность намерений противника.

Косвенную связь со стремительным характером проведения боевых действий можно проследить в названиях операций, восходящих к названиям стихийных природных явлений, таких как *Taifun (тайфун)* – наступление гитлеровских войск под Москвой, намеченное на октябрь 1941 года; *Kugelblitz (шаровая молния)* – операция по уничтожению партизан в Восточной Боснии в декабре 1943 года; *Nordwind (северный ветер)* – операция вермахта против союзных сил Франции и США в январе 1945 года.

В названии операции *Haudegen (рубака, вояка)* скрыто имя ее руководителя Вильгельма Деге – ученого-географа, возглавившего группу метеорологов на острове Шпицберген, составлявших прогнозы погоды для вермахта в 1944–1945 годах.

Обращает на себя внимание также тот факт, что ВО, названия которых представляют собой именованные морских животных, проводились на море, а операции, в основу названий которых положены именованные летающих животных, – авиацией:

операция *Seelöwe (Морской лев)* – десантная операция по высадке на Британские острова;

операция *Seehund (Тюлень)* (5.02.–19.04.1943) – операция на подводных лодках у побережья Южной Африки и в Индийском океане;

операция *Fledermaus (Летучая мышь)* (12.05.1941) – авиационная операция Германии по бомбардировке британских аэродромов.

Особенностью списка немецких кодовых названий является присутствие в нем реалий, имеющих антонимические отношения к месту, времени проведения операции или ее характеру. Так, операция по уничтожению железнодорожной ветки Воркута – Котлас была названа *Dschungel (Джунгли)*, а высадка десанта на остров Кос в Эгейском море – *Eisbär (Бе-*

лый медведь). Здесь в полной мере проявляется дезориентирующая функция кодовых названий, обеспечивающая скрытие замысла проведения операции от противника.

При изучении списка кодовых названий военных операций вермахта выявляется такое явление, как тезоименность (одно название присваивается нескольким операциям). Например, название *Regenbogen (Па-дуга)* носят операция военно-морских сил вермахта в Баренцевом море в декабре 1942 г. и самопогружение немецких подводных лодок в мае 1945 г.

Название *Rösselsprung (Ход конем)* получила попытка 500-го воздушно-десантного батальона СС взять в плен Главный штаб Тито 25.05.1944 г., а также операция военного флота по уничтожению арктического конвоя PQ 17, доставлявшего в СССР стратегические грузы и военную технику по ленд-лизу.

Четырем военным операциям было присвоено кодовое название *Panther (Пантера)* (в мае 1940 года во Франции, летом 1943 под Курском, в октябре 1943 в Греции, в декабре 1943 в Хорватии).

В рамках данной работы в качестве тезоименных рассматривались также кодовые названия ВО,

а) отличающиеся номером:

Fredericus I (Фридрих I) (17.05.42) – наступление немецких войск по линии фронта под Харьковом;

Fredericus II (Фридрих II) (22.06.42) – продолжение операции *Fredericus I*, предполагающее взятие Купянска;

б) отличающиеся указанием на сторону света:

Tanne Ost (Восточная пихта) (15.09.44) – потерпевший неудачу план захвата острова Гогланда в Финском заливе;

Tanne West (Западная пихта) (26.09.44) – план захвата Аландских островов в Балтийском море;

в) отличающиеся написанием:

Wiking (08.10.43) – разминирование Кубанского плацдарма;

Wiking (22.02.40) – операция немецких ВМС.

В других случаях можно установить изменение названия одного и того же плана в процессе его разработки. Например, название плана нападения на Советский Союз *Fritz (Фриц)* в ходе его разработки было заменено на *Fall Barbarossa (план Барбаросса)*.

Анализ ассоциативно-культурного фона кодовых названий ВО вермахта выявляет определенную специфику идеологических установок номинатора. Как было сказано выше, кодовые названия призваны представить операцию в максимально нейтральном виде. Однако присвоение военным, в том числе карательным операциям названий произведений культуры и искусства («Вольный стрелок», «Лунная соната», «Сон в летнюю ночь» и другие), названий праздников и их атрибутов указывает на бесчеловечность и лицемерие фашистского военного командования. В качестве примера можно привести названия операций по уничтожению белорусских партизан *Nachbarhilfe (помощь соседу)*, югославских партизан *Weihnachtsmann (Рождественский дед/Дед Мороз)*, ночного воздушного налета на английский город Ковентри *Mondscheinsonate (Лунная соната)*.

Перейдем к структурно-семантической характеристике кодовых названий военных операций Красной армии.

Большая часть названий военных операций Красной армии образована на базе имен нарицательных с участием онимов или образованных от них прилагательных, например *Сталинградское сражение*, *Берлинская операция*, *Курская битва*. В качестве ядра названия выступают термины «операция», «битва», «сражение» [5].

Кодовые названия получили лишь 15 военных операций.

С точки зрения ономастического наполнения, 12 кодовых названий ВО Красной армии представляют собой имена собственные, что составляет 80 % от общего количества названий. С точки зрения структуры, 75 % названий (10 из 15) являются однокомпонентными.

Кодовые названия ВО Красной армии также можно объединить в несколько тематических групп. В первую очередь, необходимо выделить названия ВО, представленные антропонимами – именами выдающихся российских военачальников:

операция «Кутузов» – Орловская стратегическая наступательная операция (12.07.–18.08.1943 г.);

операция «(Полководец) Румянцев» – Белгородско-Харьковская стратегическая наступательная операция (3.08.–23.08.1943 г.);

операция «Суворов» – Смоленская стратегическая наступательная операция (7.08.–2.10.1943 г.);

операция «Багратион» – Белорусская наступательная операция (23.06.–29.08.1944 г.).

Анализ ассоциативно-культурного фона названий операций «Кутузов», «Суворов», «Румянцев» и «Багратион» позволяет предположить, что выбор советским командованием данных имен был обусловлен их высоким мотивирующим и мобилизующим потенциалом, поскольку они отождествляются в сознании носителя русской культуры с патриотизмом, защитой Отечества в освободительной войне, подвигами и победой³.

За несколькими планами наступательных операций закреплены астронимы – названия планет. Операция *Марс* (25.11.–20.12.1942 г. – *Вторая Ржевско-Сычевская наступательная операция*) закончилась неудачей и не достигла своих целей; вследствие этого не была проведена операция *Юпитер*. Под названием *Сатурн* должно было пройти наступление Красной армии на внешнем фронте Сталинградского кольца, однако вместо нее на этом же направлении была про-

³ А.В. Суворов (1730–1800) является одним из самых известных полководцев в мире и самым известным российским военачальником, не знавшим поражений. Воспитывал солдат, вслед за Румянцевым, в патриотическом духе. Солдаты под личным командованием Суворова шли в атаку на пятикратно превосходящего противника и побеждали.

М.И. Кутузов (1745–1813) вошел в историю Российского государства как полководец, дипломат и главнокомандующий русской армией во время Отечественной войны 1812 г., благодаря которому война закончилась победой при относительно небольших потерях.

П.И. Багратион (1765–1812) также получил известность в войне с Наполеоном. В Отечественной войне 1812 г. он стал главнокомандующим 2-й Западной армией, был инициатором и организатором партизанского движения и имел большую популярность в войсках.

П.А. Румянцев (1725–1796) получил высокую оценку как полководец за развитие отечественной военной доктрины. Он добивался побед при многократном превосходстве сил противника, поощряя разумную инициативу командиров на поле боя и отказываясь от принятой в XVIII веке европейской линейной тактики.

ведена операция меньшего масштаба *Малый Сатурн* – *Среднедонская операция* (16.12.–30.12.1942 г.). Название *Уран* получила *Сталинградская стратегическая наступательная операция* (19.11.1942–2.02.1943 г.). При этом планируемость последовательности проведения ВО, получивших названия планет Солнечной системы, соответствует расположению данных планет.

Данные названия-астрономы являются нейтральными, поскольку не имеют выраженной связи с какими-либо аспектами проведения операции.

Две военные операции были названы в честь революционных периодических изданий, олицетворявших борьбу за свободу и справедливость:

- операция «*Искра*» (наступательная операция советских войск с целью прорыва блокады Ленинграда в январе 1943 г.),

- операция «*Полярная звезда*» (наступательная операция по окружению и уничтожению группы армий Север в феврале – апреле 1943 г.). Данное название можно трактовать и как астрономическое, продолжающее ряд описанных выше наступательных операций конца 1942 года.

Три названия операций косвенно указывают на характер проведения боевых действий. Таковыми являются операция *Кольцо* (10.01.–2.02.1943 г., заключительная часть Сталинградской битвы, целью которой являлось уничтожение взятого в окружение противника), *Скачок* (Ворошиловградская наступательная операция, 29.01.–18.02.1943 г., предполагавшая стремительное освобождение Донбасса), *Январский гром* (Красносельско-Ропшинская операция, 14.01.–30.01.1944 г., наступательная мощь которой была направлена на снятие блокады Ленинграда). Последнее название представляется нам своего рода «ответом» на проведение операции немецких войск «*Wintergewitter*» («Зимняя гроза») 12.12.–24.12.1942 г. по выведению из окружения 6-й армии Паулюса в районе Сталинграда.

Вне указанных тематических рядов стоит кодовое название операции *Дон* (1.01.–4.02.1943 г., Северо-Кавказская наступательная операция, получившая название по месту развертывания).

Необходимо отметить, что кодовые названия получали также операции советских партизан в тылу врага, однако их рассмотрение не является задачей настоящей работы.

Таким образом, в настоящей работе был проведен комплексный сопоставительный структурно-семантический и лингвокультурологический анализ кодовых названий военных операций вермахта и Красной армии, рассматриваемых как разновидность милитарионимов-хрононимов.

В результате структурно-морфологического анализа было установлено, что большинство русскоязычных и немецкоязычных названий являются однокомпонентными, что может быть обусловлено стремлением к языковой экономии: для функционирования в военном дискурсе названия должны быть краткими.

В процессе семантического анализа кодовые названия ВО Красной армии и вермахта были сгруппированы по тематическому признаку. Так, кодовые названия ВО Красной армии были объединены в три группы: имена исторических личностей, названия

планет и революционных периодических изданий. Названия кодовых операций вермахта представлены антропонимами, топонимами, мифонимами, астрономами, названиями произведений литературы и искусства, а также 15 тематическими группами имен нарицательных, самыми многочисленными из которых являются названия животных, растений, явлений и объектов природы.

Рассмотрение ономастических функций, выполняемых кодовыми названиями ВО, позволило выделить некоторые специфичные для данного разряда хрононимов функции, к которым следует отнести, прежде всего, управленческую, мобилизующую, дезориентирующую, мировоззренческую, эвфемизирующую.

Поскольку важнейшей функцией кодового названия военной операции является скрытие планов проведения боевых действий от противника, большинство именований не имеют ярко выраженной связи ни с регионом развертывания, ни с характером боевых действий, однако в ряде случаев прослеживаются ассоциативные связи кодовых названий с местом, временем или характером военной операции. В наибольшей степени дезориентирующая функция кодовых названий проявляется в именованиях, имеющих антонимические отношения к месту или времени проведения планируемых боевых действий.

В результате лингвокультурологического анализа кодовых названий ВО были выявлены названия, обладающие ярко выраженными культурно-социальными и историко-социальными коннотациями. В качестве примера можно привести кодовые названия ВО вермахта, представленные немецкими личными именами, именами германских полководцев, персонажей немецкой литературы и мифологии, названиями немецких городов, музыкальных и литературных произведений. В свою очередь, ряд названий ВО Красной армии восходит к концептам русской культуры. Это имена российских военачальников, названия революционных печатных изданий, географическое название.

Анализ ассоциативно-культурного фона кодовых названий свидетельствует об отличиях в ценностных ориентациях и мировоззренческих установках противоборствующих сторон. В частности, в качестве кодовых названий военных операций командование Красной армии, как и командование вермахта, использовало для поднятия боевого духа воинов имена исторических личностей. Однако если советским командованием были выбраны имена доблестных полководцев, прославивших русскую армию и вошедших в историю как образцы воинского благородства и чести, то командование фашистской Германии использовало в качестве названий операций имена воинов, ассоциирующихся не только с победой, но и с насилием. Это можно объяснить, в первую очередь, тем, что гитлеровская Германия вела войну захватническую, сопровождающуюся военными преступлениями и нарушениями норм международного военного права, а для Советского Союза война носила справедливый и освободительный характер.

Среди названий ВО вермахта обращают на себя внимание группы названий, обозначающих явления

природы и произведения искусства. Звучность таких названий вступает в резкий контраст с жесткостью военных действий и представляет собой циничную маскировку намерений командного состава гитлеровской армии. Кроме того, хищническая сущность целеустановок командиров гитлеровской армии проявилась при выборе имен и названий, восходящих к военачальникам-завоевателям, хищным птицам и животным, охоте, обладающих негативными коннотациями.

Таким образом, антропоцентрический подход к исследованию имен собственных военной сферы позволяет интерпретировать их как языковые знаки, отражающие специфику мировоззрения определенной части военного социума конкретного исторического периода. Из этого следует перспективность дальнейшего исследования имен собственных военной сферы и выделения военной ономастики в качестве отдельного направления ономастических исследований.

Литература

1. Бондалетов, В. Д. Русская ономастика: учеб. пособие / В. Д. Бондалетов. – Москва : Просвещение, 1983. – 224 с.
2. Военный энциклопедический словарь. – URL: <http://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details.htm?id=7674@morfDictionary> (дата обращения: 08.04.2024). – Текст : электронный.
3. Голев, Н. Д. Единство онтологического и ментально-бытия топонимической системы (к проблематике когнитивной топонимики) / Н. Д. Голев, Л. М. Дмитриева // Вопросы ономастики. – 2008. – № 5. – С. 5–17.
4. Кравцов, С. М. Лингвистические особенности и функции кодовых наименований французских военных операций / С. М. Кравцов, Е. А. Соловьева // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2018. – № 3. – С. 22–32.
5. Кургузова, Е. В. Названия военных операций в системе ономастической периферии (на материале названий военных операций Красной армии периода Великой Отечественной войны) / Е. В. Кургузова // Известия Смоленского государственного университета. – 2018. – № 4 (44). – С. 132–141.
6. Кургузова, Е. В. Военная топонимика: к постановке проблемы / Е. В. Кургузова // Поливановские чтения. – 2020. – № 14. – С. 121–126.
7. Максимчук, Н. А. Нормативно-научная картина мира русской языковой личности в комплексном лингвистическом рассмотрении / Н. А. Максимчук. – Смоленск : СГПУ, 2002. – Ч. 1. – 184 с.
8. Максимчук, Н. А. Классификационные признаки в комплексной характеристике ономастических единиц / Н. А. Максимчук // Филологические школы и их роль в систематизации научных исследований : Вестник Смоленского государственного университета. Серия 1: Филология. – Смоленск : Маджента, 2007. – Т. 1. – С. 190–207.
9. Максимчук, Н. А. Ассоциативно-культурный фон как форма существования и способ представления внеязыкового содержания имени собственного / Н. А. Максимчук // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования. Сборник научных статей международной научной конференции. – Смоленск : Издательство СмолГУ, 2016. – С. 356–360.
10. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Наука, 1988. – 192 с.
11. Родина, Н. А. Военнослужащий-ономатет: особенности номинации военных операций (на примере названий боевых действий советских войск) / Н. А. Родина // Поливановские чтения. – 2020. – № 14. – С. 168–175.
12. Родина, Н. А. Ономастическая составляющая языковой личности российского военнослужащего / Н. А. Родина // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. – 2021. – № 1. – С. 51–60.
13. Соколова, А. А. К вопросу о фразеологических милитарионимах / А. А. Соколова, Н. А. Фатеева // Ономастика Поволжья: Материалы XX Международной научной конференции. – Волгоград, 2022. – С. 281–285.
14. Соколова, А. А. Русские милитарионимы как особый класс в системе фразеологической ономастики / А. А. Соколова, Н. А. Фатеева // Фразеологические единицы как элемент языковой картины мира : сборник материалов Всероссийской научной конференции / ответственный редактор Н. Б. Усачева. – Курган : Издательство Курганского государственного университета, 2015. – С. 96–102.
15. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – Москва : Наука, 1973. – 367 с.
16. Фатеева, Н. А. Место милитарионимов в системе современной ономастики / Н. А. Фатеева // Ономастика Поволжья : материалы XVI Международной научной конференции, посвященной 50-летию юбилею первой Поволжской ономастической конференции и памяти ее организатора В. А. Никонова (Ульяновск, 20–23 сентября 2017 г.) / под редакцией С. В. Рябушкиной, В. И. Супруна, Е. В. Захаровой, Е. Ф. Галушко : в 2 томах. – Ульяновск : ФГБОУ ВО «УлГПУ им. И.Н. Ульянова», 2017. – Т. 2. – С. 252–260.
17. Фатеева, Н. А. Милитарионимное поле Сталинграда / Н. А. Фатеева // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2018. – № 7 (130). – С. 99–104.
18. Фатеева, Н. А. Названия военных событий как особый класс хронимов / Н. А. Фатеева // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2018. – № 2. – С. 57–59.
19. Фатеева, Н. А. Проблема критериев отбора милитарионимов / Н. А. Фатеева // Ономастика Поволжья : сборник научных статей. – Кострома, 2020. – С. 106–112.
20. Buchstabiertafel. – URL: <https://de.m.wikipedia.org> (дата обращения: 23.03.2022). – Текст : электронный.
21. Decknamen militärischer Operationen im Zweiten Weltkrieg der Achsenmächte. – URL: <http://www.lexikon-der-wehrmacht.de/Soldat/Decknamen.htm> (дата обращения: 24.02.2022). – Текст : электронный.

E.V. Kurguzova

**NAMES OF MILITARY OPERATIONS AS AN OBJECT OF ONOMASTIC RESEARCH
(based on the code names of military operations of Red Army and Wehrmacht during World War II)**

The article is devoted to a comprehensive linguistic description of the code names of military operations of the Red Army and the Wehrmacht during the Second World War, considered as militaryonyms-chrononyms. As a result of the structural and morphological analysis of the German names of military operations, it was established that one-word and one-compound names dominate among them, which is associated with the desire for linguistic economy. From the point of view of onomastic content, German code names are represented by proper names and common nouns. Among the proper names that function as the names of military operations, the most numerous are the names of historical figures. The semantic analysis of the names, represented by common nouns, made it possible to group them thematically. The names of animals, plants and natural phenomena are most frequently used. The author identifies the onomastic functions specific to the code names of military operations: managerial, mobilizing, disorienting, ideological, euphemizing. As a result of the linguocultural analysis of the code names of military operations, which involves a description of the associative-cultural background of proper names, the author distinguishes some differences in the values and worldviews of the warring parties. The author comes to the conclusion that the concepts of Russian and German culture are reflected in the names of military operations.

Military onomastics, chrononym, militaryonym, code names, proper name, common noun, associative cultural background, linguoculturology.

*А.С. Румянцова**Вологодский государственный университет*

ОСОБЕННОСТИ МЕХАНИЗМА ВЫВЕДЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОГО ПРОТОТИПА

Статья рассматривает процедуру и особенности процесса выведения лексического прототипа единицы языка. Процесс вывода лексического прототипа заключается в том, чтобы сформулировать усредненное номинативно-непроизводное значение лексической единицы, минимальные признаки которого в дальнейшем можно применять для анализа любой коммуникативной ситуации: как при прямом употреблении, так и на основе метафорического и/или метонимического переносов. Лексический прототип в готовом виде является инвариантом, минимальным пучком признаков, характеризующих единицу языка. Они отражают опыт взаимодействия с окружающим миром типичного коммуниканта. Прикладывая лексический прототип к ситуации, становится возможным моментально сгенерировать необходимый смысл.

Язык, речь, процесс коммуникации, лексический прототип, метафорический перенос, метонимический перенос.

Одним из приоритетов современной лингвистики является не столько изучение структуры самого языка, сколько его непосредственное использование коммуникантом. В частности, актуальным вопросом здесь будет рассмотрение особенностей интерпретации услышанного носителем языка и выведение им некоего смысла. Указанная проблема осложняется тем, что наука о языке до сих пор не имеет универсальной и общепринятой концепции о том, какая ментальная единица лежит в основе быстрого понимания и формирования значения единицы языка.

Изучение и анализ особенностей формирования актуального значения слова имеет длительную историю. Причем одним из базовых аспектов здесь является анализ той единицы ментального лексикона носителя языка, которой он оперирует для моментального понимания значения услышанного или увиденного. Рассмотрим некоторые взгляды на вопрос о структуре лексического значения слова.

Представитель Женевской школы структурализма Ф. де Соссюр создает одну из наиболее влиятельных концепций, описывающих природу языка и речи. Он подчеркивает различие между языком и речью как между социальным и индивидуальным. На уровне системы языка, в мозгу человека, вся информация о слове и его значении фиксируется в процессе коммуникации и хранится в виде готового «клада» или «склада» признаков. Таким образом, значение представляет собой готовый к употреблению «отпечаток в мозгу» носителя языка о некоем объекте действительности, который при этом является монолитом [9, с. 47–48, 51, 52, 57].

Несмотря на авторитетность идей Ф. де Соссюра, большинство лингвистов все-таки сходятся на том, что компоненты ментального лексикона обладают определенной структурой, т.е. несут в себе мелкие, элементарные единицы смысла.

Так, еще в XIX веке А.А. Потебня говорит о «ближайшем» и «дальнейшем» значениях. Первое из них представляет собой то, что прежде всего приходит в голову человеку при произнесении слова, что известно всем говорящим на одном языке. «Дальнейшее» значение относится к личной области знаний каждого коммуниканта и характеризуется некоторой степенью субъективизма, являясь различным по качеству и количеству элементов [7, с. 10–12]. А.А. Потебня показал, что носители языка имеют разный объем знаний о слове, которое, тем не менее, имеет «ядро» значения, являющееся основой понимания людьми друг друга.

Другие авторы, как и А.А. Потебня, выделяют «ядро», несущее основную информацию о слове, и периферию, включающую определенный набор дополнительных признаков. При этом понятие как «содержательного ядра», так и «периферии» получают разные названия и смысл.

Так, В.В. Виноградов выделяет в структуре слова «номинативное значение» – ядро или «опору и общественно осознанный фундамент для всех значений и речупотреблений данной языковой единицы», а также «номинативно-производное» значение, которое является уже и специализированнее основного [2, с. 171].

С.Д. Кацнельсон говорит о «формальном понятии», т.е. минимальном наборе «общих и в то же время наиболее характерных отличительных признаков», которые необходимы для идентификации предмета или явления. В противовес «формальным» существуют «содержательные понятия», которые включают все «новые стороны предмета, его свойства и связи с другими сущностями». Данный компонент значения слова у разных людей может варьировать в силу различий индивидуального опыта, образования и «глубины мышления» [3, с. 18, 23].

Б.А. Серебренников уверен, что в основе значения слова лежит «узкое понятие», которое базируется на «известном минимуме дифференциальных отличительных признаков». Кроме «узких понятий», Б.А. Серебренников выделяет «широкие», под которыми он понимает «сумму знаний о предмете», которая зависит от совокупности экстралингвистических факторов и биологических предпосылок индивидуальной личности [5, с. 52–53].

М.В. Никитин за основу лексического значения берет «интенционал» – «совокупность семантических признаков», наличие которых считается обязательным для «сущностей» определенного класса. Кроме интенционала, в структуру лексического значения входит «импликационал» – периферия семантических признаков, куда входят признаки, с той или иной долей вероятности связанные с интенционалом [4, с. 110].

Таким образом, авторы представленных теорий выделяют ядерную часть, несущую основную, всем известную информацию о слове, и периферию, состоящую из возможных дополнительных признаков и смыслов. Можно предположить, что совокупность таких признаков и смыслов, хранящихся в голове каждого человека, создает фундамент лексического значения слова. Комбинируя их тем или иным образом, индивидуальная личность может получить обладающие смыслом выражения. Однако, по всей видимости, для успешного общения необходимо *хранить* набор подобных семантических признаков в ограниченной по объему долговременной памяти, а также моментально извлекать их из памяти и строить необходимые смыслы.

Если предположить, что функционирование системы языка происходит так, как описано выше, и носители языка, действительно, каждый раз обращаются к набору ядерных и/или периферийных признаков значения лексической единицы, то система языка выглядит достаточно сложной и нагроможденной. Однако это противоречит реальности, когда даже маленький ребенок, хотя и на элементарном уровне, но уже оперирует языковой системой. Отсюда появляется необходимость дальнейшего анализа структуры значения единиц языка.

Поставленные вопросы успешно решает «теория лексического прототипа» И.К. Архипова. Остановимся на ее безусловных преимуществах.

Первым достоинством обсуждаемой концепции является то, что в основе формирования лексического прототипа лежит наивная картина мира обыденных носителей языка. Она существует в голове типичного носителя языка и отражает обыденное видение действительности, что и служит основой формирования лексических прототипов слов. В них отражаются *наиболее существенные*, с точки зрения большинства носителей языка, интегральные и дифференциальные признаки [1, с. 18]. При этом природа значения и механизм его формирования, очевидно, остаются идентичными во всех языках в силу тождественности человеческой природы.

Во-вторых, природа лексического прототипа такова, что он оказывается единицей значительно более высокого уровня обобщения и отвлечения от конкретных признаков предмета. Под лексическим про-

тотипом И.К. Архипов понимает «наилучший представитель» семантики слова на уровне лексико-семантической системы языка, то есть инвариант. При этом признаки, входящие в лексический прототип, примитивны и не могут быть выведены один из другого. Следовательно, лексический прототип является основой (тем необходимым минимумом) для формирования всех лексико-семантических вариантов конкретной словоформы [1, с. 117–119]. Таким образом, «лексический прототип», очевидно, является наиболее оптимальной и компактной ментальной структурой, поскольку он обобщает семантические признаки, лежащие в основе всех речевых актуализаций слова.

Следует отметить, что лексический прототип реализуется в двух разновидностях: «ближайший» и «дальнейший». «Ближайшим лексическим прототипом» является номинативно-непроизводное значение – значение многозначного слова, которое первым приходит на ум большинству носителей языка, когда им предъявляют соответствующую языковую форму. И.К. Архипов предлагает расширить содержание ближайшего лексического прототипа слова и ввести компонент сравнения, лежащий в основе метафорических значений. Это делается, чтобы сформулировать инвариантное значение или «дальнейший лексический прототип», характеризуемый высшей степенью обобщения (например, «*tough – tenacious, or resilient when subjected to an external physical force, or as it were*» [8]). Это придает лексическому прототипу статус семантического ядра, достаточно компактного для хранения в долговременной памяти. «Прикладывая» лексический прототип к ситуациям общения, коммуникант получает возможность мгновенно выводить семантические признаки сущности, релевантные в данном контексте [1, с. 153–154].

Формирование и функционирование лексического прототипа можно представить следующим образом: взаимодействуя с предметами и явлениями окружающего мира, человек получает сигналы, позволяющие судить о свойствах сущностей. Эти сигналы воспринимаются всем телом через рецепторы систем, испытывающих воздействие. Тело в процессе семиозиса – построения нового знания – интерпретирует полученные данные. Так носитель языка генерирует информацию, запоминая при этом наиболее важные свойства сущностей в сопряжении с актуальным контекстом. Это закрепляется в жизненном опыте индивидуальной личности как некоторое состояние, соответствующее инварианту всех лексико-семантических вариантов, или лексическому прототипу. Коммуниканты выводят прямые и переносные значения, «прикладывая» лексический прототип слова к различным ситуациям (Там же, с. 157). Следовательно, лексический прототип обеспечивает основу для быстрого вывода всех значений и словарных дефиниций, доступных коммуниканту [10, р. 62].

Таким образом, теория лексического прототипа обладает значительными преимуществами и простотой с точки зрения использования ее индивидуальными личностями не только в процессе реального общения в языковой среде, но и при изучении иностранного языка, когда необходимо быстро понять значение высказывания, в том числе переносного.

Исходя из сказанного, актуально осветить особенности механизма вывода лексического прототипа. Для анализа возьмем приведенное выше многозначное английское прилагательное «tough». Его готовый лексический прототип уже представлен выше. Рассмотрим, как он был получен.

На первом этапе необходимо определить «усредненное» номинативно-непроизводное значение (ННЗ). Для этого используются толковые англоязычные словари, которые являются источниками необходимых дефиниций приводимых форм. В традиционной лексикологии принято считать, что номинативно-непроизводные значения являются отправной точкой деривации всех остальных лексико-семантических вариантов многозначных слов. По этой причине ННЗ занимают первое место в словарных статьях всех словарей, и анализ первых словарных дефиниций является первым шагом в формулировании лексического прототипа.

При установлении «усредненного» номинативно-непроизводного значения и содержательного ядра – лексического прототипа – и изучении механизмов построения актуального значения слова во избежание толкования результатов через синонимы используется метаязык. Он должен быть достаточно обобщенным, чтобы исполнять роль инструмента в описании.

Анализ дефиниций первого словарного значения прилагательного «tough» рассматривается в сводной таблице 1 ниже. При этом факт использования нескольких словарей обеспечивает относительную объективность полученных данных. В соответствующих дефинициях выделяются общие повторяющиеся компоненты значения – интегральные признаки (колонка 3) и дополнительные смыслы, семы, отмечаемые только составителями отдельных словарей – дифференциальные признаки (колонка 4). Все вместе они составляют «усредненное» ННЗ прилагательного «tough», эквивалентное, согласно точке зрения И.К. Архипова, его «ближайшему лексическому прототипу» [1, с. 153–154].

На основе компонентного анализа дефиниций можно констатировать, что выделяются следующие группы интегральных признаков (сем):

(1) tenacious; strongly cohesive; not easily broken, cut, weakened, divided, disintegrated, torn or worn out; strong or firm in texture; yielding to force without breaking; capable of resisting; strong enough to withstand; able to withstand; difficult to break, cut or tear; not fragile, brittle or tender; not liable to break, cut or tear;

(2) pliable; ductile; flexible; resilient;

(3) durable.

Все указанные семы характеризуют неотъемлемые свойства предмета, который описывается прилагательным «tough». Прежде всего, следует подробнее остановиться на признаке «tenacious». В соответствии с данными словаря Shorter, этот признак подразумевает прочность и твердость («cohesive, not easily pulled in pieces»), с одной стороны, и клейкость и вязкость («glutinous and sticky») – с другой. Этот спектр значений объясняется существованием соответствующих предметов и веществ, характеризующихся различными

агрегатными состояниями: при низких температурах они твердые и прочные («firm and resistant»), а при высоких – вязкие и даже клейкие («glutinous and sticky»).

Также словарь Shorter следующим образом трактует семы:

«cohesive» – «having the property of sticking together»;

«strong» – «capable of withstanding force»;

«firm» – «resistant to pressure»;

«not fragile, brittle or tender» – «not liable to break».

Приведенные формулировки позволяют объединить все перечисленные признаки в одну группу с признаком «tenacious», поскольку они присущи предметам, которые, будучи в твердом состоянии, способны выдерживать давление, не разрушаясь. Однако при нагревании они становятся клейкими.

Признак гибкости «pliable» составители словаря Shorter трактуют через «ductile» и «flexible», следовательно, все они обладают аналогичным значением. Признак «resilient» объясняется как «elastic; resuming an original shape or position after compression». Признак «flexible» подразумевает способность быть согнутым – «capable of being bent», что имплицитно включает возможность возвращения к исходной форме. На изложенных основаниях все эти четыре семы можно обобщить как «resilient». Это свойство отражает промежуточное состояние между твердостью и клейкостью.

На основании приведенных рассуждений можно выделить следующие обобщенные интегральные семы, а также подсчитать количество их упоминаний. Эти данные приводятся ниже:

(1) «tenacious» – 11;

(2) «resilient» – 5;

(3) «durable» – 3.

Признак «durable» является редким, поэтому им можно пренебречь. Принимая это во внимание, вводится следующая обобщенная формулировка: «tenacious, or resilient». В ней учитывается возможность существования у предмета, описываемого признаком «tough», разных агрегатных состояний. Это предполагает, что в зависимости от них меняются характеристики сущности, что объясняет использование союза «or» («или») в формулировке ННЗ.

Наличие семы «resilient» предполагает, что признак предмета в рассматриваемом случае является «активным», поскольку не только внешние воздействия могут повлиять на него, но и он сам «отвечает» на эти воздействия сопротивлением, ответным давлением и возвращением в итоге к исходной форме. Прилагательное «tough» описывает такие предметы, которые в случае воздействия на них могут терять свою форму, но, тем не менее, в итоге, когда внешняя сила ослабевает, возвращаются к исходному состоянию.

В качестве дифференциальных признаков выделяются возможные виды воздействий на предмет, что может привести к нарушению его формы и целостности. Они далее уточняются такими семами, как «breaking», «coming apart», «tearing» и др.

Определение ННЗ современного прилагательного «tough»

Словарь	Дефиниция первого ЛСВ	Интегральные признаки	Дифференциальные признаки
The Oxford English Dictionary (OED)	Of close tenacious substance or texture, strongly cohesive, so as to be pliable or ductile; not easily broken, divided or disintegrated; not fragile, brittle or tender	<i>Tenacious; strongly cohesive; pliable; ductile; not easily broken, divided or disintegrated; not fragile, brittle or tender</i>	<i>Substance or texture</i>
Webster's Third New International Dictionary unabridged (W3)	Having the quality of being strong or firm in texture but flexible and not brittle: yielding to force without breaking; capable of resisting great strain without coming apart	<i>Strong or firm in texture; flexible; not brittle; yielding to force without breaking; capable of resisting</i>	<i>When subjected to force or great strain</i>
Cambridge International Dictionary of English (CIDE)	Strong, not easily broken or weakened or defeated	<i>Strong; not easily broken</i>	
The American Heritage Dictionary of the English Language (AHD)	Able to withstand great strain without tearing or breaking; strong and resilient	<i>Able to withstand; strong; resilient</i>	<i>When subjected to great strain</i>
Collins English Dictionary (CED)	Strong or resilient, durable	<i>Strong; resilient; durable</i>	
Collins Cobuild English Language Dictionary (COBUILD)	a tough substance is strong and difficult to break, cut or tear	<i>Strong; difficult to break, cut or tear</i>	
Longman New Universal Dictionary (LNUD)	Strong and flexible; not brittle or liable to cut, break or tear	<i>Strong; flexible; not brittle; not liable to cut, break or tear</i>	
Longman Dictionary of the English Language and Culture (LDEL)	Strong, not easily weakened or broken; able to suffer difficult severe conditions	<i>Strong; not easily weakened or broken</i>	<i>When subjected to difficult severe conditions</i>
The Chambers Dictionary (TCD)	Strong and durable, not easily cut, broken, torn or worn out	<i>Strong; durable; not easily cut, broken, torn or worn out</i>	
The Random House Dictionary of the English Language (RHD)	Strong and durable, not easily broken or cut	<i>Strong; durable; not easily broken or cut</i>	
The New Oxford American Dictionary (NOAD)	Strong enough to withstand adverse conditions or rough or careless handling	<i>Strong enough to withstand</i>	<i>When subjected to adverse conditions or careless handling</i>

Итак, словари отмечают следующие виды воздействий с таким количеством упоминаний:

- «great strain» – 2;
- «difficult severe (adverse) conditions» – 2;
- «great force» – 1;
- «careless handling» – 1.

Следует отметить, что под признаком «difficult severe (adverse) conditions» может подразумеваться, в частности, мороз, перепады температуры, химическое воздействие и др.; под «careless handling» – броски, давление, трение и т.д. Очевидно, все перечисленные действия являются конкретными и влияют на физические характеристики предмета.

Кроме того, дифференциальными признаками являются «substance or texture», т.е. конкретные предметы, которые по умолчанию могут подвергаться внешним воздействиям.

Итак, анализ дифференциальных признаков показывает, что предмет, описываемый прилагательным «tough», должен выдерживать широкий спектр внешних конкретно-направленных физических сил, а также влияний среды, в которой он находится. Эти воздействия можно обобщить следующей семей: «when subjected to an external physical force». В этой формулировке при уточнении природы внешнего влияния предпочтение было отдано слову «force», а не «influence», поскольку первое точнее указывает на природу прикладываемого усилия или действия.

Таким образом, анализ дефиниций указывает на то, что предмет оценивается как прочный и пластичный («tough») в следующей ситуации: «an object is tough if it is tenacious, or resilient when an external physical force is applied».

Обобщая полученные результаты, можно сформулировать «усредненное» ННЗ прилагательного «tough», или его ближайший лексический прототип, следующим образом: *tenacious, or resilient when subjected to an external physical force*. Он является отправной точкой формирования и интерпретации прямых и переносных значений.

Следующим этапом является анализ наличия выявленных признаков номинативно-непроизводного значения в ходе формирования семантической структуры многозначного слова, то есть объяснение механизма вывода актуальных значений прилагательного (прямых и переносных) на их основе. Это необходимо, чтобы проверить степень соответствия признаков, входящих в «ближайший» ЛП прилагательного «tough», его содержательному ядру.

С помощью метаязыка делается попытка реконструкции процесса формирования смысла высказывания говорящим на основе ННЗ и контекста. Затем описывается предположительный ход мыслей коммуниканта, выводящего актуальное значение. Реконструкция механизма вывода значения исходит из того, что коммуникант в процессе анализа высказываний и

их контекстов понимает, что смысл составляющих их слов соответствует или не соответствует реальному положению дел в окружающем мире и что в данных ситуациях речь идет о признаках конкретных предметов или переносном употреблении.

Рассмотрим несколько демонстративных примеров:

Tough (1)

Steak so **tough** we could hardly cut it (W3) = Steak was so *resilient and offered resistance to external force* we could hardly cut it.

A wrought iron mortar would be too **tough** (OED) = A wrought iron mortar would be too *tenacious and able to resist an external physical force*.

В приведенных примерах наглядно показана возможность выбора необходимого признака («resilient» или «tenacious») в зависимости от агрегатного состояния сущности, которая описывается прилагательным. Это подтверждает обоснованность использования союза «or».

По всей видимости, носитель языка в рассмотренных случаях осознает, что смысл высказываний полностью соответствует реальному положению дел в мире. Поэтому для формирования значений коммуникант непосредственно использует свое знание признаков сущности в ситуациях общения. Следовательно, приведенные значения выводятся без переноса наименования, то есть являются прямыми.

Tough (2)

To tell you how **tough** it is to break into screenwriting (Shorter) = To break into screenwriting is *complicated like to withstand pressure of a tenacious object on the body*.

При формировании актуального значения «трудный» *difficult to do, accomplish, perform, or deal with, hard, trying, laborious, troublesome* (OED) говорящий учитывает, что в данном случае речь идет о сложном задании, выполнение которого требует приложения больших усилий. При этом сложившиеся обстоятельства – условия среды – не позволяют индивидуальной личности быстро решить поставленную задачу. Поскольку в высказывании используется прилагательное «tough», коммуникант понимает, что построение адекватного смысла основано на сравнении со свойствами твердого и упругого предмета: «the effect of trying to solve a task is **like** withstanding the pressure of a tenacious object on the body». Очевидно, при построении значения применяется метафорический перенос.

Tough (3)

We have to keep **tough** law-breaking youngsters (Cobuild) = We have to keep law-breaking youngsters who are *difficult to deal with like to withstand pressure of a tenacious object on the body*.

Вывод актуального значения «жестокый» происходит, когда коммуникант осознает следующее. В высказывании прилагательным «tough» описывается агрессивный человек. Он обладает отрицательными, с точки зрения большинства окружающих людей, чертами характера и не проявляет сострадания к другим индивидуальным личностям. Кроме того, известно, что он может нанести как физический, так и моральный вред. Если телесные повреждения не наносятся, носитель языка знает о существовании данной угрозы. Для того чтобы привести смысл сообщения в соответ-

ствии с привычным положением дел в мире, говорящий приходит к выводу о необходимости сравнения указанного состояния с тем, которое возникает, когда твердый и упругий предмет оказывает давление на тело: «the behavior of a person can influence others **like** a pressure of a tenacious object on the body». Следовательно, данное значение *violent, rough or aggressive* (Shorter) строится на основе метафорического переноса.

Итак, реконструкция механизмов вывода значений прилагательного «tough» показала соответствие признаков, входящих в ближайший лексический прототип, содержательному ядру слова. Кроме того, очевидно, что переносные значения формируются по механизму переноса наименования («like» «как», «as if» «как будто», «as it were» «как если бы»). Следовательно, учитывая все факторы, лексический прототип многозначного прилагательного **tough** можно сформулировать следующим образом: *tenacious, or resilient when subjected to an external physical force, or as it were*.

Установленный лексический прототип является итогом формирования коммуникативного опыта создания речевых значений и одновременно основой для вывода значений формы слова носителем языка. Из своего речевого опыта и опыта взаимодействия с окружающим миром языковая личность знает минимально необходимые признаки внешних данностей, а также схемы вывода необходимых речевых значений. Коммуникант в роли отправителя или получателя сообщения имеет возможность выделения и осмысления конкретного предмета и его признаков либо как абстрактной сущности, либо в виде прямых или переносных номинаций – последних посредством использования механизмов «like» «как», «as if» «как будто», «as it were» «как если бы» [6, с. 26], отработанных практикой миллионов носителей языка. Человек применяет именно этот простой механизм, доступный для всех членов языкового коллектива, так как он основан на очевидных аналогиях.

Таким образом, использование носителями языка лексического прототипа эффективно для построения нужных смыслов: для формирования актуальных значений достаточно использовать один и тот же *минимальный* пучок признаков, хранящихся на уровне системы языка. Поскольку лексический прототип является наиболее компактным и абстрактным содержательным ядром, объединяющим абсолютно все значения слова, он представляет собой самую удобную ментальную структуру, позволяющую на основе сходного опыта освоения мира коммуникантами мгновенно выводить смысл, соответствующий ситуации общения, и понимать друг друга.

Умение выводить лексический прототип, а также знание особенностей этой единицы помогает значительно упростить процесс понимания значения лексической единицы в процессе реальной коммуникации, а также облегчает процесс запоминания новых слов и их значений с точки зрения изучения любого иностранного языка: достаточно просто запомнить усредненное номинативно-непроизводное значение единицы языка и применять его для анализа актуального значения некоторой единицы языка.

Литература

1. Архипов, И. К. Язык и языковая личность / И. К. Архипов. – Санкт Петербург : Книжный Дом, 2008. – 248 с.
2. Виноградов, В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография / В. В. Виноградов. – Москва : Наука, 1977. – 312 с.
3. Кацнельсон, С. Д. Типология языка и речевое мышление / С. Д. Кацнельсон. – Ленинград : Наука, 1972. – 217 с.
4. Никитин, М. В. Курс лингвистической семантики: учеб. пособие для студентов, аспирантов и преподавателей лингвистич. дисциплин в школах, лицеях и вузах / М. В. Никитин. – Санкт Петербург : Научный центр проблем диалога, 1996. – 760 с.
5. Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка / Б. А. Серебренников, М. М. Гухман, Н. Н. Семенюк, К. Г. Крушельницкая ; под общей редакцией Б. А. Серебренникова. – Москва : Наука, 1970. – 597 с.
6. Песина, С. А. Исследование семантической структуры слова на основе прототипической семантики : специальность 10.02.04 : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Песина С. А. – Санкт Петербург, 2005. – 36 с.
7. Потебня, А. А. Из записок по русской грамматике. Введение / А. А. Потебня. – Воронеж : Тип. Н.Д. Гольдштейна, 1874. – Т. 1. – 157 с.
8. Румянцева, А. С. Соотношение системных и речевых значений многозначных прилагательных в истории английского языка (на материале прилагательных strong, hard, tough) : специальность 10.02.04 : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / А. С. Румянцева. – Санкт-Петербург, 2013. – 182 с.
9. Соссюр, Ф. де. Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр ; перевод с французского под редакцией А. А. Холодовича. – Москва : Прогресс, 1977. – 696 с.
10. Aitchison, J. Words in the Mind: An Introduction to the Mental Lexicon / J. Aitchison. – Oxford, N.Y. : Basil Blackwell Publishers, 1987. – 250 p.

A.S. Rumyantseva

ON THE PROCESS OF MAKING LEXICAL PROTOTYPE

The article describes the procedure and the specifics of the process of making the lexical prototype of a word. The point of the process is to formulate the average primitive meaning of a word. Its minimal features can later be used to analyse the actual meaning of any communicative situation with this word: both when used in direct sense and in indirect, i.e. when the metaphoric or/and metonymic transfers are in action. The lexical prototype when ready is the invariant, minimal set of features which characterize the language unit. These features accumulate the experience of an ordinary language user when they contact the outside world. Applying the lexical prototype to the situation one can generate the necessary actual meaning instantly.

Language, speech, communication process, lexical prototype, metaphoric transfer, metonymic transfer.

Г.В. Судаков
Вологодский государственный университет

ЭМОТИВНАЯ ЛЕКСИКА В ЯЗЫКЕ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ

Проблема функционирования эмоциональной лексики в разных речевых сферах в Петровскую эпоху (1696–1725) рассматривается впервые. Материалом для исследования послужили эпистолярная и деловая письменность, дипломатическая переписка и тексты военных распоряжений. Петровская эпоха – это время появления в России свободного гражданского человека, когда выражение чувств и отношений стало относительно свободным, менее зависимым от социального статуса собеседников. Все эмотивы являются элементами исконного происхождения и общерусского распространения. Иноязычные заимствования отсутствуют. Складываются три типа контекстов, структура и семантика которых существенно влияют на степень выражения. Эмотивная лексика создает положительные и отрицательные образы в речевом произведении, что обуславливает появление в языке противопоставленных групп эмотивных единиц (*радость – спокойствие – печаль*).

Историческая лексикология русского языка, эмоциональная лексика, литературный язык, Петровская эпоха, типы речевых ситуаций.

Введение. Петровская эпоха – так по традиции считается время от самостоятельного правления Петра до даты его смерти: 1696–1725.

Петровская эпоха – это реальные изменения в языке, широко фиксируемые в русской речи. Язык Петровской эпохи представляет собой исключительно ценный филологический источник. Наиболее многоаспектно его изучала группа казахских ученых во главе с Н.И. Гайнуллиной. Особое внимание в работах руководителя было уделено следующим проблемам: заимствованная лексика и ее адаптация, разговорная лексика, жанрово-стилистические особенности текстов, реконструкция языковой личности Петра Великого [1; 2; 3 и др.].

Усилиями ученых в XXI веке было уточнено время вхождения в литературный язык целого ряда лексических единиц; исследовано семантическое развитие отдельных лексических групп; оценен вклад Петра и Петровской эпохи в развитие словаря литературного языка. К сожалению, новых центров изучения языка Петровской эпохи не появилось, хотя отдельные исследователи продолжают изучение словарного состава языка начала XVIII века (см.: [4; 5; 8; 9; 12; 14 и др.]). При этом историко-лексикологические проблемы все чаще пересекаются историко-социальными и лингвокультурологическими.

Исследование. В исследовании установлено, что письменность, даже в таких формах, как юридическая и дипломатическая переписка, в отношении этикета стала сближаться с устной речью и более широко отражать эмоциональные переживания и отношения собеседников. Обращение на *Вы*, форма обращения на *-ович-* развиваются именно в это время.

Что такое эмоционально выразительная речь? *Эмотивность* – это языковая категория, она фиксирует психическое или эмоциональное состояние и пере-

живание человека. Эмотивность чаще выражается лексическими, иногда морфологическими или синтаксическими средствами. Смежные с эмотивностью понятия – эмоциональность, экспрессивность, оценочность.

Эмоциональность – это свойство человеческой речи, которое способно отображать его эмоции и чувства.

Оценочность – это положительная или отрицательная характеристика объекта, которая фиксируется в речевом акте.

Экспрессивность – это эмоциональное и одновременно оценочное отношение, выражаемое с помощью языковых средств.

Предлагаемые определения совпадают с идеями В.И. Шаховского, зафиксированными в его книге «Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка» [13].

Среди языковых единиц, выражающих эмоции, большую часть составляют глаголы. Все глаголы с семантикой эмотивности можно разделить на 36 групп. Существительных почти вдвое меньше: 16 семантических групп [13, с. 110–124].

Эмоции представлены различными вербальными и невербальными средствами. Иногда эмоция не называется, но присутствует в семантике слова, это слово может относиться к бранной лексике, к словам-коннотативам, вульгаризмам, междометиям. Важную роль играют различные изобразительно-выразительные средства: сравнения и метафоры, фразеологизмы. Для передачи эмоций используются грамматические средства: повторы, неполные предложения, восклицательные предложения, обращения, риторические вопросы, но в нашем случае речь пойдет о лексических средствах.

В речевом произведении есть три типа контекстов, структура и семантика которых существенно влияет на степень выражения эмоций.

1. Текст, где представлено название эмоции, но испытывающий эмоции субъект отсутствует или этот субъект есть обобщенное неопределенное лицо. В таком тексте эмоция имеет низкую степень выразительности, см., например: «Офицеров в Ромнах по розыску казнить смертью в *страх* другим» (ПБП, с. 10; 2956. 1709, Ф.О. Бартенева).

2. Повествование, где автор описывает эмоциональные переживания субъекта. В таком контексте эмоция выражена отчетливо, но переживания героя относятся к прошлому, и они мало выразительны, например: «Из листа... которые мы получили, подразумеваем о *доброжелательстве* вашем» (Там же, с. 17; 2966. 1709, гетману А.-Н. Сенявскому).

3. Субъект речи описывает собственные эмоциональные переживания и ощущения. Эмоции выражены отчетливо и выразительно, например: «Проклятая болезнь, хотя и не знобом и жаром, то *тоскою и тягостию* еще давит» (Там же, с. 335; 3366. 1709, А.Д. Меншикову).

В изложении материала мы ориентируемся на основные эмоции, переживаемые и осознаваемые собеседниками. В качестве источников материала используются деловые бумаги, дипломатическая документация и личная переписка Петра I. Все эти документы имеют личную подпись Петра, некоторые он писал лично или диктовал, обязательно редактировал. Из обширного свода документов «Письма и бумаги императора Петра Великого» (ссылка в цитатах: ПБП) в исследовании использованы документы, опубликованные в первом выпуске девятого тома – эти документы относятся к 1709 году.

Второй источник – это грамотки – частные письма лиц разного социального статуса. Грамотки опубликованы в издании «Грамотки XVII–XVIII века» (М.: Наука, 1969) – далее цитируем под сокращением: Гр-ки.

Грамотки как частные письма, в том числе переписка родственников, были близки к разговорной речи, но в этикетной части писем содержали разнообразные формулы речевого этикета: обращения, пожелания здоровья, просьбы о какой-либо милости и т.п.

В цитатах курсивом выделены слова и словосочетания, содержащие эмотивные элементы, например: «Желаем, дабы ваша милость для *любви* отечества и чести своей в начатом с нами пребывав союзе» (ПБП, с. 17; 2966. 1709, гетману А.-Н. Сенявскому); «Объявляю вам о недавно случившемся мне *частии*, ибо принц Георгеи умре и теперь уже свободно могу свататца» (Там же, с. 14; 2961. 1709, царевне Наталии Алексеевне). Если первые письма – серьезные официальные документы, то последнее содержит иронический подтекст.

Что касается жанровой и тематической приуроченности эмоциональных элементов, то эмотивы различных семантических групп были широко представлены в дипломатической переписке того времени: «И пребываем к вам *приянею* нашу склонный Петр» (Там же, с. 18; 2966. 1709, гетману А.-Н. Сенявскому); «Зело *удивляемся*, что ваша милость пишеш, будто от нас ответу не получил; Тою посылкою войск наших *доволны* будете» (Там же, с. 16; 2965. 1709, литовскому гетману Г.-А. Огинскому); «Противная сторона, гордость свою прежнюю отставя, все

способы употребляет, дабы вас *ласками* своими и чрез медиацию французскую от союзу с нами отторгнуть» (ПБП, с. 34; 2996. 1709, гетману А.-Н. Сенявскому).

В 1709 г. Петр неоднократно направлял письма украинскому народу, стремясь обеспечить нейтральное поведение запорожских казаков во время Полтавской битвы, одновременно разясняя им предательскую роль Мазепы. Эти письма написаны ярко, с обилием эмоциональных слов и выражений, ср.: «*Безстыдной универсал* на малороссийском языке, которой наполнен *грубой лаи*, касающейся высокой персоне нашей, и ради нескладной явной всем и простым, а не точто умным людем, лжи, *самохвалства* и кричания» (Там же, с. 59; 3029); «удобнее может *стыдным и возмутительным* пашквилем, нежели королевским универсалом назван быти» (Там же, с. 59; 3029); «Более *смеху* нежели почтения достоин» (Там же, с. 63; 3029); «Он, прикрывая *ненависть* свою к благочестивой нашей церкви и православной вере и знатно по *злобному* и богоотступному совету Мазепину напоминает» (Там же, с. 64; 3029); «Оборонять вас от *гнева* нашего некому ибо швед ныне и сам от войска нашего окружен» (Там же, с. 184; 3194).

«Нам зело было *неприятно слышетъ*. И таго ради писали ко оному в *крепких терминах*, дабы обходился с нашею милостию *дружелюбно*» (Там же, с. 213; 3236. 1709, гетману А.-Н. Сенявскому); «При сем посылаем книгу праф шведских воинских, которую вели напечатать в восьмую долю листа, но первее надлежит выправить, ибо гораздо инде темно переведено, а инде самую *грубою речью*» (Там же, с. 31–32; 2994. 1709, И.А. Мусину-Пушкину).

Письма Меншикову, как правило, состоят из двух частей: официальной и личной. В основной, официальной части представлено обращение на Вы, четкие распоряжения, приказный тон; в неофициальной – обращение на ты, информация о состоянии здоровья, пожелания благополучия жене и детям, шутки о Бахусе. Иногда неофициальная часть отделялась от официальной пометой «P.S.» (постскриптум). Приведем образцы эмоциональных фрагментов этих писем: «Коть *любимой* мой умре, однакож, дай боже, чтоб болше сих подобных *печалей* не было» (Там же, с. 168; 3178. 1709); «Господь богъ викторию нам даровал, чему мы зело *обрадовались*» (Там же, с. 177; 3189. 1709); «мы, с превеликою *радостию* услышав, господу, отмстителю *злым*, благодарили» (Там же, с. 191; 3203. 23.05.1709).

В использовании эмоциональной лексики в частных письмах важную роль играли этикетные формулы, о чем свидетельствует письмо Федора Бородина дяде Василию Владимировичу: «Гсдрю моему *свету млстивому* ко мне кормильцу дядюшке Василию Володимировичу вечной и неотступной *раб племянничко* твой Федка Бородин *рабски* челом бью дай гсди ты гсдрь мои здрав был на многие лета со всем своим блгодатным домом и з ближними своими *доброжелатели* на веки да что жаловал ты гсдрь мои ко мне вскормленнику своему сентября КС числе писал и мне и по твоему писму мне гсдрь *не радостно* лише *слезно* слыша про твою гсдря моево и *скорбь* и *печал* толко намъ гсдъ бгъ и всемъ от родителей нших и подал намъ и приятей что твоя гсдря моево *млсть* и по

всемъ вызыскане ко мне убогому за твое гедря моево многолетное здоровее всегда своимъ домишком бга молю чтоб тебе гедрю моему подал бгъ все благая положи гедрь во всякой печали и скорби узнавание свое на содетеля своево <...> а что рыба моеи присылки не годна и тебе б в том гедрь гневу не положит <...>» (Гр-ки, с. 10). Далее следует сообщение о здоровье адресанта, пожелание здоровья адресату и выражение надежды, что дядюшка не оставит своего племянника без милости и поддержки в делах.

В этом письме и в других грамотках подобного содержания воспроизводится совпадающая начальная часть текста, она носила шаблонный характер. Оригинальная часть, то есть просьба, ради которой письмо написано, занимает из 34 строк письма только 4, см.: «...что будет впред в Казанском дворце о моем деле что означитца о чем наперед сего к тебе писал и ты гедрь пожалуй ко мне *млтв свою подаи* и ко мне прикажи ведомо учинить» (Там же).

В грамотке такого содержания, безусловно, должны быть эмоциональные единицы, но, попадая в шаблонные обороты, они заметно сокращают или вовсе теряют эмоциональный настрой, подтверждая тем самым идею зависимости силы выражения эмоции от контекста. Таким образом, эмоциональность зависит не от семантики одного слова или фразеологизма, а от эмоциональности контекста. Эмоциональность не присутствует постоянно в семантике слова, а в зависимости от смысла и эмоциональности контекста эмоциональность дополняет, «окрашивает» семантику слов.

Далее сравним соотношение числа слов, называющих эмоции, с теми лексемами, которые реально выражают переживаемые эмоции. При этом будем исходить из следующего положения: если словоназвание эмоционального чувства употребляется в составе шаблонного оборота, то оно и остается только названием, не передавая реальных переживаний.

Рассмотрим в том же тексте конца XVII века эмоциональную выразительность отдельных лексем и фразем, учитывая, в какой части текста (в формульной или оригинальной) находится этот речевой элемент. Для этого возьмем начальную часть того же письма племянника к дядюшке.

Строка 1. Гедрю моему свету млстивому. Здесь есть примечание издателя: «свету написано над словами моему млстивому». Дополненное свету акцентирует ласковое, приветливое обращение к кому-либо – это особенность русского фольклора, усвоенная и русским речевым этикетом. Для нас важно и другое: включение в шаблон обращения слова свету было признанием безэмоциональности шаблонного приветствия.

Кормильцу дядюшке Василу Володимировичю. Такую же роль смягчения, выражения почтительности и благодарности имело слово *кормилец* в значении «благодетель» [10, вып. 7, с. 380]. Именованная на -ович- – форма особо почтительного обращения, ее официальный характер, подчеркивающий высокий общественный статус лица, устанавливался введением от имени государя такого же обращения к определенному лицу. В формулу представления в эпистолах входила модель *вечной и неотступной раб* «с подчеркиванием вассальной верности» (Там же, вып. 11, с. 207).

Строчки 3–4. Обычно неизменным было и многословное пожелание здоровья: «Даи геди и ты гедрь мои здрав был на многие лета со всемъ своимъ блгодатнымъ домоми и з ближними своими доброжелатели на веки» (Гр-ки, с. 1).

Свое стремление разнообразить речь Петр объяснял так: «Мы зело *жалеем* об нашей печали, аднако ж может бог вас паки *повеселить*» (ПБП, с. 97; 3081. 1709, А. Стейльсу). Сам Петр хорошо владел всем набором речевых средств для одновременного выражения разных чувств. Вот как он реагирует на известие о том, что зять боярина Ф.Ю. Ромодановского не поехал учиться: «Чтоб зятю вашему не ехать для ученья на год, что я с печалью принял, и мною сие письмо на *гнеф или ругание* прислано» (Там же, с. 343; 3379. 1709, Ф.Ю. Ромодановскому). А вот его наказ бригадирю Кропотову о том, как вести себя с гражданским населением: «С тамошними жителями поступать *ласково* и никакова *озлобления* им не чинить» (Там же, с. 350; 3386. 1709, бригадирю Г.И. Кропотову). Цена слова осознавалась и рядовыми гражданами, что свидетельствует о формировании сознательного отношения к языку, ср. рассуждение автора частного письма: «Нехто разве какое *сорное слово намутил*» (Гр-ки, с. 12). Некоторые лица описывали свои смешанные чувства, например, *боязнь* иногда сопровождалась *стыдом*: «*Боязнию одержимъ вкупе же и стыдомъ*» (Там же, с. 39).

Особенно выразительны фразы из договора с польским королем Августом, мир с которым был чрезвычайно нужен России: «Соизволяют со взаимного *приятнобратского и соседственного приятства*» (ПБП, с. 395; 3448. 1709); «просим ваше королевино величество *дружбно братски* благоволите оному склонную аудиенцию дати» (Там же, с. 414; 3456. 1709).

Тенденция употребления эмоциональной лексики в официальных документах связана с традицией употребления такой лексики в стабильных формулах речевого этикета, представленных в деловой и частной переписке того времени, что подтверждается и анализом грамоток, где деловой элемент свободно включается в частное письмо.

В грамотках особую выразительность приобретают семантически противопоставленные эмотивы, к тому же эмоция усиливается рядом близких по семантике слов: «По твоему писму мне гедрь *не радостно* лише *слезно* слыша про твою гедря моево и *скорбь и печал*» (Гр-ки, с. 10). Эмоция переживания в случае утраты родственника может быть усилена определением или указанием на продолжительность переживания. В этом случае эмоционально наполненной становится вся фраза: «Ты гедрь *многое время в болюи скорби пребываешь*» (Там же, с. 12); «Гедь бгъ изволил тебя гедря моево такою *болезною печалию* посылит что *семьи твоеи гсрни Олены Федоровны не стало*» (Там же, с. 14).

Распределим наиболее частотные эмотивы по группам с учетом их семантики. При этом учитываем, что наиболее сильно эмоцию выражают глаголы типа *сердиться*, глагольно-именные предикативы типа *быть сердитым*.

Бранить – это была первая степень выражения недовольства, а *ругать, попрекать* обозначало силь-

ное недовольство и требовало дополнительно более выразительных и крепких выражений: «Нас беспрестани *бранятъ и ругаютъ* а работниковъ бьютъ» (Гр-ки, с. 258, 1701 г.); «Стал меня *бранит* называет меня шпынемъ *попрекает* меня» (Там же, с. 281, 1699 г.).

Жалеть, сожалеть, жаловаться: «О болезни вашей *зело сожалеемъ*» (ПБП, с. 184; 3194. 1709, Б.А. Голицыну); «Зело *жалъ*, что сие место по се время в разных руках было, ибо губернатор *зело жалуется* на приказ» (Там же, с. 190; 3202. 1709, Ф.М. Апраксину).

Сердиться – быть сердитым, помнить злобу: «Принужден я *сердит быть* на вас» (Там же, с. 123; 3121. 1709, Б.П. Шереметеву); «Не помня оной *злости* и оскорбления, нам прежь сего от них учиненного, даем их милостям амнистию» (Там же, с. 142; 3151. 1709, князю М. Вишневецкому).

Смысл «злиться с разной степенью проявления этого чувства выражают слова *рняться, злиться, гневаться, злобиться, ненавидеть*: «татаровские крестьяня тому что ты приказал ягоды брать рняться» (Гр-ки, с. 312, 1680 г.); «не *прогневайся* что не прислал» (Там же, с. 157); «*Вся злая* мне приключилас» (Там же, с. 19); «*Бурмистры на нас злобятца*» (Там же, с. 262, 1701 г.); «Для *ненависти* гедръ взми указ» (Там же, с. 200) – имеется в виду «против ненависти, для защиты от ненависти». Угрозы могли выражаться и эвфемизмами: «я де ему спину мяхче брюха зделаю» (Там же, с. 281, 1699 г.).

Эмоции, связанные с проявлением заботы о ком-либо, милосердия, любви, выражались словами *радеть* в значении «хлопотать, заботиться», *милосердовать*: «О тебе крепко *радеетъ*» (Там же, с. 132, 1708 г.); «Бгъ и *умилосрди сердцу* ево ко мне» (Там же, с. 72). Особенно представительно гнездо слов с корнем *любов-*: «Посылщикова накарми и *любовь всякую покажи*» (Там же, с. 158); «*хлебом и солю любительство чини*» (Там же, с. 160); «Пиши чтоб *любви твоеи споможение доброе чинит*... поживи с тамошними жители *любовненко*» (Там же, с. 166); «Я тебе *любительно* своему челом бью» (Там же, с. 19); «Челом бью что пожаловал ты меня в своей *любви не презрил*» (Там же). В грамотках зафиксированы следующие слова с корнем *любов-*: 3 примера любительно, 2 – любительный, 2 – любительство, 4 – любовненко, 1 – любовный, любовь – 34, любящий – 30 (данные взяты из алфавитного указателя издания грамоток).

Печалиться, быть печальным – частые слова в петровских бумагах: «Ваша святость от нас отдаляетца, *зело печалны*» (ПБП, с. 318; 3348. 1709, Н.М. Зотову); «Вы от сего времени уже приятная милость *печальны не будете*» (Там же, с. 294; 3320. 1709, А.А. Вейде); «Анна *полюбила* чернца и я о том жениху объявил, о чем *зело печалитца*, и от тоей *печали* хочет сам взблудитца» (Там же, с. 419; 3464. 1709, Екатерине Алексеевне); «Сего часа получили мы ваши письма, в которых *зело печально* слышели худой поступок наших против изменников» (Там же, с. 128; 3128. 1709, Г.Ф. Долгорукому). Как видно из примеров, *печалиться* могло означать не только «горевать», но и «тосковать», «сожалеть».

К глаголам с корнем *печал-* приближаются слова *тужить, тосковать, скучать*: «я в том велми *тужю* что долго струговъ нет» (Гр-ки, с. 266, 1701 г.); «Ты о

сем пожалуй не *поскучь*» (Гр-ки, с. 259); «принуждены не *скучать*» (ПБП, с. 400, 3438. 1709, Екатерине Алексеевне). Слова и фразеологизмы, выражающие значения «печаль, печалиться», частотны и в грамотках: «Чтоб она Домна о Дмитрие *в печал не давалас*... она об немъ велми *тужитъ*» (Гр-ки, с. 117, 1798 г.); «ты по муже своем Дмитрие велми *в печали своей пребываешь*... ты Домна живи а о муже своем Дмитрие не *тужи*» (Там же, с. 118, 1708 г.). *Печаль, печаловаться* – распространенные слова для обозначения амплитуды чувств от сожаления и плохого настроения до скорбного чувства утраты любимого человека: «Нам *печально* что мало к нам пишеш» (Там же, с. 310, 1699 г.); «Живу еле жив *в печали* своей и немочи» (Там же, с. 212, 1699 г.); «Я бы о том и не *попечаловался*» (Там же, с. 160); «Мне слыша радоватис в необятой своей *печале* волею бжию чють что маюсе с живущими» (Там же, с. 94); «я бы о том и не *попечаловался*» (Там же, с. 166).

Радоваться – чувствовать радость: «Мы соизволили вам объявить чрез сию настоящую *радость* оную, которую мы о том *чувствуемъ*» (ПБП, с. 235; 3265. 1709, Г. Гольцу).

Радость и веселие часто сопровождают друг друга: «Подаи бгъ тебе доброе здоровье и *радосное пребывание*» (Гр-ки, с. 17); «и всечесное пребывании *радость и веселие*» (Там же, с. 137); «о семь *радуися и веселися*» (Там же, с. 152); «*радуяс веселюся* хлебом и солю любительство чини» (Там же, с. 160). Конечно, созданию фразеологизма *в радости-весельи* помогла пословица, позже использованная А.В. Кольцовым в песне: «С радости-веселья хмелем кудри выются, а с тоски-кручины русые секутся» [6, с. 86–88].

Приведем пример с противопоставлением лексемы *печаль* слову *радость*: «Тебе гедрю моему впред *безпечалну в радости быт*» (Гр-ки, с. 14).

Угрозы порождались *страхом*, синонимичны *страхование, страсть*: «Донеси боярину Тихону Никитичю мое невинное страдание... за таким их *страхованием* и за *угрозными* словами приказу бегаю» (Там же, с. 176); «Она со *страсти* и пропала» (Там же, с. 29). Назовем ряд синонимов: *страшить(ся) – устрашить(ся) – учинить страх – быть страху – для страха делать*: «А *страху* какому *быть*, понеже водою пойдут» (ПБП, с. 152; 3161. 1709, Б.П. Шереметеву); «Для того конечно надлежит вам, з божию помощию, искать над оною проклятою каналию ревенжу, дабы протчим *страх учинить*» (Там же, с. 128; 3128. 21.03.1709, Г.Ф. Долгорукому); «Також для *страха* соломы в монастырь и в знатные дома внеси, бутто хочеш и указ имееш зажечь» (Там же, с. 415; 3464. 1709, А.Б. Голицын).

Искать счастья – даровать счастье – участие воспринять в счастья: «с помостию божию *искать* над неприятелем *счастия*» (Там же, с. 215; 3239. 1709, Г.Ф. Долгорукому); «И уповаем, что ваше величество в сем нам от всевышшаго *дарованном счастьи*, по имеющей к нам *приязни*, участие воспринять» (Там же, с. 247; 3283. 1709, польскому королю Августу II).

Были распространены просьбы о помощи и защите в отношениях с органами власти, для чего имелся ряд синонимичных средств, например: «*Порадеи* о промысле Клима» (Гр-ки, с. 222, 1699 г.: *порадей*

«побеспокойся, постарайся»). Встречаются книжные формулировки благодарности за приязнь и за милость: *Пребывать склонны приязню*: «В протчем пребываем к вам *приязню* нашему непременно *склонны*» (ПБП, с. 220; 3244. 1709).

Прощение и вина тоже соседствуют в анализируемых текстах: *Прости в вине моей*» (Гр-ки, с. 81). Если адресат просит своего собеседника простить какую-либо вину, оплошность, то используется стабильная формула: *«Тебе в том гсдрь гневу не положит»* (Там же, с. 10).

Иногда письма содержали эмоциональные признания, касающиеся оформления самих писем: «Насие гсдрь писание *не покручинся* *письмо дрвнское* а извесно тебе гсдрю и самому что *грамоте не умею*» (Там же, с. 281, 1699 г.); «На письмо гсдрь *не прогневаися* писана вскоре» (Там же, с. 261, 1701 г.); «*Не позазри* что писано коротко вскоре *лучило*» (Там же, с. 17); «На письмо гсдрь *не покручинсе* писано вскоре» (Там же, с. 257).

Выводы. Петровская эпоха – это время появления в России свободного гражданского человека, когда выражение чувств и отношений стало относительно свободным, более искренним и естественным, более уважительным, менее зависимым от социального статуса собеседников.

1. Все эмотивы – слова и фразеологизмы, выбранные приемом полной выборки, – являются элементами исконного происхождения и общерусского распространения. Иноязычные заимствования отсутствуют.

2. В отношении употребления эмоциональной лексики в речевом произведении складываются три типа контекстов, структура и семантика которых существенно влияют на степень выражения эмоций:

1) текст, где представлено название эмоции, но испытывающий эмоции субъект отсутствует или этот субъект есть обобщенное неопределенное лицо. В таком тексте эмоция имеет низкую степень выразительности;

2) повествование, где автор описывает эмоциональные переживания субъекта. В таком контексте эмоция выражена отчетливо, но переживания героя относятся к прошлому, и они мало выразительны;

3) субъект речи описывает собственные эмоциональные переживания и ощущения. Эмоции выражены отчетливо.

3. Что касается жанровой и тематической приуроченности эмоциональных элементов, то эмотивы различных семантических групп были широко представлены, кроме личной частной переписки, в дипломатической переписке того времени.

4. Эмотивная лексика создает положительные и отрицательные образы в речевом произведении, что обуславливает появление в языке противопоставленных групп эмотивных единиц, включая амбивалентные по семантике средства, например, *радость – спокойствие – печаль, любовь – равнодушие – ненависть* и т.п.

5. В письмах часто воспроизводилась совпадающая начальная часть текста, она носила шаблонный характер. Эмоциональные единицы, попадая в шаблонные обороты, заметно сокращают или вовсе теря-

ют эмоциональный настрой, подтверждая тем самым идею зависимости силы выражения эмоции от контекста. Таким образом, эмоциональность иногда зависит не от семантики одного слова или фразеологизма, а от эмоциональности контекста. Эмоциональность не присутствует постоянно в семантике слова. В зависимости от смысла и эмоциональности контекста эмоциональность дополняет, «окрашивает» семантику слов.

Если слово-название эмоционального чувства употребляется в составе шаблонного оборота, то оно и остается только названием, не передавая реальных переживаний.

6. Арсенал эмоциональной лексики тематически разнообразен, хорошо освоен как представителями государственной власти, так и лицами разных социальных слоев, но простолюдины чаще используют стандартные формулы речевого этикета, содержащие эмоциональную оценочную лексику.

Иногда эмотивы, близкие по семантике (*бранить и ругать*), автор текста располагал в последовательности, соответствующей усилению степени выражения эмоций, например, *бранить* – первая степень выражения недовольства, а *ругать* – большее недовольство и употребление более выразительных и крепких выражений.

7. Многие эмоциональные слова благодаря частой повторяемости развивают однокоренные лексемы, например: *добро – доброжелательство, жаль – жаловаться – сожалеть, злоба – злобный – озлобление, приятство – приятнообратское, печаль – печалиться – печальный, радость – обрадоваться, стыдный – бесстыдный*. Степень выражения эмоций зависела от частеречной принадлежности слова: наиболее сильно эмоцию выражают глаголы типа *сердиться*, глагольно-именные предикативы типа *быть сердитым*.

8. Петр хорошо различал дружелюбную приятную речь и грубую речь «в крепких терминах». Цена слова осознавалась и рядовыми гражданами, что свидетельствует о формировании сознательного отношения к языку, что характерно для начального периода складывания норм национального литературного языка.

Источники

Грамотки XVII – XVIII века. – Москва : Наука, 1969. – 416 с. (Гр-ки)

Письма и бумаги императора Петра Великого : в 13 томах. – Москва : Издательство АН СССР, 1950. – Т. 9, вып. 1. – 538 с. (ПБП)

Литература

1. Гайнуллина, Н. И. О новом типе дискурса носителя русского языка на стыке XVII–XVIII вв. / Н. И. Гайнуллина // Вестник КазНУ. Серия филологическая. – 2002. – № 10. – С. 65–69.

2. Гайнуллина, Н. И. Языковая личность Петра Великого (опыт диахронического описания) / Н. И. Гайнуллина. – Алматы : Казак университети, 2002. – 141 с.

3. Гайнуллина, Н. И. Заимствованная лексика в Петровскую эпоху: процессы адаптации / Н. И. Гайнуллина. – Алматы : Казак университети, 2008. – 295 с.

4. Геранина, И. Н. Процесс заимствований и его упорядочение во второй половине XVIII века : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Геранина Ирина Николаевна. – Москва, 2001. – 16 с.

5. Колчева, И. В. Лексика писем и бумаг Петра Великого (к проблеме формирования общенациональных лексических норм) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Колчева Ирина Валентиновна. – Смоленск, 2007. – 23 с.
6. Кольцов, А. В. Полное собрание сочинений / А. В. Кольцов. – Санкт-Петербург, 1911. – 536 с.
7. Котяева, Н. С. Лексические заимствования в русском литературном языке второй половины XVIII века : на материале комедий : автореферат диссертаций на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Котяева Надежда Сергеевна. – Тамбов, 2016. – 23 с.
8. Малышев, А. А. Толкование в научно-популярных текстах первой половины XVIII века (на материале журнала «Примечания к Санкт-Петербургским ведомостям») : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Малышев Александр Александрович. – Архангельск, 2017. – 24 с.
9. Семенов, П. А. Из истории изучения лексики «Писем и бумаг Петра Великого» / П. А. Семенов // Славянская историческая лексикология и лексикография. – Санкт-Петербург : Институт лингвистических исследований РАН, 2022. – Вып. 5. – С. 283–310.
10. Словарь русского языка XI–XVII вв. – Москва : Наука, 1975–2019. – Вып. 1–31. (издание продолжается)
11. Словарь русского языка XVIII века. – Санкт-Петербург : Наука, 1984 – Вып. 1. (издание продолжается)
12. Тюкачева, Е. В. Русское просторечие первой четверти XVIII века (функционально-стилистический аспект) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Тюкачева Е. В. – Алматы, 2001. – 30 с.
13. Шаховский, В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В. И. Шаховский. – Москва : Издательство ЛКИ, 2008. – 208 с.
14. Ясинская, М. Б. Лексические заимствования в Петровскую эпоху и языковая личность : На материале историко-биографической прозы князя Б. И. Куракина : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Ясинская Милена Борисовна. – Москва, 2004. – 25 с.

G.V. Sudakov

EMOTIVE VOCABULARY IN THE LANGUAGE OF THE PETRINE ERA

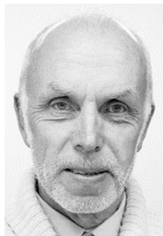
The problem of emotional vocabulary functioning in different speech spheres in the Peter the Great era (1696–1725) is considered for the first time. The material for the study is epistolary and business writing, diplomatic correspondence and texts of military orders. The Petrine era is the time when a free civilian appeared in Russia, when the expression of feelings and relationships became relatively free, less dependent on the social status of the interlocutors. All the emotives are the elements of primordial origin and all-Russian usage. There are no foreign-language borrowings. There are three types of contexts, the structure and semantics of which significantly affect the degree of expression. Emotive vocabulary creates both positive and negative images in speech, which causes the appearance of opposable groups of emotive units in the language (joy - calmness – sadness).

Historical lexicology of the Russian language, emotional vocabulary, literary language, the Petrine era, types of speech situations.

НАУЧНЫЕ ОТЧЁТЫ, ОБЗОРЫ, ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ

УДК 94(985)(045)

5.6.1. Отечественная история

В.И. Голдин

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова

ОТ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ПРОХОДА К СЕВЕРНОМУ МОРСКОМУ ПУТИ: ИТОГИ МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНОГО ПРОЕКТА

В статье подводятся итоги европейского научного проекта об истории и современности Северного морского пути, результатом которого стало англоязычное издание коллективной монографии. Рассказывается о презентации этого фундаментального научного издания на Арктических чтениях, состоявшихся в феврале 2024 года в Москве.

Международное научное издание, Северо-Восточный проход, Северный морской путь, Арктические чтения, исторический опыт и уроки для современности.

21 февраля 2024 года в Государственной публичной исторической библиотеке в Москве были проведены Арктические чтения. В ходе их состоялось подведение итогов крупного европейского научного проекта и презентация коллективной монографии, опубликованной на английском языке в Лейдене (Нидерланды) [1]. В переводе на русский язык название этого издания звучит так: «От Северо-Восточного прохода к Северному морскому пути. История водного пути вдоль северного побережья Евразии».

Выход в свет этого научного издания стал знаковым событием в изучении исторического прошлого и современности Северного морского пути, поэтому его презентация собрала в «Зале под сводами» Исторической библиотеки специалистов и заинтересованных читателей. Значительная аудитория наблюдала презентацию по видеосвязи. Инициаторами и организаторами этого научного форума стали Государственная публичная историческая библиотека и Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (САФУ) при участии Арктического университета Норвегии (г. Тромсё) и Института всеобщей истории РАН.

Открыл Арктические чтения директор Исторической библиотеки М.Д. Афанасьев, рассказавший собравшимся о том, что библиотека получила это издание в дар от одного из его редакторов профессора Арктического университета Норвегии Й.П. Нильсена, высоко оценивает этот фундаментальный труд большого международного коллектива ученых, который, безусловно, найдет заинтересованных читателей.

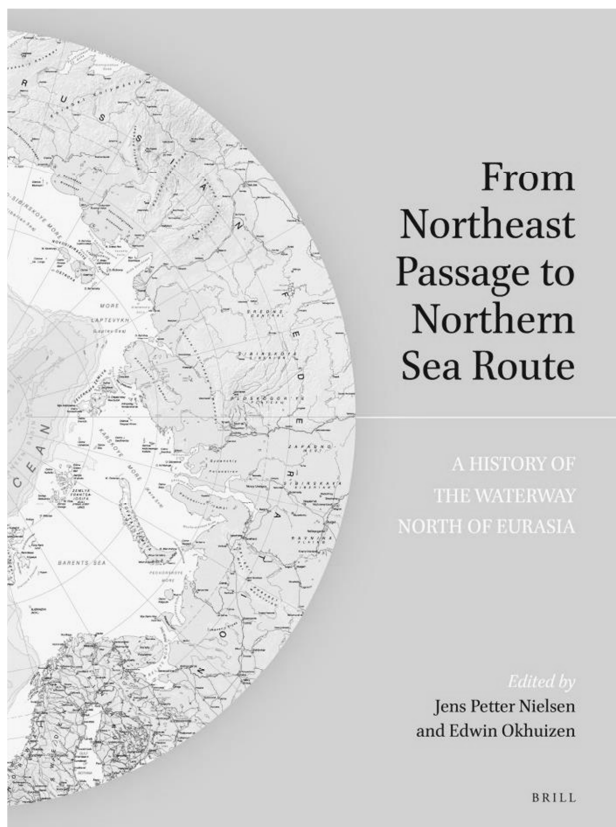
С приветствием к собравшимся по видеосвязи обратился академик РАН, научный руководитель Института всеобщей истории РАН А.О. Чубарьян. Он поздравил коллектив авторов с выходом в свет этого

научного труда, подчеркнув его уникальность, ибо в нем получила освещение более чем тысячелетняя история освоения Арктики и Северо-Восточного прохода, как до начала XX века именовалась арктическая морская магистраль вдоль евроазиатского побережья России, ныне известная всем как Северный морской путь. А.О. Чубарьян указал на исключительную важность продолжения международного научного сотрудничества в непростых современных условиях и отметил, что эта коллективная монография значима как с точки зрения истории, так и геополитики, и международных отношений. Он поблагодарил профессора Й.П. Нильсена, ведущего специалиста Норвегии в области российской истории и норвежско-российских отношений, за передачу этого ценного, большого формата 500-страничного, прекрасно иллюстрированного картами и фотографиями издания в дар Исторической библиотеке.

С приветственным словом к участникам Арктических чтений обратился председатель Правления Российского исторического общества доктор исторических наук Р.Г. Гагкуев. Он подчеркнул высокую значимость этого научного труда для осмысления сложной и драматической истории освоения Северо-Восточного прохода – Северного морского пути, указав, что дальнейшее развитие СМП является важным приоритетом современной государственной политики России. Р.Г. Гагкуев отметил и собственный исследовательский интерес к этой теме, и высказал намерение вслед за ранее опубликованным сборником документов [2] продолжать научную и публикаторскую деятельность по тематике Арктики и Северного морского пути.

По видеосвязи к участникам Арктических чтений обратился профессор Й.П. Нильсен. Он рассказал, что

все началось с инициативы М.С. Горбачева, который в своей мурманской речи 1 октября 1987 года заявил о возможности превращения Северного морского пути в международную транспортную магистраль. В 90-е годы в рамках международной исследовательской программы развития СМП участниками этого издания, стоявшими у его истоков, были подготовлены и опубликованы четыре рабочих доклада. После международной научной экспедиции по Северному морскому пути в августе 2013 года в рамках программы «Плавучего университета» САФУ было принято решение о создании научного коллектива и подготовке коллективной монографии по истории СМП.

Й.П. Нильсен представил участников проекта и опубликованного издания: трех норвежских и четырех российских ученых, а также представителей Великобритании и Нидерландов. К сожалению, двое из тех, кто стоял у истоков этого проекта, – известный полярный исследователь англичанин Т.Э. Армстронг и российский историк, бывший ректор Поморского университета В.Н. Булатов – ушли из жизни, но их материалы использованы в книге, и они являются ее авторами. Нильсен рассказал о структуре научного издания, состоящего из 7 частей. Он охарактеризовал ключевые идеи этой коллективной монографии, в которой представлено не только историческое прошлое, но и современность, а также перспективы развития СМП.

Другой участник этого проекта, директор Центра исторических и политических исследований Севера и Арктики, профессор САФУ В.И. Голдин выступил с докладом «Международный научно-издательский проект по истории Северного морского пути: взгляд из России. СМП в постсоветский период и сегодня». Он рассказал об истории развития СМП за последнее

30-летие, о чем писал в этой книге, а также о современных проблемах, вызовах и перспективах дальнейшего освоения этой морской транспортной магистрали, указав на такие направления и параметры, как: международные отношения и геополитика в Арктике; климат и ледовая обстановка; развитие атомного и других флотов; экономика, инфраструктура и логистика.

Еще один участник проекта и автор характерного издания кандидат исторических наук, доцент А.Е. Гончаров из Государственного университета науки и технологий имени М.Ф. Решетнева (Красноярск) рассказал о том, как на страницах издания раскрыты проблемы изучения истории Северного морского пути в советскую эпоху. Он охарактеризовал новые подходы и источники, использованные при рассмотрении этой тематики, и отметил большой вклад соавтора, профессора В.Н. Булатова, защитившего в свое время докторскую диссертацию и написавшего монографию об истории развития СМП в советский период.

О.А. Красникова (Библиотека РАН, Санкт-Петербург), участник этого проекта и один из редакторов иллюстраций, посвятила свое выступление по видеосвязи теме «Картографические документы на территорию Арктики начала XX века и Северный морской путь».

Кандидат исторических наук, доцент Мурманского арктического университета М.Б. Ильичева представила в своем выступлении анализ образовательного потенциала изданной коллективной монографии и указала на хорошие возможности ее использования в работе со студентами разных специальностей вузов.

Научный сотрудник Института всеобщей истории РАН Л.А. Садова выступила с сообщением на тему «Фритьоф Нансен и Северный морской путь», важным с точки зрения осмысления того вклада, который внес этот норвежский исследователь в освоение Арктики. Кроме того, как уже отмечалось, сам замысел проекта подготовки характеризуемого научного издания окончательно созрел в ходе международной экспедиции по СМП, организованной САФУ в 2013 году. А сама эта экспедиция на научно-исследовательском судне «Профессор Молчанов», проследовавшая от Архангельска до Диксона и Дудинки, была посвящена столетию прохода по этому маршруту экспедиции Ф. Нансена.

После этих выступлений состоялось заинтересованное обсуждение поднятой темы истории и современности Северного морского пути, а авторы издания ответили на задаваемые слушателями вопросы. Всех интересовало, появится ли и когда издание этой книги на русском языке. Ответить на этот вопрос сегодня непросто, ибо ранее существовали договоренности о переводе и публикации этой книги на русском языке, но современные реалии международной обстановки оставляют эту тему открытой. Но намерение осуществить перевод этого труда и издать его на русском языке остается, хотя и предстоит решить комплекс очень непростых вопросов.

Модератором Арктических чтений выступал кандидат исторических наук руководитель Центра истории Северной Европы и Балтии Института всеобщей

истории РАН А.А. Комаров, который и подвел итоги состоявшегося обсуждения.

Заметим в заключение, что видеоматериалы Арктических чтений размещены на электронном ресурсе Государственной публичной исторической библиотеки – <https://www.youtube.com/@istorichka/videos>. Все желающие и интересующиеся этой темой могут с ними ознакомиться.

Литература

1. From Northeast Passage to Northern Sea Route. A History of the Waterway North of Eurasia / J. P. Nielsen, E. Okhtuzen (eds). – Leiden ; Boston : Brill, 2022. – 500 p.

2. Б. А. Вилькицкий и Гидрографическая экспедиция Северного Ледовитого океана в 1914–1915 гг.: сборник документов / научный редактор В. Г. Смирнов ; составление, подготовка, комментарии Р. Г. Гагкуев (ответственный составитель) [и др.]. – Москва : Кучково поле музеон, 2022. – 655 с.

V.I. Goldin

FROM NORTHEAST PASSAGE TO NORTHERN SEA ROUTE: THE RESULTS OF THE INTERNATIONAL SCIENTIFIC PROJECT

The article presents the results of the European scientific project on history and present days of the Northern Sea Route that resulted in the English-language publication of the collective monograph. The author tells about the presentation of this fundamental scientific publication at the Arctic Readings, which took place in February 2024 in Moscow.

International scientific edition, Northeast Passage, Northern Sea Route, the Arctic Readings, historical experience and lessons for present time.

Л.В. Егорова

Вологодский государственный университет

ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ В.А. ГРОССМАНА

Рецензия на издание избранных произведений писателя и драматурга, литературоведа, пушкиниста, яркого деятеля культуры В.А. Гроссмана, человека драматической судьбы, связавшей его с Вологдой, Вологодским государственным педагогическим институтом.

В.А. Гроссман, избранные сочинения в двух томах, «Этюды о Пушкине», мемуары «Минувшие дни», Д.И. Постолюк, И.А. Подольный, Вологда.

Прошло 45 лет со дня смерти адвоката, театрала, преподавателя литературы, писателя и литературоведа Виктора Азриэлевича Гроссмана (27 сентября (9 октября) 1887, Одесса – 11 ноября 1978, Вологда). В 1938 г. ему не удалось избежать первого ареста (осужден на 8 лет «за участие в организации эсеровского подполья, проведение контрреволюционной деятельности»), в 1948-м – повторного. Несмотря на 15 лет лагерей (сначала Каргопольлаг, второй срок – в мордовском лагере Дубравлаг), Гроссман как знаток литературы сохранил верность любимому Пушкину, свободу выбора исследовательских тем, характерную для него легкость письма при глубине и внимательности взгляда. Да и могло ли быть иначе с ним, с детства увлеченным музыкой, театром, поэзией, учившимся не только в Новороссийском Императорском университете (в Одессе), но и в Лейпциге, в Сорбонне, ставшим высококвалифицированным юристом, театроведом, драматургом. Он преподавал в ГИТИСе (русскую литературу и историю театра), был своим во МХАТе. После первого срока приехал в Вологду (28 июня 1946 г.), устроился на работу старшим преподавателем в Вологодский педагогический институт, жил в общежитии (на Клубной, сейчас это Лермонтова, 9), соседствуя с семьями Шайтановых (Олег Владимирович тогда заведовал кафедрой), Гура. Его знания, увлеченность, яркие лекции ценили студенты. С 1947 г. Гроссман – литературный консультант Вологодского областного драматического театра. 4 мая 1948 г. арестован по доносу. После второго заключения и реабилитации (в мае 1955 г.) он продолжил работу в педагогическом институте. 10 декабря 1958 г. Гроссман писал К.Л. Зелинскому:

Живу я в Вологде, потому что в перерыве между двумя репрессиями получил кафедру русской литературы в местном Педагогическом Институте.

Чтоб переехать в Москву, надо снимать всю семью с насиженного места. Стоит ли? Москва мне уже и не по возрасту, и не по силам – шумна, стремительна, многолюдна. Один ее асфальт нагоняет тоску.

Здесь тихая спокойная река, медлительный ритм жизни, деревья, зелень и свежий воздух, а холод поч-

ти такой же как в Москве. Не надо ехать ни в Переделкино, ни в Малеевку за чистым воздухом и покоем [1, с. 318].

Полученному для данного издания гранту вологжане радовались, выхода книги ждали. Понимали, что хорошо бы располагать полным собранием сочинений, которое включило бы знаменитое «Дело Сухова-Кобылина» с неоспоримыми доказательствами, что убийцей француженки-модистки Симон Деманш был не А.В. Сухово-Кобылин, а его крепостные слуги (книга 1936 г. до сих пор не переиздана); многострадальные романы «Арион», «После восстания», история переписывания которых так хорошо прослежена в рецензируемом издании. Но очевидно, что при ограниченных финансах участниками проекта «Неизвестный Гроссман» было сделано все возможное для максимальной насыщенности двухтомника.

Невозможно не разделить и характерного сожаления по поводу столь долгого пребывания материалов в архивах. Много было сделано усилиями вологодского ученого и краеведа Исаака Абрамовича Подольного (1929–2017), почетного профессора Вологодского педагогического университета (с Гроссманом сначала познакомился его отец – адвокат Абрам Иудович Подольный). Семья Подольных сделала главное – они сохранили архив. В 2002–2013 гг. даже удалось кое-что издать. Задуманными Исааком Абрамовичем книжными миниатюрами «Еврейская попадья», «Татьяны милый идеал», «Пиковая дама» гордятся все, кто получили тогда раритеты – этюды Гроссмана с иллюстрациями Михаила Васильевича Копьева. Эти книжки-малютки в подарочном исполнении (ограниченный тираж с пронумерованными дополнительными экземплярами) стали своеобразными памятниками эпохи и – подогрели интерес к Гроссману.

Елена Витальевна Титова (кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Вологодского государственного университета) приняла эстафету передачи памяти непосредственно от И.А. Подольного. В феврале 2013 г. в Белозерске она сделала свой первый по данной теме доклад: «Неизвестный Гроссман. Личность, судьба и труды вологодского пушкиниста». Вместе с Любовью Николаевной Солодухи-

ной (главным библиографом Вологодской областной научной библиотеки, руководителем Вологодской книжной палаты) им удалось, наконец, восстановить историческую справедливость. «Неизвестный Гроссман» постепенно переставал быть неизвестным благодаря их исследовательской и просветительской работе (подробнее см.: Основные даты: жизнь, творчество и исследование наследия В.А. Гроссмана [2, с. 594–613]).

В двух томах представлены и прокомментированы ранее не опубликованные и ставшие библиографической редкостью произведения и материалы. Первый, биографический, том закономерно открывает исследовательский очерк жизни и творчества Гроссмана. Далее представлен наиболее полный текст мемуаров «Минувшие дни», включивший неизвестные ранее главы (в данном виде опубликован впервые). Гроссман делится воспоминаниями о детстве, юности, учебе в Одессе, Лейпциге, Париже, встречах со знаменитыми современниками: К.И. Чуковским, учившимся в Одесской гимназии на несколько классов старше Гроссмана, Б.С. Житковым, авиатором Е. Уточкинским, А.М. Горьким, М.Ф. Андреевой, А.В. Луначарским, Вл.И. Немировичем-Данченко, Л.М. Леонидовым, О.Ю. Шмидтом и многими другими:

...я взялся за перо не для того, чтобы помочь биографам великих современников новыми неизвестными им материалами, а потому что видел на протяжении десятков лет жизнь обыкновенных людей в необыкновенных обстоятельствах [1, с. 90].

При этом Гроссман не только не чурался анекдотов, но собирал их, так что создаваемый с их помощью образ – за счет яркости, многогранности рассказа – врезался в память. Приведу пример с Сарой Бернар:

О происхождении ее огромного состояния рассказывали так: в дни молодости Сары ее увидел на сцене один из русских великих князей. Она ему понравилась. Недолго думая, августейший повеса подозвал к себе капельдинера и приказал передать за кулисы свою визитную карточку, на которой было начертано три слова:

- Где? Когда? Во сколько?

Сара ответила:

- Сегодня вечером. У вас. Ничего.

Свидание состоялось и бескорыстное «ничего» обернулось полным разорением светлейшего волокиты и послужило началом обогащения удачливой дебутантки.

Эксцентричности не покидали Сару Бернар и на склоне лет. Было известно, что она спит не в постели, а в гробу, чтобы приучить себя к вечному сну.

Сара не надевала два раза одной и той же обуви. У нее был личный сапожник, который изготавливал для нее в году не меньше 400 пар разных ботинок, сапог, тафель, тапочек и т.д.

Сара была очень худа, и французы шутили: «К театру подъехала пустая карета, из которой вышла Сара Бернар» (Там же, с. 172).

Написанные в 1960-е годы увлекательные мемуары завершились моментом ареста:

Судьба увлекла меня в 1938 году надолго вон из Москвы, и больше я его <В.И. Немировича-Данченко> не видел (Там же, с. 227).

Хочется отметить бережную текстологическую работу редакторов-составителей. Они не стали подвергать унификации, например, формы слов, отражающие местное произношение, и благодаря этому буквально слышишь характерную речь начала XX века:

Большую Молчановку соединял с Арбатом маленький Гобеинский переулок. Посередине его стояло здание странной формы со старинной вывеской «МОЙНЯ».

То была прачешная... [1, с. 191] (подчеркнуто нами. – Л. Е.).

Следующий раздел предоставляет документы к биографии Гроссмана, в том числе материалы следственного дела. Впервые опубликованы протоколы допросов, которые велись в Управлении Министерства государственной безопасности по Вологодской области при повторном аресте Гроссмана (31 мая – 23 июля 1948 г.). Помимо очевидной биографической ценности, это выразительные документы эпохи.

Как работнику Вологодского государственного университета, мне были особенно любопытны связанные с ним документы: заявление Гроссмана о предоставлении преподавательской работы на кафедре русской литературы, автобиография, список научных (печатных) работ в двух вариантах – кратком и развернутом, личный листок по учету кадров, выписка из приказа о назначении Гроссмана старшим преподавателем кафедры русской литературы, отзывы о его профессионализме Г.О. Винокура, Н.К. Гудзия, С.М. Бонди, А.К. Дживелегова (все вышеперечисленные документы – 1946 г.), выписка из протокола заседания ученого совета о возбуждении ходатайства о присвоении ученого звания профессора (6 января 1947 г.). Но сбыться этому было не суждено. Вместо профессорства Гроссман пережил обыск квартиры оперуполномоченными Вологодского ОГБ, арест, изъятие всех рукописей, набросков, начатых книг, диссертации.

Далее читатель получает возможность погрузиться в воспоминания о Гроссмане: дочери О.В. Финкель, бывших его студенток Г.П. Петелиной и Г.А. Гладковой, бывшего зав. отделением Горбольницы Ю.М. Каменщика, историка Н.А. Веселовой, внука Е.Ф. Гроссмана-Прохорова.

Подробно представлена переписка Гроссмана, главным образом – с видными деятелями литературы и театра XX века: К.Л. Зелинским, Е.Н. Коншиной, И.Л. Сельвинским, Т.Г. Цявловской-Зенгер и др. Л.Г. Бать, подруга на протяжении жизни, полагала и напоминала писателю, что «эпистолярное творчество – вымирающий жанр» (Там же, с. 610). Гроссман же переписку любил, ценил и многие дела решал через письма (с 1917 г. он страдал агорафобией).

Самая обширная и наиболее интенсивная переписка – с Давидом Ионовичем Постоловым (1886–1963). Их дружба с Гроссманом коренилась в общности адвокатской деятельности, культурных интересов и увлечений театром и литературой. Даже в неволе судьба не разлучила их: в Каргопольяге в 1939 г. они оказались в одном бараке. В общей сложности Постолов провел в лагерях и ссылках почти 18 лет (был реабилитирован в 1956 г.). Он жил в Москве, а потому стал главным помощником и представителем Гросс-

мана в решении вопросов, связанных с изданием романа «Арион». Постолов снабжал автора нужными книгами и архивными документами, подключил все свои многочисленные связи и влиятельные знакомства, чтобы ускорить выход романа, делился ощущениями при чтении присылаемых частей романа по мере их написания и переделки, вносил предложения и делал замечания, поддерживал и подбадривал Гроссмана. Отраженные в письмах «хождения по мукам» Постолова готовят читателя к его заключению в письме от 22 июля 1959 г.:

Должен тебе сказать, что за срок более двух лет борьбы за твой роман, я познал всю закулисную сторону издательского дела, и я тебе обязан расширением круга моих познаний жизни в ее реальности, а не в декларативных документах, постановлениях и резолюциях.

Вот бы написать книгу о книге. Ведь твои почти сто писем ко мне – это очень интересный и поучительный материал, это почти второй роман [1, с. 566].

Переписка, действительно, захватывает. Она позволяет увидеть эпоху не хуже, чем в романе, ощутить бескорыстие дружбы Постолова, его самоотверженность. Читая, понимаешь, насколько трудно Гроссману работалось в одиночестве:

В процессе работы над книгой хочется иметь близкого человека, с которым можно поделиться новой мелькнувшей мыслью, проверить сомнения, услышать умное слово, хотя бы и порицающее, но оно даст толчок новому ходу мыслей.

Ты даже издали мне помогаешь очень много. И есть страницы, которые я пишу с робкой мыслью: а как Давид одобрит их или отвергнет? (Там же, с. 394).

Гроссман делится с другом всеми своими открытиями, так в письме от 25 октября 1957 г. он замечает:

Теперь бьюсь над творческой историей Онегина, вернее, первой главы. И уже нашел курьезную ошибку у Пушкина, которую исследователи и критики пока не замечают.

Так известно, что Онегин «родился на берегах Невы», там он и прожил всю жизнь, след[овательно], он петербуржец. А в 4-ой главе Пушкин называет его «москвич в гарольдовом плаще»

Это мое наблюдение держи в секрете. Я его как-нибудь опубликую при удобном случае (Там же, с. 400).

Гроссмана интересовала как непосредственно научно-исследовательская мысль, так и ее художественная обработка, и он чутко прислушивался к читательской реакции. Его энтузиазм и работоспособность завидны:

У меня есть несколько тем. Из них одна научно-исследовательская «Семейная драма Лермонтова». Другая забавная – история одного совпадения. Хотелось бы восстановить мои работы о «Памятнике», «Пиковой даме» и «Онегине». Очень хочется написать историческую повесть о Крылове. У меня есть новый материал о его жизни. А не худо бы написать роман о Сухово-Кобылине. Но об уголовном деле упомяну мельком. Наконец, меня влечет ораторская книга. За что взяться? (Там же, с. 423).

Он предлагал Постолову совместную работу над книгой о русском ораторском искусстве, главным образом, о судебном красноречии:

...мы с тобой обладаем в этой области такими знаниями, каких молодежи не добыть. И на нашей с тобой совести лежит обязанность познакомить современников с лучшими образцами русского устного художественного слова. А я взял бы на себя задачу показать влияние нашей классической литературы, особенно Пушкина, Гоголя, Тургенева и Толстого на творчество лучших русских ораторов Плевако, Карабчевского, Андреевского, Пассовера и других [1, с. 379];

...теперь, когда вся дореволюционная адвокатура охаяна и ошельмована как продажная и буржуазная, мы с тобой должны внести в этот вопрос беспристрастие историков и, не скрывая теневых сторон этого тонкого и опасного искусства, показать его объективную прогрессивность для своего времени и бесспорную культурную и художественную ценность (Там же, с. 382).

Сил Постолова на книгу уже не хватало. Взяв на себя хлопоты по изданию «Ариона» (эту помощь невозможно переоценить), он не выдержал – сдало большое сердце. Гроссман же, выражая неизменную признательность, не мог снова и снова не просить:

...по условиям быта мне неоткуда ждать сочувствия и понимания.

Оленька мала. Викт[ория] Борисовна с 7 утра до 7–8 вечера занята заводом и партийными поручениями. Она приходит домой, еле ворочая языком от усталости, не успевая поест, и отдохнуть, как уж пора ложиться, чтобы завтра начать такой же напряженный трудовой день. А тут еще ее собираются назначить заместителем директора по технической эксплуатации флота. Прибавка к жалованию грошовая, ответственность же огромная. Да и не женская это должность командовать полутора тысячами мужчин – пьяниц и матерщинников.

Вот мне и остается одно – сидеть за письменным столом и изливать друзьям душу. Так что ты, родной мой, не пеняй на меня и терпеливо читай мои длинные послания.

Итак, будь здоров и пиши мне. Будем утешаться тем, что сколько веревочку не вить, а кончику быть. Пиши мне, звони Лидии Григорьевне, Бонди и в издательство (Там же, с. 481–482).

Глубокий творческий человек и превосходный адвокат, Постолов за этим частным случаем друга видел суть всего происходившего в стране:

...из твоего опыта можно сделать вывод, как необычайно трудно одолеть это средостение между писателем и читателем. И так во всем: весь аппарат государственный, общественный, – прямая задача которого претворить в жизнь декларации и конституцию, становится глухой стеной и обращается в свою противоположность (Там же, с. 502).

За волнующими линиями переписки с дорогими Гроссману людьми следуют завершающие первый том биографические рассказы писателя 1930-х (машинписные рукописи были обнаружены в РГАЛИ): «Когда-то в Кремле» и «Старое доброе время».

Вторая часть, литературная и литературоведческая, начинается с не публиковавшихся в полном объеме «Этюд о Пушкине». За ними следуют пьесы: «Метель», «Барышня-крестьянка», «Выстрел», «Дубровский», «Пушкин в Москве», «Ахилл» (о Батюшкове). Львиная доля сделанного Гроссманом посвящена, безусловно, Пушкину. Уже в 1930-х годах о его работах высоко отзывались Н.К. Гудзий, Н.Л. Бродский, Г.О. Винокур, А.К. Джигелегов. «Этюды о Пушкине» Гроссман обдумывал на протяжении всей жизни, включая годы заключения: «Исследовательский труд был прерван, но не прекратилась работа мысли, не успокоилась душа» [2, с. 236].

Пронзительно предисловие, где Гроссман напоминает о том, как на допросе в 1948 г. его спрашивали об отношении к Татьяне: «Считаете ли вы, что образ Татьяны идеальный, а не реальный? Продолжаете ли утверждать, что Онегин полюбил Татьяну с первой встречи?» (Там же, с. 5). Ответ лег в основу обвинительного приговора и лишения свободы на 10 лет.

В предисловии к «Этюдам» Гроссман отмечал:

Пушкин был предметом моих изучений более полувека. Трудна правда о Пушкине, та большая правда, которая сплошь и рядом затеняется либо мелкими правденками, либо условной ложью, необходимой, по мнению многих, чтобы не снижать в глазах обывателя образ величайшего русского поэта (Там же, с. 7).

Когда времена изменились и появилась возможность говорить, Гроссман чувствовал, что он «уже не тот, что был» (Там же, с. 6). И все же он решил не дать пропасть своим мыслям о любимом поэте:

...я решил набросать без особой системы и порядка все, что сохранилось в моей памяти, все наблюдения и заметы над жизнью и творениями любимого поэта. Доказательств не привожу. Специалист сумеет проверить меня и без ссылок, а неискушенный читатель, если и не будет мною убежден, получит повод задуматься и взглянуть по-новому на то, что привык воспринимать готовым по трафарету (Там же, с. 7).

Этюды – идеально подходящий для Гроссмана жанр. Небольшой формат, тезисный характер высказывания мыслей и красота письма, композиционная свобода и возможность самовыражения, стремление пробудить мысль собеседника – все это максимально соответствовало его дарованию. Как юрист, Гроссман силен в наблюдениях, доказательности и убедительности. Казалось бы, что еще можно усмотреть в столь хорошо изученном произведении, как, например, «Пиковая дама»? Но автор выявляет второй план:

...это повесть о самом поэте, о его жизненной драме, которую он тщательно скрывал от посторонних глаз. Она автобиографична и в ней поэт сам для себя раскрывает трагедию семейной жизни [2, с. 55].

Далее второй том предоставляет статьи и литературно-критические работы: «Прихоти славы» (первая публикация – в «Вологодском комсомольце», 1964 г.), «Слово о Лермонтове» («Красный Север», 1964), «Допросом музу беспokoя...» (статья о погрешностях у поэтов; «Вологодский комсомолец», 1965), «Был о русском соловье» (статья об И.А. Крылове; «Вологодский комсомолец», 1969), рассказ «Почетный академик» (об А.П. Чехове; «Вологодский комсомолец», 1971) и другие.

Раздел рецензий и отзывов на произведения Гроссмана (К.Л. Зелинского, Е.Ф. Книпович, Е.Е. Соллертинского и др.) позволяет прочесть полностью то, о чем мы уже узнали из его рассказов. Помещена и новая статья – анализ пьес Гроссмана С.Н. Патапенко.

За развернутые научные комментарии ко всем разделам этого гармоничного собрания сочинений мы благодарны Е.В. Титовой, за основные даты жизни, творчества и исследования наследия, а также за библиографический список источников и литературы – Л.Н. Солодухиной. Как это иногда бывает, наши плюсы оборачиваются в минусы, и в данном случае увлеченность редакторов-составителей доводит до того, что тебе как читателю приходится наблюдать подчеркивания в тексте наиболее значимых для них мыслей. Я испытываю бесконечную благодарность к ним как задумавшим и исполнившим этот важный проект, но мне хочется видеть только выделения автора – не составителей, при чтении остаться наедине с ним, запечатленным им временем, поразмышлять о более тонких вещах, нежели подчеркнутые прямые, на мой взгляд, высказывания.

Литература

1. Гроссман, В. А. Избранные сочинения : в 2 частях / В. А. Гроссман ; вступительная статья, биографический очерк: Е. В. Титова, Л. Н. Солодухина ; составитель, редактор Л. Н. Солодухина ; научный редактор, автор научных комментариев, составитель Е. В. Титова. – Вологда : Древности Севера, 2023. – Ч. 1. – 707 с.

2. Гроссман, В. А. Избранные сочинения : в 2 частях / В. А. Гроссман ; вступительная статья, биографический очерк: Е. В. Титова, Л. Н. Солодухина ; составитель, редактор Л. Н. Солодухина ; научный редактор, автор научных комментариев, составитель Е. В. Титова. – Вологда : Древности Севера, 2023. – Ч. 2. – 631 с.

L.V. Egorova

SELECTED WORKS OF VICTOR AZRIELEVICH GROSSMAN

A review of the two-volume edition of selected works of Victor Azrielevich Grossman (1887–1978), the writer and playwright, literary critic, Pushkin scholar, a bright cultural figure of the early 20th century – late 1970s. He was a man of dramatic destiny. Between and after terms of imprisonment (1938–1946, 1948–1955) he connected his life with Vologda, the Vologda State Pedagogical Institute.

Victor Azrielevich Grossman, selected works in two volumes, «Sketches about Pushkin» («Etyudy o Pushkine»), memoirs «Bygone Days» («Minuvshie dni»), David Postolov, Isaac Podolny, Vologda.

Л.А. Якушева

Вологодский государственный университет

ФОН И ФИГУРА: ПРОБЛЕМНЫЙ И СЮЖЕТНЫЙ ОБЗОР ВСЕРОССИЙСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ

10–11 февраля в Вологде под эгидой Вологодского государственного университета прошла VI Всероссийская научная конференция с международным участием. Данная публикация является кратким синопсисом содержательной и насыщенной программы двухдневного научного форума.

Конференция, литературная антропология, мифопоэтика, книжная иллюстрация, вологодский текст.

Проект *Фон и фигура* появился в вологодской гуманитаристике несколько лет назад и устойчиво ассоциируется в интеллектуальной среде с исследованиями современного литературного процесса, изучением литературной городской среды, публичными лекциями, обсуждениями книжных новинок. Под эгидой Вологодского государственного университета при содействии Вологодской областной универсальной научной библиотеки были проведены 5 конференций «Фон и фигура» регионального и всероссийского уровня [3; 4; 5], изданы 3 монографии [1; 2; 6]. За это время участники проекта успешно реализовали собственные программы и литературные проекты, используя векторы рассмотрения, заданные самим названием: фигура на фоне, фигура без фона, фон без фигуры, фигуративный фон и т.д.

По замыслу организаторов конференции концепция форума неизменно опирается на ряд принципов: *обсуждаются книги, которые мы читаем, и книги, которые мы пишем*. При этом, круг рассматриваемых вопросов зачастую оказывается шире: для рассмотрения традиционных литературоведческих тем фоном может служить пространство города или даже страны, изобразительного или аудиовизуальных видов искусства. То есть конференция является междисциплинарной и максимально открытой для исследователей разных гуманитарных специальностей.

Рассмотрим диапазон тем и вопросов, обсуждаемых в научных докладах и презентациях 2024 года. Теоретик литературы, исследователь современного литературного процесса д-р филол. наук Роман Красильников (ЦПМ, Москва) представил в своем докладе мифопоэтическую концепцию индивидуально-авторского восприятия на примере новой книги вологодской поэтессы Наты Сучковой «Страна». В основу рассуждения лег конкретный обозначенный ландшафт – растягивающийся по горизонтали названиями и указанием места, но одновременно взмывающий в вертикаль к ино-стране, к вечным знакам и образам. Узнаваемая в стихотворных текстах провинциальная жизнь у реки, детализация советского прошлого – то,

что рассматривает глаз вблизи или лицезреет с птичьего полета, – все это создает, по мнению автора доклада, своеобразный конгломерат пространств и времен. Участникам конференции были предложены к рассмотрению поэтические строки, художественные приемы, образный и тематический ряд актуальной поэзии, а также высказан дискуссионный посыл о том, что не каждый автор создает индивидуально-авторский миф, поскольку оригинальная мифология предполагает моделирование мира в целом – от пространства до времени, от контрфорсов-персонажей до аркбутанов-мотивов. Поэтому не всем авторам удастся сконструировать более-менее цельную собственную «вселенную». Кроме того, как правило, индивидуально-авторский миф предполагает выход за пределы реальности, трансцендентное, метафизическое начало или, во всяком случае, альтернативную сюжетность.

Еще два доклада коррелировали с данным исследовательским высказыванием. Во-первых, это исследование из области литературной антропологии московских коллег из Москвы – Елены и Сергея Левочкиных. В рамках грантового проекта, поддержанного РГНФ – «Цветавские костры как ритуал, культурная сцена и эмоциональное убежище», участникам конференции были предложены к рассмотрению результаты исследования, а также сами эго-документы, демонстрирующие очень важную и тонкую взаимосвязь читателя и поэта (кто вас познакомил с творчеством М. Цветаевой? Как читали, что прочли, изменился ли ваш читательский опыт и т. д.). Приведем пример представленной в докладе трансмиссии стихотворного цветаевского наследия: 1. Случайная встреча с текстом, знания пришедшие от «свидетелей», прижизненные издания. 2. Поиск информации и текстов, копирование в тетрадку, сбор образа поэта по крупницам. 3. Читатель сам становится «специалистом» по Цветаевой, занимается просвещением (вовлекая в творчество поэта подруг, учеников и т. д.). 4. Другие переживают не только знание о тексте, но и увлеченность им и образом поэта (в некоторых случаях только последнее). 5. Разговор о Марине Цветаевой стано-

вится разговором о жизни как таковой (о спасающей культуре, репрессивном государстве или женской судьбе). Таким образом, как мы видим, авторы доклада представили нетривиально выстроенную картину распространения, бытования и интерпретации текстов величайшего поэта XX века.

Доцент ВоГУ Людмила Якушева поделилась опытом культурологического внедрения в социологическое исследование городского пространства (концепция благоустройства парка Евковка, 2023). Любопытно, что при участии в проекте филолога по основному базисному образованию в антропологическое исследование поселка Льнокомбинат вошли фрагменты «вологодского текста» Н. Боевой, свадебный сюжет из биографии поэта С. Есенина, повествовательные нарративы С. Довлатова и П. Санаева. Данный материал расширил ландшафтные измерения места – окраина, «конец географии», фронтитр городской цивилизации, место, где начинается свобода и воля с горизонтальной растяжки (как уже отмечалось выше, в докладе Р.Л. Красильникова) до вертикальной – феноменологической, экзистенциальной, общекультурной.

Результаты собственного проекта представила и профессор ВоГУ Людмила Егорова. Несколько лет она вместе со своими учениками исследовала особенности переводов «Колымских рассказов» В. Шаламова. Автора доклада, прежде всего, интересовала тема влияния редактора и переводчика на исходный текст (в чем кроются причины «вторжения»? Связано ли это с излишней торопливостью при публикации или незнанием более широкого культурного контекста? Почему редакторы в принципе не шли за автором?). Отметим, что доклад имел интересный и методический поворот, поскольку в примерах звучали сюжеты, связанные с исследовательским опытом студенческой поросли. Еще большего одобрения заслужило то, что в докладе «вологодское имя» выходило за пределы принадлежности к территории и определенного времени, становясь частью мировой литературной жизни и культуры.

Наша коллега из Ярославля доцент Наталья Дидковская представила результаты изучения, транслирования (на примере выставки) и возможного распространения (через издательскую деятельность) опыта межличностного и междисциплинарного диалога писателя, основателя русской научной педагогики К.Д. Ушинского и его правнучки, художника Ирины

Хале. Участникам конференции были наглядно продемонстрированы иллюстрации по известным и малоизученным произведениям русского классика, прокомментирован творческий и гуманистический посыл подобной визуальной смысловой трансформации. Остается только сожалеть, что имя К.Д. Ушинского, которое укоренилось в Ярославле (в истории Демидовского лицея, памятнике, имени педагогического университета), почти неизвестно в Вологде, где прошло несколько детских лет писателя. Учитывая сложившиеся в ВоГУ традиции литературного и исторического родоноведения, хочется надеяться, что имя К.Д. Ушинского войдет в культурный коды Вологды.

Перспективными оказались линии обсуждения использования фрагментов литературных текстов в качестве адаптации к современным реалиям младших школьников, обучающихся в международной школе Подгорицы (доклад канд. филол. наук Елены Красильниковой, Черногория); примеры использования литературоведческой методологии и терминологии, применяемой в области искусствоведения в докладах студентов ВоГУ. Лучшие студенческие доклады были отмечены дипломами конкурса, который прошел под эгидой конференции.

В целом, участники форума выразили удовлетворение от состоявшейся научной дискуссии, договорились о перспективах дальнейшего сотрудничества в рамках проекта «Фон и фигура».

Литература

1. Егорова, Л. В. Издать и перевести невозможное: из истории «Колымских рассказов»: монография / Л. В. Егорова – Вологда: ВоГУ, 2024. – 251 с.
2. Егорова, Л. В. Все свои: избранная вологодская литература сегодня: монография / Л. В. Егорова – Вологда: ВолНЦ РАН, 2021. – 327 с.
3. Якушева, Л. А. Фон и фигура: синопсис конференции / Л. А. Якушева // Вестник Вологодского государственного университета. – 2019. – № 2. – С. 122–123.
4. Якушева, Л. А. Фон и фигура: книжное измерение / Л. А. Якушева, Н. А. Дидковская // Вестник Вологодского государственного университета. – 2020. – № 3. – С. 101–103.
5. Якушева, Л. А. Фон и фигура: творческие проекты / Л. А. Якушева // Вестник Вологодского государственного университета. – 2021. – № 1. – С. 88–90.
6. Якушева, Л. А. Фон и фигура: провинциальные сюжеты: монография / Л. А. Якушева. – Вологда: ВоГУ, 2019. – 159 с.

L.A. Yakusheva

BACKGROUND AND FIGURE: A CRITICAL REVIEW OF THE ALL-RUSSIAN CONFERENCE WITH INTERNATIONAL PARTICIPATION

The 6th All-Russian scientific conference with international participation was held in Vologda State University on February, 10-11. The article is a brief summary of the informative and extensive program of the two-day scholar forum.

Conference, literature anthropology, mythopoetic, book illustrations, Vologda text.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Блинова Светлана Владимировна

кандидат искусствоведения, доцент, доцент кафедры музыкального искусства и образования Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
svetlin1964@mail.ru

Бузинова Людмила Михайловна

доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации Московского международного университета (Москва, Россия)
rluda@mail.ru

Бурсина Ольга Алексеевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
olgasazanova@yandex.ru

Генералова Лариса Михайловна

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода и лингвистики Волгоградского государственного университета (Волгоград, Россия)
l.m.generalowa@volsu.ru

Голдин Владислав Иванович

доктор исторических наук, профессор, директор Центра исторических и политических исследований Севера и Арктики, профессор Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, заслуженный деятель науки РФ (Архангельск, Россия)
v.i.goldin@yandex.ru

Дунников Валерий Валерьевич

аспирант кафедры русской и зарубежной филологии Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых (Владимир, Россия)
dunnikov.valery@yandex.ru

Егорова Людмила Владимировна

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
lveg@yandex.ru

Иванова Елена Николаевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
el-ivan@mail.ru

Игнатьева Алла Андреевна

аспирант кафедры русской и зарубежной филологии Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых (Владимир, Россия)
Alla.Leps@yandex.ru

Квашнин Владимир Александрович

доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры юриспруденции Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
kvashninv195@mail.ru

Кочешков Геннадий Николаевич

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского (Ярославль, Россия)
kocheshg@mail.ru

Кургузова Елена Владимировна

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Военной академии войсковой противовоздушной обороны Вооруженных сил Российской Федерации (Смоленск, Россия)
allesgute@yandex.ru

Наумов Алексей Николаевич

независимый исследователь (Петрозаводск, Россия)
kemljak@mail.ru

Новиков Михаил Васильевич

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского, заслуженный деятель науки РФ (Ярославль, Россия)

m.novikov@yspu.org

Павлючук Вера Петровна

кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Московского международного университета (Москва, Россия)

v.pavluchuk@mmu.ru

Папилова Елена Вячеславовна

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Российского государственного университета нефти и газа (НИУ) им. И.М. Губкина (Москва, Россия)

lennochka@mail.ru

Плиев Руслан Ибрагимович

аспирант кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского государственного университета (Пятигорск, Россия)

pliew.r2018@yandex.ru

Плотникова Анастасия Геннадьевна

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН (Москва, Россия)

aplotnikovaimli@gmail.com

Пушкаренко Елена Анатольевна

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Российской таможенной академии (Люберцы, Россия)

pushkarenko-elena@mail.ru

Румянцева Анна Сергеевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)

smile_like_annie@yahoo.com

Саблин Василий Анатольевич

доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории и мировой политики Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)

sablin@inbox.ru

Судаков Гурий Васильевич

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)

gvs035@rambler.ru

Черкасов Валерий Анатольевич

доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории, педагогики и методики начального образования и изобразительного искусства Белгородского государственного национального исследовательского университета (Белгород, Россия)

Cherkasov.valeri@mail.ru

Якушева Людмила Алентиновна

кандидат культурологии, доцент кафедры теории, истории культуры и этнологии Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)

kafticie@vogu35.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Blinova Svetlana Vladimirovna

Candidate of Art Criticism, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Musical Art and Education, Vologda State University (Vologda, Russia)
svetlin1964@mail.ru

Buzinova Lyudmila Mikhailovna

Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Linguistics and Intercultural Communication, Moscow International University (Moscow, Russia)
rluda@mail.ru

Bursina Olga Alekseevna

Candidate of Philology, Associate Professor of the English Language Department, Vologda State University (Vologda, Russia)
olgasazanova@yandex.ru

Goldin Vladislav Ivanovich

Doctor of History, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Director of the Center for Historical and Political Research of the North and the Arctic, Professor of the Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)
v.i.goldin@yandex.ru

Generalova Larisa Mikhailovna

Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Theory and Practice of Translation and Linguistics, the Institute of Philology and Intercultural Communication, Volgograd State University
l.m.generalova@volsu.ru

Dunnikov Valery Valerievich

Postgraduate Student of the Department of Russian and Foreign Philology, Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs (Vladimir, Russia)
dunnikov.valery@yandex.ru

Egorova Lyudmila Vladimirovna

Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the English Department, Vologda State University (Vologda, Russia)
lveg@yandex.ru

Ivanova Elena Nikolaevna

Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian, Theory of Communication and Journalism, Vologda State University (Vologda, Russia)
l-ivan@mail.ru

Ignatieva Alla Andreevna

Postgraduate Student of the Department of Russian and Foreign Philology, Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs (Vladimir, Russia)
Alla.Leps@yandex.ru

Kvashnin Vladimir Alexandrovich

Doctor of History, Associate Professor, Professor of the Department of Law, Vologda State University (Vologda, Russia)
kvashninv195@mail.ru

Kocheshkov Gennady Nikolaevich

Doctor of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky (Yaroslavl, Russia)
kocheshg@mail.ru

Kurguzova Elena Vladimirovna

Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Military Academy of Military Air Defense of the Armed Forces of the Russian Federation (Smolensk, Russia)
allesgute@yandex.ru

Naumov Alexey Nikolaevich

Independent Researcher (Petrozavodsk, Russia)
kemljak@mail.ru

Novikov Mikhail Vasilyevich

Doctor of History, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Head of the Department of Theory and Methodology of Vocational Education, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky (Yaroslavl, Russia)
m.novikov@yspu.org

Pavlyuchuk Vera Petrovna

Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Linguistics and Intercultural Communication, Moscow International University (Moscow, Russia)
v.pavluchuk@mmu.ru

Papilova Elena Vyacheslavovna

Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian Language Department, Russian State University of Oil and Gas named after I.M. Gubkin (Moscow, Russia)
llennochka@mail.ru

Pliev Ruslan Ibragimovich

Postgraduate Student of the Department of Historical and Social-Philosophical Disciplines, Oriental Studies and Theology, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russia)
pliew.r2018@yandex.ru

Plotnikova Anastasia Gennadievna

Candidate of Philology, Senior Researcher at the Institute of World Literature named after A.M. Gorky RAS (Moscow, Russia)
aplotnikovaimli@gmail.com

Pushkarenko Elena Anatolyevna

Candidate of History, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Humanities, Russian Customs Academy (Lyubertsy, Russia)
pushkarenko-elena@mail.ru

Rumyantseva Anna Sergeevna

Candidate of Philology, Associate Professor of the English Department, Vologda State University (Vologda, Russia)
smile_like_annie@yahoo.com

Sablin Vasily Anatolyevich

Doctor of History, Associate Professor, Head of the Department of World History and International Politics, Vologda State University (Vologda, Russia)
sablin@inbox.ru

Sudakov Gury Vasilevich

Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian, Theory of Communication and Journalism, Vologda State University (Vologda, Russia)
gvs035@rambler.ru

Cherkasov Valery Anatolyevich

Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Theory, Pedagogy and Methods of Primary Education and Fine Arts, Pedagogical Institute, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russia)
Cherkasov.valeri@mail.ru

Yakusheva Lyudmila Alentinovna

Candidate of Cultural Studies, Associate Professor of the Department of Theory, History of Culture and Ethnology, Vologda State University (Vologda, Russia)
kafticie@vogu35.ru